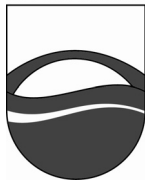

РГУ им. И. Канта

СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2010

1—2

Издательство
Российского государственного университета имени Иммануила Канта
2010

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2010
№ 1 – 2

Калининград:
Изд-во РГУ
им. И. Канта, 2010.
321 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

© Коллектив авторов, 2010
© Издательство РГУ
им. И. Канта, 2010

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор РГУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, прорекан филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *В. Лие*, д-р филол. наук, профессор Пекинского университета иностранных языков (Китай, Пекин); *Л. А. Кудрявцева*, д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член Президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев); *Г. Кундротас*, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета (Литва, Вильнюс); *Б. Н. Тарасов*, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А. М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен*, д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

В. И. Грешных, д-р филол. наук, профессор —
главный редактор
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор
В. И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент
Т. В. Цвигун, канд. филол. наук, доцент
В. И. Повилайтис, канд. филос. наук, доцент
А. И. Васкиневич, канд. филол. наук, доцент
В. А. Смирнов, директор Центра
общественно-политических исследований
«Русская Балтика»

СОДЕРЖАНИЕ

Читателям журнала «Слово.ру: балтийский акцент» (<i>Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл</i>)	7
Предисловие (<i>А. Клемешев</i>)	8

АКТУАЛЬНО

Зарубежные диаспоры соотечественников. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла	13
---	----

ОБЩЕСТВО: ПОЛЕМИЧЕСКИЙ СЛЕД

<i>Кригер Б.</i> Время славянской цивилизации	21
<i>Гильманов В.</i> Звездный перекресток	31
<i>Орехов М.</i> Толерантность как чувство жизни	47

ЯЗЫК: ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

<i>Кочеткова О.</i> Про норму и ее реформу	59
<i>Кронгауз М.</i> Ключевые слова эпохи	69
<i>Русакова Е.</i> Языковое творчество обитателей всемирной паутины	86

ЗНАКИ ИСТОРИИ

<i>Яковлева М.</i> «Из них был славен не один...»: князя Юсуповы	93
<i>Потемина М.</i> Что осталось от Берлинской стены	108
<i>Золов А.</i> Одна страна — две нации (Германия после объединения).....	116
<i>Маслов В.</i> Образ Победы в советском и постсоветском историческом сознании	121

СЛОВЕСНОСТЬ

<i>Седова Г.</i> Незамеченный дефис в известном тексте В. А. Жуковского	133
<i>Исаев С.</i> «Молчу... и втайне я страдаю...»: антропология и поэтика концептов «лицемерие» и «приличие» в лирике Пушкина 1810—1820-х годов	149
<i>Жилина Н.</i> Судьба литературного героя Ф. Н. Глинки	175

<i>Соловьева Н.</i> Переводы русской поэзии на английский язык	179
--	-----

ИКОНА

<i>Лепяхин В.</i> Икона в русской литературе XIX века.....	187
--	-----

ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

Фото, архивные материалы	208
--------------------------------	-----

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАНИЦЫ

<i>Повилайтис В.</i> Философия истории и культуры Г. А. Ландау	211
--	-----

ИСТОКИ

<i>Грешных В.</i> Давняя, но такая близкая... эта повесть	223
Повесть о Петре и Февронии	230

РУССКИЕ В КЁНИГСБЕРГЕ

<i>Лысков А.</i> Дом профессора Н. А. Арсеньева	241
<i>Кузнецова И.</i> «Русский след» в музыкальной культуре Кёнигсберга	251

ПОБЕРЕЖЬЕ

Новый перевод «Времен года» К. Донелайтиса (предисловие <i>Т. Цви-гун</i>).....	263
<i>Донелайтис К.</i> Времена года.....	265

ПЕРСОНА

«Старая Россия осталась для нас живой...» Интервью с Вероникой Шеншиной.....	275
<i>Шеншина В. А.</i> Фет и символисты.....	279

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Мацкевич Н.</i> Их остается только трое... (русскоязычная пресса Литвы)	291
<i>Кузнецова З.</i> Международная пушкинская конференция.....	296
<i>Лие В.</i> Уроки русского языка в Китае	301
<i>Дмитровский А. А. К.</i> Толстой и его мир	304
<i>Белюсова В.</i> И смех, и слезы, и любовь.....	309

CONTENTS

To the Readers of Slovo. Ru: Baltic Accents (<i>Patriarch Kirill I of Moscow and All Russia</i>)	7
Preface (<i>A. Klemeshev</i>)	8

FEATURE

Compatriots Abroad. The address of Patriarch Kirill I of Moscow and All Russia.....	13
---	----

SOCIETY: TRACING CURRENT DISCUSSIONS

<i>Kruger B.</i> The Time of Slavonic Civilization	21
<i>Gilmanov V.</i> Crossroads of Stars	31
<i>Orekhov M.</i> Tolerance as Feeling of Life	47

LANGUAGE: THE PULSE OF LIFE

<i>Kochetkova O.</i> Reforming the Norm	59
<i>Krongauz M.</i> Keywords of the Epoch.....	69
<i>Rusakova E.</i> Linguistic Creativity Online.....	86

THE SIGNS OF HISTORY

<i>Yakovleva M.</i> “Among them many famous names...”: The House of Yusupov.....	93
<i>Potyomina M.</i> The Remains of the Berlin Wall.....	108
<i>Zolov A.</i> One Country — Two Nations: Post-Reunion Germany	116
<i>Maslov V.</i> The Victory in Soviet and Post-Soviet Perception of History	121

THE ART OF LETTERS

<i>Sedova G.</i> Vasily Zhukovsky: a Famous Text — a Dash Not Noticed	133
<i>Isayev S.</i> Anthropology and Poetics of the Concepts of HIPOCRICY (LICE-MERIYE) and DECENCY (PRILICHIYE) in Pushkin’s Works of 1810–1820s.....	149
<i>Zhilina N.</i> Character’s Fate in Feodor Glinka’s works.....	175
<i>Solovieva N.</i> Russian Poetry in Translation	179

ICONS

<i>Lepakhin V. The Icon in the Russian Literature of the 19th Century</i>	187
--	-----

DOCUMENTS OF TIME

Photographs, Archival Materials	208
---------------------------------------	-----

NOTES ON PHILOSOPHY

<i>Povilaitis V. Grigory Landau: Philosophy of History and Culture</i>	211
--	-----

ORIGINS

<i>Greshnykh V. 'So Far Away, So Close' ... a Tale</i>	223
The Tale of Peter and Fevronia.....	230

RUSSIANS IN KÖNIGSBERG

<i>Lyskov A. Professor Arsenyev's House</i>	241
<i>Kuznetzova I. Russian 'Notes' in the Musical Culture of Königsberg</i>	251

ALONG THE COAST

The new translation of <i>The Seasons</i> K. Donelaitis (introduction by T. Tzvi- gun).....	263
<i>Donelaitis K. Seasons</i>	265

SPECIAL GUEST

<i>"Old Russia – Still Alive for Us..." An Interview with Veronika Shenshina...</i>	275
<i>Shenshina V. A. Fet and the symbolists</i>	279

REVIEWS

<i>Mazkevich N. And Then There Were Three...: Russian-Language Fiction in Lithuania</i>	291
<i>Kuznetzova Z. International Pushkin Conference</i>	296
<i>Liye V. Russian Lessons in China</i>	301
<i>Dmitrovsky A. The World of Alexey K. Tolstoy</i>	304
<i>Belousova V. Of laughter itself, of tears, and love</i>	309

ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Дорогие братья и сестры!

Выход в свет журнала «Слово. ру: балтийский акцент» знаменует собой появление в русскоязычном информационном пространстве нового издания, направленного на освещение обширной историко-культурной проблематики Русского мира.

Примечательно, что идея создания журнала родилась в самом западном городе Российского государства — Калининграде, геополитическое расположение которого обязывает к активному культурному диалогу с государствами Балтийского региона. Такой обмен мнениями и идеями, содействовать которому и призвано настоящее издание, является залогом как добрососедских отношений России с этими странами, так и мирного существования в них многочисленных русских диаспор.

С целью создания журнала «Слово.ру: балтийский акцент» свои усилия объединили самые разные ученые-энтузиасты, работающие в стенах Российского государственного университета имени Иммануила Канта: филологи, историки, философы, социологи, политологи, культурологи. Интердисциплинарная экспертиза ситуации в регионе способна открыть новые перспективы сотрудничества и возможных положительных преобразований.

Надеюсь, что издание будет содействовать развитию и популяризации идей Русского мира в самой России и в близких нам по духу, культурным и историческим корням странах. Желаю создателям и авторам журнала творческих и профессиональных успехов, а его читателям — интересных открытий, интеллектуального и духовного возрастания.

+

Кирилл,
Святейший Патриарх Московский и всея Руси

Уважаемые читатели!

Перед вами первый номер гуманитарного журнала Российского государственного университета имени Иммануила Канта «Слово.ру: балтийский акцент». Наш новый информационный проект посвящен Русскому миру и адресован его сообществу: гражданам России разных национальностей, для которых русский является первым или вторым родным языком, русскоязычной аудитории ближнего (страны Балтийского региона) и дальнего зарубежья, а также всем сопричастным русскому языку и литературе, истории и культуре России. Наша цель — всестороннее обсуждение важнейших вопросов настоящего, прошлого и будущего Русского мира, что называется, *здесь и сейчас* — в Калининграде, на западной оконечности нашей огромной страны, в начале нового тысячелетия. Ведь сегодня именно через Калининград проходит Балтийский меридиан Русского мира.

Концептуально важными для журнала являются взаимосвязанные в контексте нашей жизни понятия «ОБЩЕСТВО», «ЯЗЫК», «КУЛЬТУРА», «ИСТОРИЯ», «ФИЛОСОФИЯ». обстоятельный разговор по этим ключевым позициям мы начинаем, следуя принципам открытости, целесообразности, объективности, конструктивной терпимости и исключительной заинтересованности в предмете обсуждения.

ОБЩЕСТВО в мировом, всероссийском и региональном масштабах — объект изучения специалистов различных отраслей знания. Программой задачи журнала «Слово.ру» его создатели считают утверждение и распространение *гуманитарного мировоззрения* и поддержку своих читателей в сохранении национальной идентичности, в принципиальном отрицании ксенофобии, в умении воспринимать «чужое» (инокультурные ценности) не в ущерб, а во благо «своему» (традиционным русским культурным ценностям), в противостоянии социально-экономическим потрясениям, в решимости защищать нравственную и природную среду обитания.

В калининградском эксклаве все перечисленное обретает свое — *балтийское* — измерение и нуждается в глубоком осмыслении, широком, свободном обсуждении, площадкой для которого и стремится стать наш журнал. Ведь особенность геополитического положения Калининградской области может ослабить ментальные и социокультурные связи между эксклавом и «материнской» страной. Расстояние по прямой от границы Калининградской области до другого ближайшего российского региона — Псковской области — превышает 370 км. Чтобы попасть сухопутным путем из Калининграда в Москву, нужно пересечь территории двух суверенных государств — Литвы и Белоруссии. На такой почве в сознании большинства населения — и социологические опросы подтверждают это — возникает «синдром эксклава»: обеспокоенность отделенностью, территориальной изолированностью от основной части России.

В этой ситуации журнальные публикации необходимой направленности могут послужить средством преодоления подобного синдрома.

Безусловно значима для региона и проблема социальной адаптации так называемых «новых переселенцев» из бывших республик Союза. Наш проект призван помочь и в этом нелегком деле.

ЯЗЫК как основа национальной государственности, средоточие и оберег «русскости» занимает одну из ключевых позиций в тематике журнала. Уже в его названии — «Слово. ру: балтийский акцент» — подчеркнута приверженность русскому слову как духовной основе, матрице Русского мира. В Калининградской области русский язык функционирует как язык-посредник (*Lingua franca*) при общении представителей нескольких десятков национальностей, и мы намерены уделять серьезное внимание языковой проблематике, анализу современного состояния русской речи в нашем регионе в сравнении с другими регионами России. В первую очередь в обсуждении нуждаются вопросы о принципах и формах языковой государственной политики, о языковой норме и ее бытовании в современной речи, о способах и средствах лечения таких общероссийских речевых недугов, как сквернословие, скудость словаря, злоупотребление жаргонной и иноязычной лексикой.

Предметом обсуждения на страницах журнала станет и язык Интернета — самого оперативного на сегодняшний день средства массовой информации. Ведь именно в сетевом пространстве проводит многие часы, интеллектуально развиваясь (или, напротив, деградируя?), наша молодежь. Отдельного разговора заслуживает и «новый эпистолярый» — язык SMS'ок и электронной почты.

И, конечно же, наш новый журнал будет служить полем откровенного, заинтересованного разговора о судьбах русского языка в русских диаспорах ближнего и дальнего (классического) зарубежья. Проблема происходящего сегодня сужения мира русофонии должна решаться в том числе и посредством расширения русскоязычного информационного пространства.

КУЛЬТУРА — гарант существования Русского мира. По словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, Россия всегда «служила гигантским мостом между народами, мостом прежде всего культурным». «Слово. ру», перебрасывая культурные мосты в страны Балтийского региона, сосредоточится на осмыслении таких тем, как национальное своеобразие русской культуры, русская культура и Запад, русская культура и Восток, национально-культурные стереотипы, кумулятивность культуры России, русский фольклор как культурологический источник, культура русского зарубежья, русская культура и институт меценатства, феномен массовой культуры, культура чтения, политика культуры и культура политики в разных странах, культурная карта Калининграда и т. д.

Серьезный разговор о культуре сегодня злободневен как никогда. Трудно не согласиться с мнением замечательного русского актера Юрия Яковлева, сказавшего: «Я бы издал указ — "О возрождении культуры". Нет, "О насаждении культуры"! Это будет лютая операция. Потому как

без лютости результата не получим. Слишком все запущенно». «Лютость» как упорный и мощный культурный прессинг — может быть, единственный реальный залог возможного успеха.

ИСТОРИЯ в событиях и персоналиях, документах и комментариях также найдет свое отражение на страницах журнала. Специалисты возводят рождение идеи Русского мира к Средним векам, к концепции Третьего Рима, созданной иноком Филофеем, и выделяют три измерения Русского мира как особой цивилизации: геополитическое, экономическое и гуманитарное. Именно гуманитарный аспект является приоритетным при обращении к истории Русского мира в журнале «Слово. ру». Структурируя пространство Русского мира, выделяют ядро (Россия), ближний Русский мир (страны бывшего СССР) и дальнейшее русское зарубежье (российская / русская диаспора в странах Европы, Северной и Латинской Америки, Африке и Азии). В силу современной геополитической реальности «островному» Калининграду, с одной стороны, необходима информационно-историческая «подпитка» для утверждения своей принадлежности ядру Русского мира; с другой — прусское, немецкое, литовское прошлое этой земли стало неотъемлемой частью истории региона. Поэтому наведение мостов исторической памяти, опровержение исторических фальсификаций, разоблачение исторических мистификаций и воспитание уважения к сложной истории этого края — важная задача журнала.

ФИЛОСОФИЯ — необходимый инструмент познания Русского мира и нашего места в нем. Виссарион Григорьевич Белинский писал: «У всякого народа две философии: одна ученая, книжная, торжественная, праздничная, другая — ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обе эти философии находятся более или менее в близком соотношении друг к другу; и кто хочет изображать общество, тому надо познакомиться с обеими, но последнюю особенно необходимо изучить». С философской трибуны «Слова. ру» обозрению будут доступны обе философии: и «ученая» (различные школы русской философии, система философских воззрений Иммануила Канта и др.), и «обиходная» (русские социальные нормы и традиции, своеобразие жизнедеятельности, потребности и способности, мифология русских и т. д.). Многие из русской философской проблематики и сегодня не утратили своей актуальности: поиск национальной идеи, выбор исторического пути России (между Востоком и Западом), трактовка понятия «соборность». Обсуждение этих проблем не может оставить равнодушной пытлиую и думающую аудиторию.

Надеемся, наш новый журнал найдет своего читателя и в России, и за рубежом и станет мирным орудием «мягкой силы» в добром деле народной дипломатии. В добрый час, «Слово. ру»! И пусть балтийский акцент на жизненно важных вопросах прошлого, настоящего и будущего будет точным!

*Андрей Клемешев,
ректор Российского государственного
университета имени Иммануила Канта*

АКТУАЛЬНО

Я думаю, сплочение диаспоры в дальнем зарубежье — важная цель, во-первых, для людей, живущих в диаспоре, потому что сплоченная диаспора обретает совершенно иной удельный вес в жизни принимающего ее государства. Но также это важная цель и для России, потому что в диаспоре часто проживают люди с очень активной жизненной позицией, с внутренним динамизмом, как говорят, с повышенной пассионарностью, и потеря таких людей для страны — это большая утрата. Поэтому важно продумывать средства и способы, которые бы помогли консолидировать нашу диаспору. Надо заметить, что сотрудничество в этой области сегодня активно развивается между Русской Православной Церковью и Министерством иностранных дел, а также между Церковью и другими ведомствами, которые имеют отношение к работе за рубежом.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

ЗАРУБЕЖНЫЕ ДИАСПОРЫ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Первого декабря 2009 года в Москве в Колонном зале Дома союзов открылся III Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. К участникам конгресса обратился со словом Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

*З*важаемое высокое собрание!
Сердечно приветствую всех вас, прибывших в Москву на этот представительный форум. С особым чувством хочу подчеркнуть, что мы собираемся в историческом зале Дворянского собрания. Сами эти стены связывают нас с прошлым, переносят нашу мысль к тем сложным событиям XX века, которые послужили причиной значительной эмиграции из нашей страны.

Как известно, катаклизмы XX века спровоцировали несколько волн такой эмиграции. Первая эмиграция — послереволюционная, затем тяжелые годы Великой Отечественной войны и, наконец, экономические и другие проблемы, связанные с общественным развитием в России в конце XX века, привели к возникновению третьей волны эмиграции.

Наличие трех волн всегда создавало некую предпосылку для внутреннего напряжения, которое существовало и до сих пор существует в русской и российской диаспоре. Но к этим историческим причинам, полагавшим некое средостение для общения наших людей за рубежом, сегодня присоединяются и новые причины — такие, как социальные диспропорции, имущественные различия и многое другое.

Я думаю, сплочение диаспоры в дальнем зарубежье — очень важная цель, во-первых, для людей, живущих в диаспоре, потому что

сплоченная диаспора обретает совершенно иной удельный вес в жизни принимающего ее государства. Но также это важная цель и для России, потому что в диаспоре часто проживают люди с очень активной жизненной позицией, с внутренним динамизмом, как говорят, с повышенной пассионарностью, и потеря таких людей для страны — это большая утрата. Поэтому важно продумывать средства и способы, которые бы помогли консолидировать нашу диаспору.

Надо заметить, что соработничество в этой области сегодня активно развивается между Русской Православной Церковью и Министерством иностранных дел, а также между Церковью и другими ведомствами, которые имеют отношение к работе за рубежом.

В частности, я хотел бы отметить взаимодействие с Россотрудничеством и с Правительством Москвы, а также с фондом «Русский мир» — совсем недавно на Ассамблее этого фонда был подписан договор о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и фондом «Русский мир». Я хотел бы еще раз, как я уже это сделал на Ассамблее Русского мира, с большим удовлетворением отметить все возрастающий динамизм в наших двусторонних отношениях.

Церковные приходы, будучи островами исторической Руси на чужбине, становятся естественным средоточием духовной и культурной жизни соотечественников. На приходах люди могут помолиться вместе, встретиться, поговорить за чашкой чая, обсудить свои реальные проблемы, завязать контакты с соотечественниками.

Сейчас развивается не только религиозная, но и общественная активность наших приходов. И это в первую очередь связано с появлением новых людей. Действительно, приходы становятся сильными, в некоторых случаях даже экономически достаточно благополучными, и благодаря этому развиваются разные приходские служения.

Я бы особенно хотел отметить появление средств массовой информации — приходских, епархиальных СМИ. Достаточно упомянуть такие хорошие издания, как «Северный благовестник» (издается в Скандинавии), «Сурож» (Великобритания), «Вестник Корсунской епархии» (Франция), «Свет Православия» (Чехия). Мне кажется, нужно особым образом обратить внимание на такого рода приходскую деятельность, которая имеет большое значение для консолидации нашей диаспоры, и оказывать ей значительную поддержку.

В целях сохранения соотечественниками своей национально-культурной идентичности необходимо продолжить создание центров по изучению русского языка. Мы говорили об этом на Ассамблее Русско-

го мира, и я хотел бы еще раз к этому вернуться. Я считаю, что такие центры должны создаваться на тех приходах Московского Патриархата, где их еще нет.

Важной задачей является обеспечение этих центров соответствующей методической и учебной литературой, оказание поддержки — я думаю, и по линии государства, и по линии общественных организаций, в частности такой, как «Русский мир». Как показывает зарубежный опыт, принцип отделения Церкви от государства не должен мешать государству осуществлять поддержку, в том числе и религиозной жизни своих соотечественников в диаспоре.

В деле сохранения исторической памяти особую важность приобретают мероприятия, связанные с историей Отечества, организация и проведение которых ориентированы на дальнейшее зарубежье. Сегодня они зачастую имеют бессистемный характер и проводятся лишь благодаря энтузиазму отдельных лиц, в частности настоятелей наших зарубежных приходов.

В качестве примера хотел бы привести, на мой взгляд, очень хорошую инициативу — проведение акции «Георгиевская ленточка — 2009» в Исландии. Там по инициативе нашего прихода была организована эта кампания, которая очень сплотила людей, обозначила их присутствие в социуме и, что самое главное, подчеркнула их солидарность с нашим народом, который так торжественно встречает и празднует День Победы.

Необходимо стремиться к системности и высокому уровню координации всех заинтересованных общественных и государственных сил в вопросе сохранения нашего общего исторического прошлого. И раз уж мы заговорили о Георгиевской ленте, я хотел бы сказать, что в 2010 году мы будем отмечать 65-летие Победы в Великой Отечественной войне и нам необходимо сообща продумать программу празднования этих событий, в том числе и в зарубежье.

Если говорить о памятных датах, то в 2013 году в Европе будет праздноваться 200-летие знаменитой Битвы народов при Лейпциге. В честь наших соотечественников, которые погибли в этой битве, в Лейпциге был построен величественный храм, в 1913 году он был освящен. Я бы предложил торжественно отпраздновать 200-летие битвы под Лейпцигом — с участием и Церкви, и государства, и широкой общественности.

В последнее время соотечественники — иностранные граждане, приобщившиеся к нашей духовной традиции, — проявляют желание

обучаться в духовных учебных заведениях Русской Православной Церкви. Мне кажется, что этому нужно всячески содействовать, и я бы просил также российское государство помогать тем молодым людям, которые изъявили желание обучаться в духовных учебных заведениях России, в организации приезда в страну, выдачи виз. Может быть, в каких-то случаях можно подумать и о материальной поддержке, потому что не всегда, особенно в наших провинциальных семинариях, местная епархия может обеспечить достойное проживание прибывших из-за границы молодых людей.

Проявляя заботу о пополнении зарубежных приходов образованными пастырями, мы открыли первую в дальнем зарубежье семинарию Русской Православной Церкви в Париже. Эта семинария будет готовить не только священнослужителей для Франции, но и священнослужителей для других европейских стран. Особый акцент будет делаться на изучение языка и на то, чтобы православный священник имел возможность почувствовать себя инкультурированным в западноевропейский контекст — с тем, чтобы, воспитывая свою паству в любви к Отечеству, в любви к своей собственной культуре, он одновременно чувствовал себя свободно в той ситуации, в которой оказывается. Иногда бывает так, что священники, которые приезжают за рубеж, не в полной мере владеют языком, и это очень сковывает их пастырские возможности, в том числе участие в общественной и культурной жизни страны пребывания.

Недавно состоялось историческое событие — принесение в Курск, в пределы Русской Православной Церкви, Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение». Эта икона была вывезена в годы революционного лихолетья и стала главной святыней Русского зарубежья.

Я имел возможность встретить эту икону, привезти ее из Москвы в Курск, участвовать в многотысячном крестном ходе и в тех богослужениях, которые состоялись. Я думаю, что не было ни одного участника этого события, который остался бы безучастным. Такого огромного количества людей, собранных для молитвы, я в своей жизни не видел. Разные цифры называет милиция, но совершенно очевидно, что в праздновании участвовало около 400 тысяч человек.

Люди шли по главной улице Курска. Те, кто не шел, стояли вдоль улицы, опускались на колени, молились. Потом это огромное количество людей вылилось на главную площадь Курска, заполнило ее всю; часть осталась стоять на примыкающих улицах. Нужно было чувствовать силу молитвы людей, чтобы понять, какое огромное значение

вера имеет в их жизни и какое огромное значение для России имело принесение этой иконы — символа Русского зарубежья.

Мы продолжаем жить в разных странах, некоторые родились за пределами России, но у нас есть символы, есть ценности, которые нас объединяют и которые сохраняют Русский мир, имеющий быть во многих государствах и странах, — Русский мир как особую духовную систему ценностей.

Серьезным вызовом консолидации соотечественников является их ассимиляция. Развивая эту тему, я хотел бы прежде всего выразить благодарность первой волне русской эмиграции, которая в тяжелейших экономических и политических условиях сохранила русский язык, сохранила веру, сохранила любовь к Отечеству. Нужно сказать, что иногда третье поколение рожденных в этих семьях говорит по-русски лучше, чем третья волна нашей эмиграции.

Среди этой волны очень часто можно видеть людей, особенно молодых, которые любят свой приобретенный акцент. Они с удовольствием говорят по-русски с иностранным акцентом, отказываются от русского языка, от русской культуры, от православной веры. <...>

В конце концов, не имеет большого значения, где человек живет. Наш призыв консолидировать диаспору не означает призыва возвращаться в Россию. В свободном обществе человек избирает то место, где он считает нужным жить. Но почему жизнь вне России должна означать потерю нашего народа? Мы так много людей потеряли в страшном XX веке: революция, Гражданская война, Вторая мировая война, катаклизмы, связанные с распадом единого государства, — десятки и десятки миллионов. Мы были бы количественно совсем другим народом, если бы не трагедии XX века. Но если сейчас открытость страны приведет к резкому сокращению численности русских людей, россиян, к умалению русской культуры, то это будет непоправимой ошибкой, это будет грехом, который ляжет на всех нас.

В то же самое время наши братья и сестры в диаспоре не должны чувствовать себя изгоями в тех обществах, в которых они живут. Они должны быть трудоустроены, социально и юридически защищены; они не должны чувствовать себя гражданами второго сорта. Российская диаспора не должна быть диаспорой второго сорта, потому что по диаспоре судят и о стране. Именно поэтому наши соотечественники, живущие в дальнем зарубежье, должны знать местные языки, законы, культуру, традиции, обычаи местных народов, иметь профессиональную квалификацию, чтобы работать и достойно жить.

Московский Патриархат приветствует появление общественных и правозащитных организаций соотечественников и готов с ними совместно работать. Уже сегодня приходы прилагают немало усилий для органичного вхождения соотечественников в среду страны их пребывания, с учетом сохранения собственной самобытности. Приходы нередко оказывают помощь соотечественникам в освоении языка страны проживания, в поисках работы, консультируют по социальным вопросам.

В условиях, когда развитие стран во многом зависит от внешних факторов и в целом от системы международного сотрудничества, роль наших соотечественников, проживающих за рубежом, в национальной жизни стран Русского мира многократно повышается и будет все более возрастать.

Надеюсь, что настоящий Конгресс будет способствовать уточнению подходов в деле консолидации жизни наших соотечественников за рубежом, а также поможет совершенствовать механизмы, которые были бы направлены на реализацию всех этих пожеланий.

Призываю на вас благословение Божие и желаю Конгрессу плодотворной работы.

**ОБЩЕСТВО:
ПОЛЕМИЧЕСКИЙ
СЛЕД**

Мы как Славянский мир занимаем пространство, соединяющее традиции Востока и Запада. В настоящее время нет смысла рассуждать, какая из культур имеет преимущества, какая из них «лучше» и плодотворнее, — нужно почерпнуть из традиции Востока, равно как и из традиции Запада, все самое лучшее...

Б. Кригер

Особое геополитическое и культурно-историческое место Калининграда доказывает беспомощность современной «политической бухгалтерии» в отношении этого «острова». Многими он воспринимается сегодня как «остров нестабильности», и лишь некоторые прозревают его истинную сущность как «острова надежды»...

В. Тильманов

К чему пришли калининградцы за шестьдесят с лишним лет новейшей истории? Можно ли говорить о сложившейся особой «калининградской» толерантности? Безусловно, изучение этой тематики только начинается...

М. Орехов

Барбара Кригер
(Польша)

ВРЕМЯ СЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Профессор Анджей Пискозуб в заключении своей книги «Цивилизационное время-пространство» высказал интересную идею: «Только наступающая постиндустриальная цивилизация создает условия для реализации славянской исторической мысли; *отсутствие государственнического чувства*, более тысячелетия осуждаемое как природный недостаток славян, становится достоинством в новых условиях социальных связей, когда входит в правило не насилие власти сверху, а ее самостоятельное формирование снизу.

После того, как другие великие ветви индоевропейцев уже внесли свой исторический вклад в развитие цивилизации, в постиндустриальной перспективе возникают условия для наступления *славянского часа* во всеобщей истории человечества» [10, с. 150].

Этот взгляд полностью перекликается как с пророческими высказываниями славянских и германских философов и историков XIX века, так и с выводами современной культурологии и универсологии. Все меньше возникает сомнений в том, что западная цивилизация находится в кризисе, а ее творческий потенциал уже давно исчерпан. Одновременно, пока достаточно медленно, вырисовываются контуры новой цивилизационной парадигмы, на сей раз планетарного масштаба.

Появляются такие понятия, как «цивилизационные изменения», «новый ренессанс», «новая эпоха», «эпоха ноосферы». Все больше проявляется неплототворность глобализма как изжившей себя системы, возникшей в угасающем течении западной цивилизации, и особенно американизма как высшего ее проявления.

В этих обстоятельствах уже почти двадцать лет в славянских странах ведутся работы по формированию нового цивилизационного предложения, альтернативного глобализму. Комплекс разнообразных проблем, рассматриваемых в рамках этой концепции, объединен общим названием — «славянская цивилизация».

Подтверждением принципиального перелома в представлении о будущем в пределах Славянского мира стал VII Всеславянский съезд в Праге в 1998 году. Туда съехались делегаты из всех славянских стран, представившие ценные научные и политические концепции. И тогда оказалось, что все вовлеченные в славянское движение мыслят и работают, независимо друг от друга, в одном и том же направлении, что оценки современного состояния мира схожи, хотя прежде эти исследователи между собой не общались или встречались лишь эпизодически. Уже тогда были выдвинуты очень серьезные положения, но прежде всего был констатирован цивилизационный кризис в глобальном масштабе. В связи с выводом, что мы находимся в процессе цивилизационных перемен, встал вопрос, какова роль Славянского мира в этом контексте.

В том же году, в сентябре, в Кракове состоялся XII Конгресс славистов, собравший 1200 участников со всего мира. На конгрессе было явно подчеркнуто значение славянского фактора в цивилизационных изменениях, происходящих в современном мире. Об этом, в частности, говорил всемирно известный, ныне уже покойный, российский славист О. Трубачев. Позднее прошел целый ряд конференций (в их числе — заседание Общества друзей экофилософии «Славянские мотивы в экофилософских рассуждениях» (Варшава, 1999), заседание в рамках Европейского конгресса универсализма «Универсалистические ценности славянской философии» (Варшава, 1999), конференция «Славянская цивилизация в XXI веке» (Санкт-Петербург, 2000) и множество других мероприятий, национальных и международных), на которых были предприняты попытки сформулировать принципы славянской цивилизации.

Славянский мир располагает очень богатой философской традицией, которая включает общечеловеческое интеллектуальное наследие и располагает возможностями интерпретации современного состояния мира и социально-экономических отношений в глобальном масштабе. Здесь можно сослаться на труды В. Соловьева, В. Муравьева, Н. Бердяева, Н. Данилевского, Л. Гумилева и других русских философов, а в Польше — на работы А. Чешковского и К. Либельта, а также Б. Трентовского и Э. Дембовского, которые великолепно знали европейскую философскую мысль и вместе с тем предвидели важнейшую

цивилизационную роль Славянского мира в наступающей «Эпохе духа», «всеобщей реинтеграции» и «единства в разнообразии» (А. Чешковский).

Очень важно, что значительную цивилизационную роль славянского мира обосновывали не только славянские мыслители — об этом также писали такие выдающиеся западные историософы, как И. Г. Гердер и О. Шпенглер. И сегодня, как никогда, их прогнозы поддаются научному обоснованию, особенно с помощью тех аргументов, которые предоставляет универсология — современная наука, объединяющая и систематизирующая научный и историко-культурный опыт развития человечества.

Следует подчеркнуть значение того обстоятельства, что мы как Славянский мир занимаем пространство, соединяющее традиции Востока и Запада, и поэтому разнообразные мотивы этих традиций синтезируются в процессе распространения культур.

Это имеет большое значение потому, что в настоящее время нет смысла рассуждать, какая из культур имеет преимущества, какая из них «лучше» и плодотворнее, — нужно почерпнуть из традиции Востока, равно как и из традиции Запада, все самое лучшее, поскольку единственно эффективной является планетарная цивилизационная перспектива, способная справиться с глобальным кризисом и дать импульс новому развитию. Этот путь указывал В. Соловьев в своей концепции «интегрального знания», которую впоследствии блестяще развил русский философ и художник Н. Рерих. Его творчество воплощает множество идей, он обосновывает необходимость синтеза религии, науки и искусства (эстетики). А это означает, что в своих рассуждениях он обращался ко всем сферам деятельности человека, к его многомерной сущности, поскольку религия как сфера культуры соответствует духовности, наука — рациональности, а искусство — эмоциональности. Таким образом, то, что предложил Рерих, в сущности является синтезом — полнотой, целостностью. В своих путешествиях и исследованиях он также много занимался традицией Востока и ее универсальными ценностями. Это направление в последнее десятилетие активно развивалось — как на Востоке, так и на Западе — в качестве логического этапа исторического процесса, ведущего к интеграции в масштабах всего земного шара.

Однако под влиянием западной аналитической философии и получившего распространение в последнее время постмодернизма наследие наших замечательных славянских философов было несколько отодвинуто и забыто в академических и интеллектуальных кругах. И все же, к счастью, сейчас оно вызывает большой интерес и находит

многих последователей, что также является закономерностью, описанной в том числе и универсологией.

В соответствии с положениями универсологии славянская культура является двенадцатым типом, завершающим цикл развития цивилизации. «Эта культура, — пишет В. Поляков, — возникает как синтез уже существующих культур всей планеты, вбирая постепенно весь общечеловеческий опыт. Универсология последовательно представляет причинно-следственную связь исторических реалий и, описывая перспективы развития человечества, предлагает механизм создания эффективной системы управления обществом, в которой человек с помощью коллективного взаимодействия поднимается до уровня создателя мира в каждый день своей жизни» [4, с. 167].

Самая принципиальная проблема современной философии состоит в том, что философский образ мира ввиду эволюции сознания и уровня современных знаний требует совершенно новой интерпретации. Это необходимо также потому, что до сего времени в философской традиции мы слишком много занимались изучением и описанием окружающего мира, забывая о человеке и его роли, не пытаясь разобраться, что представляет из себя человек как проявление бытия и как он действует. Как он, будучи биопсихически-духовной сущностью, функционирует во всеобъемлющем процессе эволюции.

Это очень важно для создания основ образования в рамках новой парадигмы, что не предусмотрено в традиционных педагогических концепциях. Уже сейчас существует богатый научный материал, который демонстрирует важнейшие факторы, обуславливающие функционирование человека, например космические биоритмы, электромагнитные и резонансные поля. Кроме того, описываются процессы, с помощью которых мы обмениваемся информацией с природной и общественной средой и которые вызывают возбуждение движущих центров человека, заставляя его как-то адаптироваться к окружающему миру.

Все это достаточно хорошо исследовано и объяснено во многих областях знания и заключено в рамки универсологии, основу которой составляет междисциплинарный синтез наук.

Однако невозможно далее придерживаться методологии, ведущей к редукционизму и механицизму в науке. Сегодня мы должны использовать все возможные человеческие способности в процессе восприятия, в процессе познания и создания обобщенного образа мира, не ограничиваясь рационализмом. Он, разумеется, сыграл крайне важную эволюционную роль, поспособствовав масштабному развитию науки и техники. Но подвластная технологии цивилизация лишилась гармо-

нии — можно сказать, что-то не сложилось до такой степени, что в настоящее время вся биосфера и Земля оказались под угрозой. Впервые люди вышли за пределы компенсационных возможностей природы нашей планеты.

Отсутствует также равновесие в жизни человека и в жизни общества, а это, в свою очередь, является причиной, по которой нет равновесия во внешнем мире, поскольку мы, человеческие существа, принимаем участие в совместном творении мира и наши действия оказывают влияние на его очертания. Это важный психологический и — шире — онтологический принцип. Этот динамический процесс является постоянным. Человеческая сущность также имеет процессуальный характер. От возникновения зиготы в лоне матери до смерти человек представляет собой процесс во всеобъемлющем акте воплощения Вселенной, выступая как один из сознательных ее творцов.

Человек не может ограничиваться лишь описанием и интерпретацией того, что он постигает. В активно эволюционирующем мире он также играет динамичную роль сознательно участвующего фактора. Стоит обратить внимание на то, что элементы этого знания о реальности представлены, например, в структуре русского языка. В целом можно сказать, что в языковой системе заключена философия, универсальные принципы мышления. Например, в русском языке слово «реальность» имеет свой эквивалент — «действительность», слово, которое этимологически включает в себя корень слов «действие» и «действительный» («существенный, реальный»). А значит, это слово указывает на нечто динамичное, на то, что происходит, что делается. В то же время в польском языке этимологию слова «rzeczywistość» можно вывести из словосочетания «rzeczy widzenie», то есть «видение вещей». Таким образом, в польском языке у «действительности» обнаруживается статический аспект, в то время как в языке русском «действительность» выражает динамику: это нечто постоянно меняющееся.

Научные знания в различных областях огромны, однако они не систематизированы философией и находятся как бы вне современных философских рассуждений о сущности мира. Цивилизация созрела для того, чтобы соединить интеллектуальное наследие всех культур, обобщить и представить его в новых очертаниях и формах, ответить на вопросы: что из себя представляет современный мир? каковы направления его развития? к чему он стремится? какова в нем роль человека? И, согласно заветам наших мыслителей, именно славянам отведена роль взять на себя эту задачу — решить проблему дальнейшего развития цивилизации, имеющую значение не только для нашего региона, но и для всего мира. Разумеется, ответы на фундаментальные

вопросы, касающиеся нашей экзистенции в современном мире, интересуют всех людей во всех странах.

Всемирно известный польский антрополог и исследователь эволюции цивилизации А. Верчиньский, изучавший происхождение и развитие философской мысли, в 1980-е годы предвидел появление в ближайшее время «центральной научной теории». Однако он не уточнял, где и когда она должна появиться. В своей книге «Антропогенез — эволюция цивилизации», изданной в 1981 году, он пишет: «Перспективой (для человечества. — Б. К.) может быть центральная научная теория, которая будет отвечать следующим условиям: 1) она будет сформулирована стройно и непротиворечиво формализованным языком, допускающим однозначную интерпретацию; 2) она будет охватывать результаты исследований из всех областей науки и предсказательно выходить за их предел; 3) будет обеспечена возможность выведения из нее теоретических утверждений для отдельных областей науки; 4) будут указаны способы подтверждения или же опровержения дедуктивно выводимых гипотетических утверждений» [11, с. 162]. Напрашивается вопрос: является ли этой центральной научной теорией именно универсология? Думаю, что ответ может быть утвердительным, хотя следовало бы в первую очередь убедиться, что думает об этом создатель современной ее версии¹. Однако в любом случае нельзя ею пренебрегать, занимаясь современной наукой и философией.

В формирующейся методами универсологии философской парадигме новой цивилизации особенно интересна ее часть, касающаяся космологии. В соединении с наследием космизма, сформулированного русскими мыслителями, некоторые из которых были польского происхождения (К. Циолковский), новая философия может полностью изменить мировоззренческую перспективу следующей фазы цивилизации — с глобальной на космическую. Не случайно идея современного космизма зародилась в пределах Славянского мира, где в древние времена, задолго до христианства, возникла богатая ведическая космология, отраженная, например, в таких источниках, как «Велесова книга» и «Книга Коляды» [2].

Русско-славянский космизм Н. Федорова, К. Циолковского, В. Вернадского, Н. Козырева, И. Лаптева и многих современных мыслителей

¹ «Универсология является синтезом, представляющим постоянное познание принципов и истин, которые соединяют все области человеческого знания. Эту концепцию развивали многие. Популяризация универсологического знания стала делом жизни американского мыслителя XIX века Стивена Пирл Эндрю (1812 — 1886), а затем Эдварда Осборна Уильсона (род. 1929)» [7, с. 16].

может быть ядром нового мировоззрения, которое гармонизирует и трансформирует сущность цивилизации, возникшей как на Востоке, так и на Западе. Таким образом усилится процесс формирования ноосферы.

Господствующая в настоящее время глобализация, если к ней при-смотреться, проявляется прежде всего в сфере технологий и финансов. Но разве в этом смысл развития человечества? Речь должна идти о глобализации сознания — понимания ответственности за планету, в смысле понимания того момента эволюции, в котором мы находимся, в смысле понимания целостности и взаимозависимости человека и Космоса.

Поэтому необходима холистическая (целостная) концепция человека и холистический образ мира. Пришло время осознать и описать единое, целостное. Таков завет славянских философов, как русских, так и польских.

Недавно (в 2004 году) западнославянские страны были «втиснуты», якобы демократическим путем, в западноевропейскую систему, в значительной мере с помощью мистификаций в СМИ. Тем временем следует отдавать себе отчет в том, что некогда господствующий «европеизм» — это уже устаревшая концепция, которую в наши дни скорее можно назвать «европоцентризмом». Сегодня все проблемы современного мира и человека должны решаться в планетарном масштабе. Однако европейская интеллектуальная традиция и выросшие из нее социальные и политические концепции уже не в состоянии выполнять функции механизма развития в эпоху планетаризации и развития сознания, ведущего к формированию ноосферы.

«Что могло бы помочь нам расширить горизонты? Славянская цивилизация, вершиной которой является именно космизм, — это и есть та самая идея XXI века, только ее следует вывести из уже отработанных космологических традиций. Речь идет о том, чтобы по-новому, более полно описать ее так, чтобы она была понята и принята на вооружение. Но ведь она реально существует, она заключена в славяно-русском космизме. Следует сделать ее ответом на фундаментальные вопросы современного человека. Показать связь между космосом и микрокосмосом, которым является человек. Показать новые перспективы — в этом и состоит наша роль» [8].

Русский космизм на рубеже XIX и XX веков обратил внимание на опасный процесс отрыва цивилизации от природы, а также на непонимание взаимосвязи с Космосом. Но прежде всего он был сосредоточен на изучении духовного аспекта любого бытия (Н. Федоров, М. Умов, К. Циолковский, В. Вернадский) [6].

Следует подчеркнуть, что славянская цивилизация как итог цивилизационных усилий до настоящего времени является не абсолютным отрицанием, а скорее новой гармонизацией уже выработанных способов индивидуального развития и принципов общественной жизни. Ее важнейшей чертой является признание очевидности космической перспективы. Это последовательно ведет к новому качеству, прежде всего ввиду комплементарности воспринятых и синтезированных элементов различных культурных пространств.

Очень существенно и то, что русско-славянский космизм позволяет расширить наш все еще слишком узкий образ мира, искусственно лишенный космической перспективы, в которой разыгрывается человеческая судьба. Особенно наглядно это демонстрируют современные космология и экокосмология. Чувство единства с Космосом связано прежде всего со способом постижения и переживания мира в славянской ментальности, которая, в отличие от ментальности Запада, не подверглась влиянию рационализма эпохи Просвещения и сциентизма, сохраняя больше естественных, неискаженных предпосылок в ощущении природы и вообще геокосмической среды.

Таким образом, на славянском пространстве при восприятии сигналов из мира задействован не только разум, но прежде всего сердце со всеми эмоциями. Отсюда в русской, украинской и вообще славянской философии появилась в качестве четко обозначенного течения «философия сердца» — например философия Б. Вышеславцева и П. Юркевича. Самое интересное, что подобный способ восприятия процессов постижения мира в наши дни был описан в трудах Института сердца в Калифорнии, где были применены новейшие методы и исследовательские техники, используемые в нейробиологии [9]. Более того, на междисциплинарных семинарах ученых с Далай Ламой и другими тибетскими ламами оказалось, что в древней интеллектуальной традиции культивировался именно такой подход. Таким образом, возможно гармонизировать и взаимно дополнять мудрость Востока и Запада, опираясь на многовековой опыт, в чем еще ранее убедился русский ученый и художник Н. Рерих.

Без сомнения, речь должна идти не о региональной цивилизации, ограниченной несколькими этническими группами, а об универсализме славянской цивилизации, не о размежевании, а об объединении, включении общечеловеческого опыта и его трансформации.

Формирование парадигмы славянской цивилизации, и прежде всего нового мировоззрения, связано с глубокой и всесторонней разработкой следующей проблематики:

- способ восприятия, своеобразная культура мышления у славян;
- естественное чувство связи с природой и Космосом, постижение законов Космоса, взаимодействие с ними;
- целостность, всеединство, богочеловечество;
- ответы на поставленные вопросы в контексте космизма: каковы последствия динамики вселенной для человека, его творчества, а вернее сотворчества? какова функция биосферы — трансформируется ли биосфера в ноосферу с помощью человека-сотворца?
- стремление к комплексности общественных структур — работа над отношениями и организационными моделями, гармония и равновесие, отношение «индивид — общность» и др.

Таким образом, можно сказать, что черты, характеризующие славянскую философию, создают шанс на возникновение современного мировоззрения как альтернативы нынешнему, усиливающему цивилизационный кризис. Наиболее привлекательно то обстоятельство, что славянская философия формирует пространство для диалога между восточным мистицизмом и западным рационализмом. Этот диалог ведет к пониманию комплементарности обеих позиций, устраняя тем самым доводы к утверждению господства какой-либо из них.

Осознав неизбежность планетарного и космического измерения, можно получить перспективу, в которой различия между восточным и западным не ведут к противоборству, а способствуют взаимному дополнению. Именно славянский космизм представляет собой мышление не только категориями земного шара, но и Космоса при роли человека в нем как сознательного действующего фактора.

Следствием такого подхода является взгляд на человека как на универсальную сущность в контексте природы и космоса. Аналогично иным латинским определениям здесь можно было бы воспользоваться термином *homo ecologicus universalis*. Вообще экологизм в настоящее время является очень привлекательной стороной славянской и особенно русской философии, где он выступает как «мистицизм природы». Проявляется экологизм также в астробиологических обычаях, популярных по сей день.

Для славянской философии характерно также стремление к целостности, определяемое в наши дни как холизм. Отсюда значимость таких категорий, как «целость», «целостность», «всеединство». Это стремление превосходно соответствует современным холистическим понятиям, то есть именно целостным размышлениям о природе человека и его среды.

Кроме того, на фоне западного кризиса рациональности привлекательной оказывается специфическая славянская ментальность, на-

правленная на познание мира и установление взаимоотношений с ним. Речь идет прежде всего о всестороннем восприятии — чувствами, интуицией, сердцем и мыслью. Это находит отражение в широкой гамме определений понятия «мировоззрение» (мировосприятие, миросозерцание, мироощущение, миропонимание).

Наконец, космизм убеждает нас не только в динамике Вселенной, но также и во всепроникающей его духовности. Этот способ мышления и чувствования соотносится с современными результатами исследований квантовой физики, когда именно на квантовом уровне обнаруживается материально-духовное единство бытия. А если так, то человек в квантовой перспективе также является материально-духовным единством. Такое понимание соотносится с давно сформулированной в славянской философии идеей богочеловечества.

Подводя итог, скажем: славянская философия и культура представляют собой невероятно перспективное течение в тот момент, когда на фоне современного кризиса цивилизации идет лихорадочный поиск альтернативы, несущей надежду.

Список литературы

1. *Алексеев П. В.* Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002.
2. *Асов А.* Славянская астрология. М., 2001.
3. *Личковах В. А.* Славянская цивилизационная идея: космизм и универсализм всечеловеческого мироотношения // *Tradycje duchowe Europy Środkowej i Wschodniej*. Słupsk, 1999.
4. *Поляков В. А.* Универсология. М., 2004.
5. *Filozofia słowiańska. Historia i współczesność* / red. W. Słomski. Warszawa, 2007.
6. *Jędynak S.* Kosmizm w filozofii rosyjskiej // *Rekonsekwansy filozoficzne* / red. H. Jakuszek. Lublin, 1999.
7. *Krakowiak W.* Uwagi na temat uniwersologii: autoreferat. Warszawa, 2006.
8. *Krygier B.* Unikalność i znaczenie słowiańskiego kosmizmu jako wkładu w Nowy Renesans // *Studia społeczno-polityczne*. Rzeszów, 2007.
9. *McCarty R., Atkinson M., Tomasino D.* Science of the Heart, Heart Math Institute. Boulder Creek, 2001.
10. *Piskozub A.* Czasoprzestrzeń cywilizacyjna. Toruń, 2003.
11. *Wierciński A.* Antropogeneza — ewolucja cywilizacji. Warszawa, 1981.

Владимир Гильманов
(Калининград)

ЗВЕЗДНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

«Quo vadis?»

*Н*езависимо от сложной игры главных участников современной политики, независимо от напряженной проблематики политической головоломки, в которую втянуты все страны «балтийского пояса», у Калининграда все более отчетливо выкристаллизовывается одна-единственная, но великая миссия, которая все еще кажется далекой от реальной политической жизни: это — миссия «парадигмального моста» как в политике, так и в культуре в целом. Нет сомнения, что свет этой миссии пока едва брезжит, но особое геополитическое и культурно-историческое место Калининграда все настойчивее доказывает беспомощность современной «политической бухгалтерии» в отношении этого «острова». Многими он воспринимается сегодня как «остров нестабильности» с нарастающей опасностью «двойной периферии», и лишь немногие прозревают его истинную сущность как «острова надежды». Для этой надежды нужны, однако, не только особый формат историко-политической серьезности в оценке современного положения в мире, но и особое гражданское мужество, поскольку вопрос «Quo vadis?» касается не только этого региона, но и всей мировой политики в целом, достигшей какого-то «пророческого перекрестка» в своей истории.

Этот «перекресток» предвосхищен в философском дискурсе региона — в трактате Иммануила Канта «К вечному миру». Кант предупреждал потомков, что у человечества есть только два пути — или к вечному миру «союза народов» на основе политики, «преклонившей колени» перед «моральным законом», или к вечному миру на «цер-

ковном погосте человеческого рода». Серьезные аналитики, решающие задачи долгосрочной культурно-цивилизационной стратегии, хорошо понимают всю эсхатологическую серьезность современного этапа истории: *to be ore not to be! That is the question!*

Калининград в своей типологической эмблематике кристаллизует проблему этой «пророческой перекрестности», поскольку, с одной стороны, не вписывается в привычные алгоритмы тех «истин», которые служат современной «политической корректности», уже давно ставшей некорректной, а с другой — настойчиво указывает на необходимость жизненно важной смены дискурсивных кодов современной политики на основе «нового Просвещения».

Системная трансформация

История этого региона с его «опытом жизни» и «опытом ада» хранит в себе какое-то настойчивое вопрошание о необходимости распахнуть окно в новую онтологию, и это вопрошание стало еще настойчивей, когда в начале 1990-х годов Калининград превратился в осколок рухнувшего Советского Союза, в российский эксклав, а с 2003 года — в европейский остров-анклав в окружении новых членов ЕС и НАТО. Изменившееся развитие событий грозило крахом из-за огромных трудностей системной трансформации и анклавной жизни: к 1995 году было потеряно больше половины валового регионального продукта и почти 64 % промышленного выпуска, стремительно выросли безработица, бедность и преступность.

Сегодня регион переживает восстановительный подъем экономики. После 1998 года вплоть до новейшего мирового кризиса в каждый из последних трех лет ВРП увеличивался в среднем на 9,7 %, а промышленность — на 15,5, то есть намного быстрее, чем в целом по России. В Калининграде росли инвестиции в основной капитал (37–40 % при 9–17 % по стране в целом). Благодаря режиму Особой экономической зоны (ОЭЗ) и Федеральной программе регионального развития стали развиваться не только традиционные отрасли — кораблестроение, пищевая промышленность, металлообработка, рыбная отрасль, порт, — но и новые: производство мебели и бытовой техники, автомобилестроение. Калининградский «Автотор» в кооперации с немецким «BMW» и южнокорейским «KIA» собирает ежегодно более 50 тысяч автомобилей. Международную известность приобрела продукция краностроительного завода «Балткран» и завода металлоконструкций «Калининградморнефть», которые совместно на основе высоких техноло-

гий возвели буровую платформу морского базирования Д-6, ведущую добычу нефти в прибрежных водах Балтийского моря. В целях решения региональной энергопроблемы построена современная ТЭЦ на газовом топливе. Идет улучшение дорожной инфраструктуры и развитие транспортных услуг.

Однако у региона по-прежнему много проблем и трудностей. Калининград, находясь в «Балтийском поясе роста» — одной из самых динамичных зон современной Европы, — продолжает экономически отставать от многих других регионов, как и 10 лет назад. Это отставание отчасти объясняется особенностями прежней хозяйственной структуры, но главную роль сыграли глубина спада 1990-х годов и усиление структурных перекосов при наращивании импорта и теневых оборотов. Те же факторы предопределили и еще больший отрыв Калининграда от европейских соседей: регион более чем в полтора раза отстает от трех стран Балтии, в два раза — от Польши, в четыре раза — от Германии и Швеции.

Надежды и реальность

Расширение ЕС поставило регион перед особым вызовом истории. Пытаясь ответить ему, Россия и Европа развивают идею Калининграда как «пилотного региона» в рамках совместного проекта. Инновационный замысел состоит в том, чтобы на опыте Калининграда начать отрабатывать новые технологические подходы к решению реальных экономических проблем конкретной постсоветской территории в условиях объединяющейся Европы и глобализации. Калининград сотрудничает со многими государствами «балтийского пояса». Здесь открыты генеральные консульства Польши, Литвы, Германии, Швеции (недавно закрыто), дипломатические представительства Дании, Исландии и Хорватии. Поддерживаются отношения с Беларусью, Чехией, Нидерландами, Италией, Венгрией и Францией. Идея активного сближения с Европой остается в регионе приоритетной, несмотря на то, что в глобальном политическом дискурсе Россия позиционирует себя не как европейскую, а как евразийскую державу. Европейцы надеются на сотрудничество в формате программы «Северное измерение» и других инициатив.

Руководство региона также надеется на новый закон об ОЭЗ и на то, что в ближайшие годы Калининград достигнет уровня развития соседей — Литвы и Польши, рассчитывая, что благодаря льготному режиму ОЭЗ в регион ежегодно будут приходить от 15 до 20 крупных

инвесторов. По данным на начало 2010 года, в ОЭЗ Калининградской области работают 60 резидентов с общим объемом инвестиций 36,4 млрд рублей. По мнению администрации ОЭЗ, в ближайшее время инвесторы помогут улучшить пищевое производство и сельское хозяйство, наладить в области производство комплектующих для автомобилей, поддержать строительство атомной станции и нефтеперерабатывающего завода. Такой оптимизм не разделяют многочисленные пессимисты, указывая на непрозрачность закона об ОЭЗ, на отсутствие крупных иностранных и отечественных инвесторов, коррумпированность региональной бюрократии и значительные «теневые обороты» (по разным оценкам, от 40 до 80 % в общем объеме промышленного оборота).

Согласно социологическим данным, подобный пессимистический взгляд пока разделяет абсолютное большинство жителей региона. Для 75 % из них свойственны исключительный уровень социально-политической пассивности при низком уровне гражданской инициативы. Одна из причин — бедность: согласно официальной статистике, 25 % жителей региона живут за чертой бедности. Это выше среднего уровня по России. По-прежнему сохраняется низкое качество жизни, что вызвало, кроме всего прочего, увеличение числа заболеваний в регионе на 12 %, при этом число детских заболеваний увеличилось на 21 %. В области высокая смертность: в 2002 году, согласно переписи населения, здесь проживали 953 тыс. человек, сегодня — 944 тыс. Руководство области думает о программе ее целенаправленного массового заселения жителями других регионов России и бывших стран СССР, ставя цель в ближайшие годы довести численность населения до трех миллионов. По-прежнему острой остается проблема наркомании и алкоголизма, а также суицидальная проблема: уровень самоубийств в регионе превышает среднероссийский показатель (по состоянию на 2006 год — на 25 %).

Если кратко суммировать положение дел, то оно сводимо к диагнозу: *противоречивость и непредсказуемость*. Регион пребывает в сложном поле напряженных противоречий: между «европейскими надеждами» — и постмодернистской формой национального этатизма, между робкими исканиями новой «кантовской идентичности» — и острейшим антропологическим кризисом, между бюрократическим и олигархическим цинизмом — и духовно-нравственными исканиями, между богатыми и бедными... в конечном итоге, между двумя альтернативами: стать «островом нестабильности» или «островком надежды», примером качественно нового дискурсивного кода для политических стра-

тегий будущего. Регион остается заложником несовершенных, устаревших дискурсов того онтологического принципа, который привел цивилизацию к опасной границе выживания.

«Философия невозможности»

Драматизм сегодняшнего момента состоит в том, что ответственно-ответствующее сознание обнаруживает возможность выхода, «exodus» из «дурной бесконечности» антропологической слепоты современного мира. Однако — при условии ответственной ревизии предшествующей истории. Может быть, самой реалистичной философией наступившей Пост-Истории должна стать «философия невозможности», поскольку история, как показывает историческая драматургия особенно в XX веке, открыта не только для прогрессивных изменений, но и для ужасающего регресса, особенно в социально-политическом плане. Итогом стал какой-то чудовищный парадокс постмодернистского развития с его ужасающим дисбалансом между цивилизационной динамикой и культурой, диспропорцией между Прогрессом и Традицией, Прогрессом и Религией. «Философия невозможности» не отказывается от «возможности» — от решения глобальных проблем человечества, таких как проблемы отчуждения, межкультурной коммуникации, окружающей среды, «антропологической катастрофы» и др. «Философия невозможности» исходит, однако, из того, что эти проблемы не могут быть разрешены на основе научно-философских принципов Нового и Новейшего времени. «Невозможность» в таком смысле имеет не онтологический, а эпистемологический статус: в ее центре — проблема человека, «субъекта» Прогресса с его «знаковой агрессией», с его восстанием против Слова, с его утилитарно-прагматическими приоритетами. Этот «субъект» в своей эпистемической само-отверженности достиг предела своей отчужденности от Бытия и в этой связи своей футурологической слепоты. Этот «субъект» построил грандиозный корабль технократической цивилизации, который может стать эшафотом для человечества. Энергоустановка этого корабля, напоминающего в своей «непотопляемой» уверенности легендарный «Титаник», питается магической силой Прогресса. Однако его капитаны должны признать «логическую ошибку» выбранного курса, основываясь хотя бы на правиле логического следования: «Если ложно последующее, то необходимо ложно предыдущее». С учетом сложившихся угроз следует говорить о неточности исходных посылок. Именно в этом, по-видимому, проявится высший «эпистемо-

логический героизм» постсовременной цивилизации, а именно в том, что она «изнутри» признает свою ошибку и начнет «изнутри» же поиск новой парадигмы, включая в круг этого поиска в том числе возможность продуктивного диалога с религией. Но драматизм ситуации состоит в том, что цивилизация не может и не должна отказаться от идеи прогресса: процессы модернизации и глобализации остановить невозможно, их необходимо корректировать.

Однако подобная коррекция весьма проблематична на фоне современного привыкания к идее неизбежного катастрофизма, что является свидетельством грандиозного и в чем-то губительного разлада, отражающего принципиальный экзистенциальный разлад = пропасть = отчуждение между Цивилизацией и Культурой, Разумом и Сердцем, Наукой и Религией, сформировавшими две противоположные мета-идеи исторического движения, два родовых инварианта, в силовом поле которых реализуются различные видовые вариации.

Цивилизационная мета-идея — это собственно идея Прогресса, ставящая себе целью на основе расширения научно-технического знания удовлетворить так называемые первичные желания, за которыми узнаются «тени» Бэкона, Маркса, Фрейда и других. Культурная мета-идея исторического движения основана на идеале постижения и уважения прежде всего духовно-нравственных законов бытия, будь это древнеиндусская «дхарма», или христианская «территория Логоса», или моральный закон Канта. В условиях одного социума эти мета-идеи пребывают в сложном динамическом и диалектическом взаимодействии. Парадокс, однако, в том, что, несмотря на всю грандиозность и какую-то «танатологическую героичность» современной цивилизации, она становится все более враждебной культурной идее, включая идею человека. Если богословы говорят о враждебности современной, или пост-современной, цивилизации *душе*, о том, что торжество автономного гуманизма оказывается «дегуманизацией» жизни, то философы и ученые все чаще рассуждают об отчуждении цивилизации не только от биосферы, но и от ноосферы и указывают на необходимость если не радикальной смены цивилизационной парадигмы с ее технократическими и сциентистскими идеалами, то, по крайней мере, о ее принципиальной коррекции. На Западе это — Н. Постмэн, М. Хагемайстер, В. Хёсли, в России — В. Казначеев, К. Копейкин, С. Хоружий, П. Гайденок и многие другие. Показательно, что нобелевская конференция 1989 года, собравшаяся под примечательным названием «Конец науки», выдвинула следующее заявление: «Поскольку мы занимаемся изучением мира сегодня, нас не покидает все более острое ощущение того, что мы подошли к концу науки, что *наука как универ-*

сальная объективная разновидность человеческой деятельности завершилась (курсив наш. — В. Г.)» (цит. по: [5, с. 34.]).

Противоречия в отношениях между человеком и миром становятся все ощутимее. Проявляется это прежде всего в резком росте числа и масштабов катастроф, вплоть до катастроф глобального характера, что заставляет ряд исследователей говорить о *катастрофизме* как «перманентном, хроническом состоянии общества и планеты» и о необходимости парадигматических перемен.

Идея Прогресса сформировалась в смысловой парадигме Нового времени с ее основными принципами антропологической и социально-исторической автономии. Эта фундаментальная стратегия автономии основана прежде всего на фундаментальном доверии автономному, аутоцентрическому разуму, претендующему на объективное познание природных законов. Идея принципиальной автономии является законнорожденным ребенком европейского Просвещения с его знаменитым девизом «*Sapere aude!*» — «Имей мужество пользоваться собственным разумом без руководства со стороны другого!» Это кантовское определение точно очерчивает «герменевтический круг» аутоцентрического разума, который создал Цивилизацию с ее идеей Прогресса. Эта мета-идея есть следствие «выхода из состояния собственного несовершеннолетия» (Кант)¹, то есть из того принципа реальности, в котором «закон Жизни» — религиозный, морально-нравственный, общественно-политический и т. д. — назначает «Другой». Освобожденный от «Другого», «просвещенный» разум определяет «закон Бытия» заново и исходя из самого себя. Христиане считают, что в борьбе за свободу от «Другого», прежде всего от Бога, разум достиг в конце концов «фаустовской» не-свободы, поскольку Просвещение, отказавшись от «естественного» Света Божественной Любви и Мудрости, выбрало «искусственный» свет люциферовского неона (лат. *luciferus* «несущий свет»), что оценивается многими учеными как грандиозная эпистемологическая подмена, чреватая апокалиптическими опасностями.

¹ См. определение Просвещения в сочинении Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?»: «Просвещение — это *выход* человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого. *Sapere aude!* — Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! Таков, следовательно, девиз Просвещения» [2, с. 127].

В этой связи Культура исходит из того, что в традициях аккумулированы национально-культурные «инстинкты самосохранения», поскольку за ритуально-символическими формами скрываются онтологические законы Бытия. В большинстве современных религий тема спасения индивидуализирована. Среди мировых религий лишь христианство с его философией любви к ближнему и врагу (Мф 5:44) и мечтой о «*De civitas Dei*» (Августин), видимо, все-таки не отказалось от идеи «соборного спасения».

Однако «идея спасения» давно уже стала насущной необходимостью для самой Цивилизации, все более осознающей факт наличия объективного предела методологии Прогресса в связи с тем, что автономный разум и основанная на нем наука посвящены в первую очередь практическим задачам и поэтому видят в вещах только то, что представляет утилитарный интерес. Наивысшим уровнем достоверности стала не абсолютная, но лишь практическая достоверность с ее опорой на экспериментально-объективирующий подход. Но даже в этой методологии наука не познает природу такой, какая она есть на самом деле. Ученый-естествоиспытатель строит гипотетическую концепцию и опытно «сталкивает» ее с реальностью в «идеализированных» (то есть соответствующих его, как правило, утилитарным идеям) экспериментальных (то есть «искусственных») условиях с целью испытания ее достоверности, причем сам характер экспериментальных условий определяется структурой очередной теории.

Важно учитывать также и то, что для современной методологии науки весьма проблематичным остается познание движения, становления, развития, динамики мира, его процессуальности в связи с «математизацией» онтологии. В какой-то степени именно «математизация» украла у природы ее «бытийное время» и подменила его «временем-артефактом». Математическая объективация вошла в противоречие с микромиром, проявляющим свою бытийную, «субъективную» суть, которая не может быть описана на формальном языке математики. Именно в сфере микромира наблюдается неконтролируемая спонтанная активность микрообъектов — кварков, бозонов и др. — и вместо «классических» законов отстраненной объективации действуют вероятностные (квантовомеханические) законы. Эту спонтанную активность микрообъектов можно интерпретировать как выявление некоторого внутреннего, сущностного измерения Бытия, в котором материя «ориентируется» на субъекта-наблюдателя. На этом предельном уровне ясно проявляется кризис объективирующего метода, утрата осмысления того, что же собственно происходит в сфере микрореальности, в той области, которая является фундаментом мироздания.

В этой связи следует, видимо, признать, что в начале XXI века именно квантовая физика и искусство являются двумя главными аренами, на которых разыгрывается драма разрушения научно-технократической идеи Прогресса.

Несомненны многочисленные попытки коррекции идеи Прогресса в рамках цивилизационной мета-идеи, прежде всего на основе усилий по реабилитации «практического разума» Канта. Эти попытки, безусловно, оправданны, поскольку фундаментальный проект Просвещения, на котором основана идея Прогресса, не завершен на фоне факта победы «чистого разума», но принципиального поражения «разума практического». И в этой связи хочется верить, что Цивилизация создаст условия для «нового Просвещения» (Н. Постмэн), в рамках которого, кроме всего прочего, будут выработаны продуктивные модели необходимого диалога между Прогрессом и Традицией, Наукой и Религией.

В определенной исходно-парадигматической основе Прогресс и Религия абсолютно противоположны, поскольку основаны на принципиально различной онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии. Однако с обеих сторон уже давно проявляется готовность к диалогу, поскольку, видимо, все-таки прав А. Эйнштейн в своем утверждении: «Религия без науки бессильна, наука без религии слепа». В среде Русской Православной Церкви также осознается необходимость диалектической трансформации науки в новое качество. Так, ученый-физик и богослов из Санкт-Петербурга Кирилл Копейкин в своих трудах размышляет об изменении «объективной» науки в «экзистенциальную». В частности, он пишет: «Стремление к более глубокому проникновению в суть бытия через наполнение умозрительных форм современного естествознания смысловым *экзистенциально* переживаемым содержанием может привести к переменам, масштаб которых трудно переоценить. Если удастся сделать хотя бы первый шаг в этом направлении, это будет означать начало колоссальной и всеохватывающей переориентации науки, а следом за ней и всей наукоемкой технократической цивилизации. До сих пор человек шел по пути освоения внешнего пространства. Сегодня логика познания понуждает нас, достигнув границ внешней пространственности, обратиться к своему "внутреннему пространству", к тому миру, что сокрыт в сердце человека. Пытаясь установить уже не просто формальное, но бытийственное соответствие между внутренним универсумом человека и внешним универсумом космоса, мы сможем приблизиться к обретению уже не информации, но знания о мире. Если это произойдет, то объективно-безличная наука начнет приобретать "личностное", "чело-

веческое" измерение» [3, с. 101 – 103]. В этом рассуждении важен экзистенциальный акцент, то есть вопрос *опыта*, который связан с проблемой создания в картине мира постсовременной цивилизации необходимых условий для качественно новой герменевтики.

Остров «последней границы»

Этот опыт примечательным образом сконцентрирован в «островном топосе» сегодняшнего Калининграда, в буквальном смысле слова возникшего на руинах Кёнигсберга, поверженного Красной армией весной 1945 года. Это касается прежде всего трех старейших городов Кёнигсберга — Альтштадта, Лёбенихта, Кнайпхофа. Они погрузились в сумерки прошлого: ничего не осталось, только тени, призраки, воспоминания, мифы, главным из которых является старый Королевский замок. Его судьба довольно точно отражает драматическую коллизию Кёнигсберга, его «текст жизни и смерти», который во все времена был отмечен идейным напряжением особой интенсивности. Это — напряжение предельной пограничности, будь то граница между Богом и человеком, богоцентризмом и автономным субъектоцентризмом или традицией и модерном... Достигавшее нередко идейного накала «последней границы», оно характерно для всей семиосферы «острова», что отражено, например, в истории Кёнигсбергского университета, основанного в XVI веке герцогом Альбрехтом в процессе беспрецедентной религиозно-политической модернизации, изменившей духовный профиль Кёнигсберга.

XVI—XVII века в Кёнигсберге — это время весьма примечательных и весьма драматичных религиозно-духовных поисков, которые, как правило, велись в атмосфере почти апокалиптического возбуждения и повышенной эмоциональной нервнойности. Эпоха «нервничала», потерявшись в сумбурной дробности вероучений и сотериологических рецептов, но все чувствовали, что что-то происходит со временем и человеком. И это «что-то» вызывало не только озабоченность, но чаще всего экзистенциальное отчаяние. Поиск движения в будущее был облечен прежде всего в понятийно-образные одежды богословия, и поэтому именно теологическая проблематика и драматика Кёнигсберга XVI—XVII веков явилась причиной двух ожесточенных религиозных распрей, в центре которых стояла проблема свободы воли.

Именно Кёнигсберг и его университет уже во времена Альбрехта стали эпицентром первой фундаментальной распри в протестантском мире по поводу вопроса об «эсхатоне» — «конце времен» и «оправда-

нии», то есть «спасении». В какой-то степени само явление Альбрехта — основателя светского лютеранского герцогства и университета в Кёнигсберге — эсхатологично, поскольку мотивировано прежде всего причинами не просто политическими и экономическими, но религиозными: Альбрехт хотел «истинного христианства»! Именно это «хотение» объясняет в чем-то беспрецедентную решимость Великого Магистра Тевтонского ордена в секуляризации католического орденового государства и превращении его в лютеранское герцогство. Хартмут Бокманн, известный историк-исследователь тех времен, охарактеризовал этот поступок Альбрехта как «государственный переворот» [6, S. 219]. В деятельности реформатора четко просматривается стремление освободиться от формальных указаний и правил и привести свое герцогство к вере «экзистенциального профиля», охватывающей все существо человека. И сам герцог во всех своих начинаниях, от политических¹ до интимно-личных², все время руководствовался верой, стремясь к евангельскому освещению всех «площадей и закоулков» прусской жизни. Именно предельное религиозное чувство Альбрехта до конца драматичной жизни держало его в «силовом поле» учения Андреаса Осиандера, признанного лютеранской ортодоксией как ересь. Но важно еще раз подчеркнуть, что принципиальным мотивом реформаторской и просветительской деятельности Альбрехта, включая организацию новой государственной общности, было стремление к истинному познанию Бога: «vera Dei notitia» как парадигмальная цель и «vera Dei cognitio» как главная задача университета.

Учение Осиандера проникнуто апокалиптическим сознанием мира, который, по его мнению, вошел в «межвременье», характеризующееся дуалистическим обострением противостояния между дьяволом, захватившим мир, и небольшой группой истинных христиан. В споре с профессором математики Альбертины Матиасом Лаутервальдом и ученым-библеистом из Лейпцига Бернгардом Циглером Осиандер объявляет: «Апокалипсическое время Откровения началось!» [9, S. 239]. Апокалиптическое настроение Осиандера было обострено страшной эпидемией бубонной чумы, обрушившейся на Кёнигсберг в июне 1549 года и продлившейся почти до конца года. К чести пастыря будет сказано, что он не покинул город и остался с

¹ См. воспоминания герцога Альбрехта о секретной встрече в Нюрнберге в 1524 году с польским посланником Ахатиусом Цеменом в работе [1, с. 162–163].

² Свой брак с принцессой Доротеей, дочерью датского короля, герцог рассматривал как освещенный небом и поэтому сделал Доротею «матерью добродетели» в Пруссии (см.: [Там же, с. 162]).

несчастными жертвами эпидемии в Альтштадте, провожая мертвых и утешая живых. Чума убила около 14 тыс. горожан — примерно половину населения трех городов Кёнигсберга. На фоне обостренного чувства наступающего конца времен Осиандер в публичной диспутации в университете 24 октября 1550 года на тему «Об оправдании» выдвинул «еретические» тезисы, в которых утверждал, что «оправдание», то есть «спасение души», происходит не просто верой, но лишь когда христианин «впустит в себя» Христа, в «движении духа... втекающего в человека» и возрождающего его — в «vivification» [Там же, S. 431].

Только такой метод «вивификации» — «оживления» падшего в грехе человека — мог предложить Осиандер потрясенной и возмущенной общественности Кёнигсберга, увидевшей в его тезисах грубое нарушение учения Лютера о «communicatio idiomatum» божественного и человеческого в природе Христа. В числе возмутившихся не было, однако, герцога Альбрехта, также присутствовавшего на диспутации и поддержавшего Осиандера, которого он называл своим «духовным отцом», будучи при этом старше его по возрасту.

Не вдаваясь в подробности религиозной распри, разразившейся в университете после диспутации Осиандера и затем охватившей всю протестантскую Германию, подчеркнем, однако, отразившуюся в кёнигсбергском споре исключительную общественную значимость религиозного сознания в кёнигсбергской жизни XVI, а затем XVII века.

Вторая религиозная «война», начатая в Кёнигсбергском университете и вошедшая в историю под названием «Синкретичный спор» (1644–1653), пришлась на время университетской деятельности поэта Симона Даха, ставшего в 1639 году профессором поэзии в университете. Ареной конфликта стал теологический факультет с его харизматичным вождем — профессором теологии Целестином Мыслентой. Спор разгорелся в контексте проблемы воли, кардинальной не только для христианского вероучения, но и для решения вопроса об истинной онтологии бытия в целом. На одной стороне конфликта выступила партия ортодоксальных лютеран, цепко державшаяся за «Corpus doctrinae Prutenicum» от 1567 года, в основе которого лежал сложный синтез учений Лютера о «несвободе воли», пораженной грехом, и о «свободе христианина», в том числе положения о независимости совести верующего от каких-либо общественных институтов, включая власть «Князя». «Ортодоксальную партию» возглавлял Мыслента. На другой стороне полемики была партия так называемых «синкретистов», искавших компромисс между лютеранским убеждением о тотальной поврежденности плотской воли, не способной быть «волей к Богу», и католическим учением о сохранении эссенциальной устрем-

ленности воли к Богу, несмотря на грехопадение. «Синкретическое учение» было разработано теологом из Хельмштадта Георгом Каликстом. Его сторонниками в Кёнигсбергском университете были Михаэль Бём, Левин Поухениус и Христиан Драйер. «Синкретистов» поддерживал сам курфюрст Фридрих Вильгельм, проявлявший склонность к «реформированной вере».

Религиозная распря вспыхнула после Торуньского религиозного colloquium 1645 года, организованного по инициативе польского короля Владислава IV с целью проведения конструктивного диалога между католиками, лютеранами и «реформированными» — «Colloquium charitativum». Владислав, питавший заметные симпатии к протестантам, проводил политику конфессиональной терпимости, начатую в Польше еще раньше, во времена правления короля Сигизмунда III. При правлении Владислава Польша стала прибежищем для многочисленных протестантских беженцев из Силезии и Богемии, восставшей против католических Габсбургов в 1618 году, что стало искрой для пожара Тридцатилетней войны.

Курфюрст Фридрих Вильгельм отправил в Торунь не ортодоксального Мысленту и его сторонников, пользовавшихся поддержкой прусских сословий и духовенства, а «реформированных» теологов Бёма, Поухениуса и Драйера, которые встретились там с Каликстом. Эта «командировка» привела к заметному обострению религиозной ситуации в Кёнигсберге, достигшей максимального накала в марте 1646 года в связи с «диспутацией», то есть защитой диссертации, теолога Иоганна Латермана, сторонника Каликста, на тему о предопределении¹. Главный тезис Латермана о том, что «обращение есть вопрос человеческой воли», вызвал гневную реакцию Мысленты. Он обвинил его, с одной стороны, в близости к кальвинистскому пониманию «предопределения», а с другой — в пелагианском преувеличении силы человеческой воли. Латерман был вынужден перенести защиту своей диссертации в Росток, но Мыслента продолжил борьбу против него в своем сочинении «Anti-Crisis», обвинив Латермана, его учителя Каликста и других «синкретистов» — Бёма и Драйера — в ереси. Это сочинение распространилось по всей Германии, что вывело «синкретичный спор» за пределы Пруссии.

В 1648 году в университете освободилась должность первого профессора теологии, на которую претендовал Мыслента, поддержанный большинством преподавателей и студентов. Против этого выступил

¹ О «синкретичном споре» в Кёнигсбергском университете см.: [8, S. 243–319; 4, с. 78–84].

курфюрст, собиравшийся назначить на эту должность молодого Михаэля Бёма, но его план сорвался из-за внезапной смерти Бёма. Символической вершиной спора стало мертвое тело Бёма: согласно университетской традиции, оно должно было упокоиться в Соборе. Но Мыслента, будучи первым священником Собора, запретил погребальную церемонию, еще раз назвав Бёма еретиком. Гнев курфюрста выразился в отстранении Мысленты от должности и в приостановлении жалования; однако на защиту Мысленты встал весь университет, и поэтому тело Бёма не пустили в Собор. Лишь спустя два года после смерти Бёма, в 1652 году, в церкви Закхайма, прилегающего к университету района, прошло церковное отпевание, после чего гроб с разложившимся трупом был помещен в гробницу Собора¹.

Этот эпизод, безусловно, свидетельство «страстной атмосферы» в университете тех времен, в которой работал Симон Дах. Об этой атмосфере один из «синкретистов» Драйер писал: «Канули все дружеские воспоминания; нигде нет человеческого сострадания, нигде не пролило ни единой слезинки сочувствия. Нет никого, кто поддержал бы слабого в вере. Только ненависть — из среды "родственников по вере", так что каждый больше радуется ошибке ближнего, чем его добрым делам» (цит. по: [8, S. 316]).

Симон Дах хорошо знал Михаэля Бёма, входившего в круг поэтов и музыкантов Кёнигсберга в 40-е годы XVII века. На его смерть Дах сочинил прощальную элегию, в которой есть такие строчки:

О тщетность мирного труда!
Без промаха смерть бьет туда,
где Божий дар ростки дает:
Бём в богословском ремесле
был птицей Божьей в высоте,
стрелюю смерти сбитой влет... [7, S. 330].

«Синкретичный спор» в университете формально закончился в 1653 году, после смерти Мысленты. При поддержке курфюрста Фридриха Вильгельма, преследовавшего в споре не только религиозные, но и явные политические цели, «примариусом», то есть ведущим профессором теологии, стал Христиан Драйер. Это означало победу «синкретистов» — формальную, но не идейную, поскольку большинство в университете, как и во всей Пруссии, остались приверженцами ортодоксальных взглядов. Соппротивление лютеранской ортодоксии

¹ Подробнее об этих событиях см.: [10, S. 96].

абсолютистским устремлениям Бранденбургско-Прусского курфюршества наглядно показало, что искомый герцогом Альбрехтом «альянс алтаря и трона» оказался в исторической практике недостижимой химерой, поскольку «истинное Евангелие» не смогло стать средством духовно-политической интеграции общества, как об этом мечтали Лютер и Альбрехт.

Кёнигсбергские богословские распри являются свидетельством кризиса, однако не только протестантизма, отчужденного от «евхаристической тайны», но и всего «богоцентрического проекта» истории, всей модели «*De civitas Dei*», которую с таким усердием пытался осуществить Альбрехт. Эти споры, которые «шуршали» задолго до Осигандера, касались тонкой проблематики «духа», воспринимавшейся лютеранской ортодоксией как еретическая опасность, что отразилось и в стремлении самого Лютера побудить Альбрехта к изгнанию из страны «опасной своры духов», возглавляемой Каспаром Швенкфельдом (см.: [11, S. 148]). Этот «новый спиритуализм» расцвел прежде всего в среде «просветленных» в Силезии и являлся весьма симптоматичным явлением Нового времени, скрытое духовное содержание которого концентрируется, в конечном счете, вокруг драмы богоцентрического духа, вытесняемого «новым духом» нарастающего субъектоцентризма. Тайна этого «нового духа» оказалась в эпицентре экзистенциального сознания эпохи, сосредоточенного прежде всего в поэтическом дискурсе барокко. Как известно, герцог не последовал совету Лютера, оставив свободу вероисповедания в Пруссии неприкосновенной.

Но проблема «духа» осталась, так же, как она остается и сегодня, поскольку касается ставшей почти эфемерной проблематики истины, которую «побаиваются» современные позитивистски настроенные науки. В контексте «переходного времени» XVII века эта проблема, связанная с ложностью или истинностью «духа», особенно важна, поскольку, подобно двуликому Янусу, барокко все еще «всматривается» в богоцентрическую векторность этой проблемы, однако уже «смотрит» и в другую сторону, где, говоря словами Канта, время «освобождается от Другого» [2, с. 127]. Духовная проблематика, обостренная в кёнигсбергском топосе до эсхатологической знаковости гибели исторического Кёнигсберга, имеет в дискурсе барокко парадигмальную значимость «или — или»: является ли «переходное время» переходом из мира «ложных духов» в мир «истинных духов» или наоборот? Иначе говоря: является ли «переходное время» переходом в «хронотоп Жизни» или «хронотоп Смерти»?

Продолжение следует.

Список литературы

1. Восточная Пруссия. С древних времен до конца Второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы. Калининград, 1996.
2. Кант И. Сочинения: в 4 т. М., 1993. Т. 1.
3. Копейкин К. Может ли «объект(ив)ная» наука стать «экзистенциальной» // Христианство и наука: сб. докладов конференции IX международных Рождественских образовательных чтений. М., 2001.
4. Лавринович К. К. Альбертина: очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. М., 1994.
6. Boockmann H. Der Deutsche Orden. Zwölf Kapitel aus seiner Geschichte. München, 1982.
7. Dach S. Gedichte: in 4 Bde. Halle, 1936—1938. Bd. 3.
8. Kaufmann Th. Theologische Auseinandersetzungen an der Universität Königsberg // Kulturgeschichte Ostpreußens in der Frühen Neuzeit. Tübingen, 2001.
9. Osiander A. Gesamtausgabe: in 10 Bde. Gütersloh, 1975—1997. Bd. 9.
10. Seele G. von. Geschichte der Albertus Universität zu Königsberg in Preußen. Würzburg, 1956.
11. Urkundenbuch zur Reformationgeschichte des Herzogthums Preußen: in 3 Bde. Leipzig, 1890 (Ndr. Osnabrück, 1965). Bd. 1.

Михаил Орехов
(Калининград)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЧУВСТВО ЖИЗНИ

В других нас раздражает не отсутствие совершенства,
а отсутствие сходства с нами.

Дж. Сантаяна

Географическое положение и судьба уготовили Кёнигсбергу-Калининграду особую роль «перекрестка культур».

История разными путями вела народы к встречам на этих берегах Балтики, и каждая встреча — тема для отдельного разговора. Какая максима определяла результат этих встреч и можно ли говорить об особой, местной толерантности или интолерантности, присущей отношениям народов-участников межкультурной коммуникации на протяжении многовековой истории Восточной Пруссии / Калининградской области? Прежде всего необходимо определить сущность понятия «толерантность».

Во-первых, особенность этого термина заключается в его несовпадении с понятием «терпимость», хотя между ними зачастую ставят знак равенства. Терпимость определяется В. И. Далем как свойство или качество «выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать»; терпимый — тот, кого «терпят *только* по милосердию, снисхождению (курсив наш. — М. О.)» [3, с. 401–402]. В таком контексте понятие «терпимость» раскрывается лишь в двух полярных ипостасях — через отношения подчинения и доминирования. Между двумя контрадикторными понятиями не оказывается места для «золотой» середины — возможности сотрудничества.

Во-вторых, в основе механизма толерантности лежит положительно решаемый внутренний конфликт (если конфликт решается отрицательно, то речь будет идти о противоположном толерантности яв-

лении — интолерантности). Внутренний конфликт в более широком понимании может быть присущ не только отдельно взятым индивидуумам, но и этносу в целом.

В-третьих, сама структура толерантности, взятой в самом широком смысле, неоднородна. Так, Майкл Уолцер пишет о спектре из пяти возможных значений, составляющих толерантность. Первое — это «отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира»; второе — «позиция пассивности, расслабленности, милостивого безразличия к различиям»; третье «вытекает из своеобразного морального стоицизма, принципиального признания того, что и "другие" обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь»; четвертое значение «выражает открытость в отношении других, любопытство, возможно, даже уважение, желание прислушиваться и учиться». Наконец, последний, пятый вид толерантности, по Уолцеру, — «это разнообразное восторженное одобрение различий» [8, с. 25–26].

В-четвертых, сам термин «толерантность» востребован многими науками, а следовательно, имеет множество областей «приложения» — от фармакологии, иммунологии и токсикологии до гуманитарного знания. В зависимости от того, какие принципы полагаются в основу разрешаемого противоречия (внутреннего конфликта), акцент может быть сделан на такие аспекты толерантности, как политический, гендерный, возрастной, этнический, религиозный, лингвистический и т. д.

Наконец, для правильного понимания феномена толерантности / интолерантности (а в нашем случае, когда рассматривается толерантность / интолерантность в межкультурных отношениях, речь идет и о понимании исторических явлений) первостепенную важность приобретает определение их причины.

Допустимой гипотезой из вышеизложенного является то, что каждому историческому периоду присуще, как минимум, одно разрешаемое (или неразрешаемое — что объясняется определенными причинами) противоречие. Такими актуальными для «своего» исторического периода могут стать, например, политические, этнические или лингвистические противоречия (в любом количестве и в любой комбинации). Разрешаются они сообразно действующим традициям и нормам межкультурного взаимодействия и права, исходя из преобладающей ценностной ориентации общества.

Drang nach Osten — попытка № 1

Начало истории Кёнигсберга связано с деятельностью Тевтонского ордена, приступившего в конце первой трети XIII века к планомерному захвату прусских земель. В политике, проводимой орденом, соеди-

нялись совершенно разные задачи. Тевтонский орден был создан прежде всего для защиты христиан, а не для распространения христианства среди язычников и захвата новых земель. На практике дело сводилось к сглаживанию «острых» политических моментов, возникавших в отношениях только что пришедших в Пруссию «новичков» и заинтересованных сторон, в частности города Любека. Политические трения постепенно урегулировались, основывались новые замки, расширялась в тяжелой борьбе с пруссами территория нового орденского государства. Какими же были отношения рыцарей ордена и автохтонного населения?

Даже если к определению «натиск на восток» подходить критически и видеть в немецкой средневековой экспансии лишь частное явление, а не планомерный замысел, целенаправленно реализуемый в течение многих столетий, то по поводу судьбы прусского народа, как бы ни было ограничено число источников, дошедших до нашего времени, никаких иллюзий не возникает. Прусская независимость пала уже через полвека после начала завоевания, последние носители прусского языка исчезли, по самым оптимистичным оценкам, во время эпидемии голода и чумы в начале XVIII века. С другой стороны, нет никаких сомнений и в том, что с момента самых первых контактов завоевателей с местным населением пруссы стали быстро ассимилироваться. Это объясняется как жестоким обхождением колонизаторов, активно внедрявших свои традиции, с местным населением, так и тем, что пруссы уже были морально готовы к принятию новой религии, а представители их нобилитета, взятые в заложники, как, например, вождь крупного восстания Геркус Манто, получали «европейское» образование и могли, пусть и неумышленно, «делиться» со своими соплеменниками элементами культуры завоевателей.

Активный исход последних свободных пруссов из своих земель, политика геноцида по отношению к непокорным — все это позволяет говорить о том, что отношения народов на рассматриваемом нами балтийском «перекрестке культур» никак не были исполнены принципами толерантности ни в этническом, ни в лингвистическом, ни в политическом плане. Речь не может идти и об интолерантности, так как у тех, кто принимал культуру, язык и законы завоевателей, был шанс остаться (конечно, на совсем других условиях, чем во времена независимости) на территории бывшей прусской конфедерации. Результат первой успешной попытки немецкой экспансии на восток можно охарактеризовать как установление отношений типа «доминирование — терпимость» между немецкими колонистами и местным населением. Даже первые два уровня толерантности из приведенного выше спектра возможностей («отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира» и «позиция пассивности, ослабленности, милостивого безразличия к различиям» — не говоря

уже о большем!) явно недостижимы: ведь зачем завоевателям искать «сохранения мира» или быть «пассивными»?

Отношения «доминирования — подчинения» оставались в силе, когда речь шла о политической и этнической составляющих. В лингвистическом плане со стороны завоевателей можно наблюдать как раз «позицию пассивности, милостивого безразличия к различиям» либо, как максимум, — проявление интереса к прусскому языку как миссионерскому средству¹ или как к лингвистическому курьезу (что верно для немногих ареалов прусского языка, сохранившихся, по всей вероятности, после поражения пруссов в войне за независимость²).

Какова же причина отсутствия толерантности в этот исторический период? Цель Тевтонского ордена — захват прусских земель и ассимиляция покорившегося населения. Ответ представляется простым: там, где конечной целью выступают активная, сознательная ассимиляция или геноцид, не может быть толерантности ни со стороны победителя, ни со стороны побежденного.

Торговля и политика решают все

В течение почти двух столетий орденское государство жило в относительно спокойной внутривнутриполитической обстановке. Однако этот же период ознаменовался и острой внешнеполитической борьбой за достойное место орденского государства. Среди мощных и опасных оппонентов — как торговых, так и политических — выживание могли гарантировать лишь умелое лавирование и создание союзов, которые заключались исходя из выгоды на краткосрочную и среднесрочную перспективы. Основной задачей ордена было сохранение (по крайней мере!) территории и увеличение богатств. Последнее было невозможно без обширных межкультурных контактов. Законы торговли диктовали политику, и старые враги могли временно стать друзьями. В условиях постоянной и жесткой конкуренции ганзейских городов товарооборот увеличивался за счет создания отношений с теми, от кого отвернулись торговые партнеры, как, например, во времена скандинавского конфликта 1360 года.

Особенно процветала торговля ордена с Фландрией, тяжелее складывались торговые отношения с Англией и Новгородом (даже несмотря на начало военных действий в 1368 году), а для налаживания

¹ Об этом свидетельствуют три перевода катехизиса с немецкого языка на самбийский диалект прусского языка в XVI веке, предназначавшихся, по мнению Ф. Гаузе, для проповедников сельских общин.

² Например, сохранились записи о смерти в 1677 году «последнего старика, знавшего прусский язык и жившего на Куршской косе».

торговых путей с Польшей потребовалось вмешательство королевы Ядвиги в 1398 году. Однако даже такой непримиримый соперник, как Польша, был заинтересован в торговых связях со своим вечным врагом — Тевтонским орденом.

Упомянутые межкультурные контакты того времени можно охарактеризовать как толерантность в торговых отношениях (третий уровень толерантности — по Уолцеру), которая «вытекает из своеобразного морального стоицизма, принципиального признания того, что и "другие" обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь». Причиной этнической толерантности к торговым партнерам является, безусловно, возможность получения коммерческой выгоды.

С другой стороны, даже политические обострения, перераставшие в вооруженные конфликты, нельзя объяснить экзистенциальными противоречиями и принципиально разными картинками мира противников, где для врагов не находится места. Фритц Гаузе писал в «Истории Пруссии», что Грюнвальдская битва «не была... битвой между народами или расами, эта битва была между двумя государствами, которые оказались политическими противниками, но принадлежали к одному вероисповеданию, к одному культурному кругу» (цит. по: [1, с. 150]).

История донесла до нас факты, свидетельствующие о толерантных отношениях в религиозной жизни Кёнигсберга начала Реформации. В городе проживали меньшинства, говорившие на польском и литовском языках, еще больше иноязычных христиан прибывало в Кёнигсберг по торговым делам. В перестроенной Штайндаммской церкви стали читаться проповеди на польском и литовском языках, причем инициатива иноязычных богослужений всегда исходила от церковных властей. Этническая и лингвистическая толерантность Реформации в религиозной жизни объясняется установкой на то, что каждый человек имел право слушать Евангелие на родном языке [2, с. 66—67]. И снова уровень толерантности не превышал признания прав «других», даже если это и создавало дискомфорт при встрече с ними. Тем не менее прогресс по сравнению с ранними орденоскими временами был очевиден.

«Mir neue Söhne — Euch ein mildes Vaterland»¹

Период колонизации пустующих земель с помощью иностранных колонистов — как новый этап межкультурных отношений — начался в Восточной Пруссии еще во времена правления герцога Альбрехта

¹ «Для меня — новые сыновья, а для вас — новая милая Родина» (нем.) — девиз короля Фридриха Вильгельма I, которым он руководствовался в политике заселения пустующих после эпидемии чумы восточнопрусских земель.

Бранденбургского. Уже тогда герцог, сразу взявший курс на самостоятельную политику (что обострило и так до крайности напряженные отношения с Польшей, приведшие к войне), осознавал необходимость заселения своих опустошенных земель. И первые переселенцы, гонимые за веру, снимались с родных мест и прибывали в Пруссию. Альбрехту удалось убедить перебраться в свое государство многих голландцев, обладавших неизвестными для жителей их новой родины знаниями и умениями.

Интеграция вновь прибывших переселенцев в общество не проходила безболезненно, так как они были кальвинистами. Местные купцы и ремесленники встречали голландцев, англичан и французов с большим подозрением и нелюбовью, поскольку чужестранцы приносили в Пруссию новые методы хозяйствования. Средством избавиться от ненавистных конкурентов служили обвинения в ереси — неудачно сданный экзамен мог повлечь за собой изгнание. В 1559 году герцог запретил всем гражданам сдавать жилье голландцам, если президент консистории не удостоверил их истинной веры. И он же встал на их защиту, когда кнайпхофцы лишили нескольких приезжих гражданских прав и бросили в тюрьму. «Давайте жить с этой нацией, как и с другими, в равенстве, как это было с древних времен, с тем чтобы не возникало разобщения наций» [Там же, с. 77–78]. Если в словах герцога о «древних временах» можно найти преувеличение, то сам факт защиты иностранцев и «внедрения» этнической толерантности силовым путем «сверху» следует отметить особо.

Продолжить политику колонизации, начатую еще Альбрехтом, довелось Фридриху Вильгельму I. То, что первому светскому правителю Пруссии приходилось совершать эпизодически, король был вынужден делать по необходимости: большая эпидемия чумы в 1709–1710 годах опустошила Восточную Пруссию. Масштабы переселения были значительными: в Пруссию прибыли французские гугеноты, меннониты из Швейцарии¹, эмигранты из Нассау, Пфальца, Зальцбурга. В целом их число оценивается в 15 тыс. человек [1, с. 199].

Толерантность прусских монархов объясняется, конечно, не только состраданием к братьям по вере (хотя, безусловно, Фридрих Вильгельм I отличался глубокой религиозностью). Именно экономические причины, находящиеся формально на втором плане, лежали в основе религиозной толерантности. С другой стороны, сложнее объяснить только рациональным подходом «короля-сержанта» факт увеличения

¹ Данцигские, мариенбургские и эльбингские меннониты продолжили в конце XVIII — середине XIX века свой путь на восток, перебравшись в Самарскую губернию Российской империи.

численности католиков в Кёнигсберге, которое началось еще во времена правления последнего курфюрста. В 1720 году в городе работало уже пять католических священников, а папский запрет на деятельность иезуитов вошел в силу в Пруссии только в 1780 году.

Еще один важный, хотя и кратковременный межкультурный контакт имел место во времена русской оккупации и нахождения Восточной Пруссии в составе Российской империи. Отношения между русскими и немцами были если и не дружескими, то по меньшей мере приемлемыми. Русские офицеры принимали активное участие в городской жизни, и под их влиянием нравы местных жителей стали более свободными. Известен ряд случаев, когда немцы поступали на русскую службу и добивались там успеха: друзья Гиппеля Иоахим Кристиан Грот и Кристиан Готтлиб Арндт отправились в Санкт-Петербург и достигли там определенного положения. Молодой Гиппель также посетил столицу империи и был ослеплен ее величием. Профессоры Альбертины Бок и Ватсон слагали хвалебные гимны в честь царицы Елизаветы, а первым напечатанным стихотворением Гердера было восторженное стихотворение на восхождение на престол Петра III [9, S. 486].

Надо особо отметить участие русских офицеров в организации масонской ложи Кёнигсберга «Три короны», как и то, что многие из них посещали лекции в Альбертине. Спекулятивное масонство, проповедовавшее всемирное братство и толерантность, оформилось окончательно в XVIII веке, а в период русской оккупации в Кёнигсберге работа лож велась очень активно.

The lights are going out all over Europe¹...

В начале XIX века Восточная Пруссия стала ареной крупных сражений наполеоновских войн. Настал момент, когда жителям Кёнигсберга пришлось еще раз испытать тяготы оккупации, при которой отношения между победителем и побежденным выражаются простой формулой «доминирование — терпимость». Условия французской оккупации сильно отличались от времен русского владычества в Восточной Пруссии, при котором «для граждан почти не существовало ограничений... в хозяйственной деятельности» и «оккупация мало что изменила во внешнем облике города» [2, с. 140]. Более того, лишь вмешательство России спасло Пруссию от потери государственности. О толерантном сосуществовании оккупантов-французов и местных жителей речи идти не могло.

¹ Часть высказывания, приписываемого Эдварду Грею, британскому министру иностранных дел, якобы произнесшему эти слова в дни июльского кризиса 1914 года: «По всей Европе гаснут огни, [и нам их больше никогда не увидеть]».

Однако с точки зрения экзистенциального конфликта цивилизаций войны XIX века во многом были похожи на войны веков предшествующих. Это все еще борьба «политических соперников», не отрицающих того, что они принадлежат «к одному кругу». Настоящим переломным моментом европейской истории (и русско-германских отношений в том числе) стал первый современный вооруженный конфликт — Первая мировая война, которую по праву можно считать гражданской войной, положившей конец прежнему укладу жизни европейской цивилизации. Последствия ее ощущаются Европой до сих пор, а для Кёнигсберга-Калининграда «гражданская война Европы» стала переломным моментом истории балтийского перекрестка.

Особенность этого конфликта — в отсутствии геополитической природы. Только экономическими причинами объяснить неограниченную войну нельзя, ведь все страны-участницы понесли потери, намного превышающие максимально возможные торговые убытки, которых так старались избежать. Ответ заключается в междоцивилизационном характере конфликта — праве быть великой нацией с великим будущим. В схватке не на жизнь, а на смерть столкнулись две цивилизации, одна из которых стала великой, а другая хотела ею стать. Ставкой в этой схватке стала будущая картина мира [6, с. 526], в которой не было места врагам и, конечно же, не шла речь ни о какой толерантности. Многочисленные случаи крайне недоброжелательного отношения и даже открытого насилия к русским, возвращавшимся из Германии в июле 1914 года, ярко свидетельствуют об обратном — интолерантности. Причем перемена настроения произошла буквально за считанные дни. Как был запущен механизм? Несомненно, всякое толерантное / интолерантное отношение имеет свои причины. Думается, что основы неразрешенного междоцивилизационного конфликта и причины интолерантности лежат во временах франко-прусской войны 1870—1871 годов и последующего создания Германской империи и заслуживают отдельного изучения.

Как бы то ни было, «огни в Европе» действительно погасли надолго. Окончание “war to end all wars”¹ запустило обратный отсчет времени до нового, еще более глобального конфликта.

Советское поле экспериментов

Время после окончания Второй мировой войны — это, пожалуй, самый сложный период в истории межкультурных контактов в Кёнигсберге / Калининграде. Более трех лет победители и побежденные

¹ Войны, призванной закончить все войны (англ.).

провели вместе. Много дискуссий вызывает отношение советских людей к бывшим врагам. Нужно признать, что многие из упреков немецкой стороны справедливы, но истина лежит ближе к точке зрения Михаэля Вика, автора воспоминаний «Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея», считавшего, что русских можно понять, но нельзя простить. Однако люди не могут в один момент освободиться от своего прошлого, а все контакты русских и немцев проходили именно под знаком недавнего прошлого. Было бы неправильным делать обобщения и говорить только об отношениях «доминирования — терпимости».

Об обратном — о том, как немцы и русские пытались узнать друг друга, — мы можем прочесть в предельно откровенной книге калининградского писателя Юрия Иванова «Танцы в крематории. Десять эпизодов кёнигсбергской жизни». Парадоксально, но факт: на некоторых этапах истории Кёнигсберга именно верховная власть проводила политику толерантности в противовес общественному мнению. Особенность межкультурных контактов послевоенного Кёнигсберга / Калининграда состоит в том, что указания из Москвы требовали самых суровых мер за любые послабления в отношении к немцам. Но, вопреки идеологической установке на интолерантность и многочисленным запретам, толерантность в отношениях порождалась самой атмосферой трудной повседневной жизни в разрушенном и требующем восстановления городе. Калининградская область вынужденно стала местом постановки «эксперимента» по совмещению несовместимого: недавних смертельных врагов, вынужденных работать и жить вместе. Преодоление открытой враждебности в короткие сроки — важный и уникальный в своем роде феномен межкультурных отношений в Калининградской области в первые послевоенные годы [5, с. 167 — 168].

Контакт с коренным населением Восточной Пруссии оказался лишь первой вехой на пути многолетнего эксперимента по освоению новой земли (см. также [7]). И если проблемы освоения инфраструктуры, а в более глобальном значении — и физического пространства, были сложны, но решаемы, то «освоение» истории оказалось куда более трудным. Важным этапом формирования новой жизни стала кампания по переходу с немецкой (прусской) топонимики на русскую (интересный пример лингвистической интолерантности). Примечательно и изменение отношения к довоенной истории Восточной Пруссии, попытки узаконить свое присутствие на этой земле путем причисления древних пруссов к славянам. «"Прошлое начинается сегодня!" — вот под каким лозунгом мы жили тут сорок лет», — так пи-

сал Юрий Иванов в 1990 году в письме своему канадскому корреспонденту писателю Х. Фишу, родившемуся в Кёнигсберге [4].

К чему пришли калининградцы за шестьдесят с лишним лет новейшей истории? Можно ли говорить о сложившейся особой «калининградской» толерантности? Безусловно, изучение этой тематики только начинается. Не поддается сомнению одно: тот факт, что и первые переселенцы, которые приезжали из разных областей и республик СССР, и миграция 1990-х и 2000-х годов, и опыт общения с «другими», накопленный за последние два десятилетия, *должны* были способствовать формированию в калининградском «плавильном котле» особого субэтноса со своим отношением к «иному». Не являются ли подтверждением этой гипотезы мысли о том, что именно Калининградская область призвана стать «пилотным» регионом для отработки отношений между Россией и Европейским союзом? Политика ассимиляции постепенно уступает место более продуктивной политике толерантного межкультурного общения, а косвенным подтверждением этому служит то, что ООН объявила 2010 год международным годом сближения культур.

Список литературы

1. *Восточная Пруссия. С древних времен до конца Второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы.* Калининград, 1996.
2. *Гаузе Ф.* Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1996. Т. 4.
4. *Иванов Ю. Н.* Письмо канадскому писателю Х. Фишу, родившемуся в Кёнигсберге. Кёнигсберг, 23 июня 1990 г. ГАКО. Ф. Р-1183. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 – 1 об.
5. *Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945 – 1956 гг. Калининград, 2009.
6. *Переслегин С.* Мировой кризис 1914 года: очерк стратегического планирования // Такман Б. Первый блицкриг, август 1914. СПб., 2002.
7. *Попадин А.* Самосознание калининградцев. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.popadin.narod.ru/samosoznanie.html>
8. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.
9. *Kohnen J.* Christian Täge's, ehemaligen Russischen Feldpredigers, Lebensgeschichte. Zu einem Königsberg-Beitrag August Samuel Gerbers // Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Lüneburg, 2000.

**ЯЗЫК:
ПУЛЬС ВРЕМЕНИ**

Рано или поздно составители словарей помимо констатации уже принятого нормативного состава языка показывают, в каком направлении он развивается. А вот что выберут люди — дело их вкуса, компетентности, представлений о престижности словарных форм.

О. Кочеткова

Слова появляются по отдельности, группами, иногда очень большими группами. Последнее — самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество...

М. Кронгауз

Российские программисты, а вслед за ними и пользователи оказались в ситуации языкового шока, который спровоцировал активную языковую деятельность, направленную на творческое освоение чужой лексики...

Е. Русакова

Ольга Кочеткова
(Калининград)

ПРО НОРМУ И ЕЕ РЕФОРМУ

Слово «реформы» сегодня «обросло» негативными коннотациями и является жупелом для людей — таков лингвистический результат опыта современного российского реформирования. Услышав об очередной «перестройке», они, не желая даже разобраться, в чем она заключается, кричат: «Долой! Не хотим!». Именно так и произошло, когда в первые сентябрьские дни 2009 года СМИ сообщили об официально утвержденном Министерством образования и науки РФ списке словарей, содержащих новые языковые нормы.

Как это было

Прежде всего нужны факты,
а уж потом их можно перевирать.

Марк Твен

Что же обусловило появление этого вызвавшего такой общественный резонанс списка? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться в 2005 год, когда был принят федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [5]. Не будем сейчас ни обращаться к содержанию этого закона, ни оценивать степень его необходимости: об этом в свое время было достаточно сказано, в том числе лингвистами, причем и теми из них, кто принимал участие в разработке этого закона. Отметим только, что обсуждение его проекта проходило в атмосфере тревожных разговоров об угрозе статусу русского языка в отдельных субъектах Российской Федерации, о сниже-

нии его роли в различных сферах международного общения, о негативных тенденциях в реализации его общественных и государственных функций и о необходимости вмешательства в складывающуюся ситуацию государства. Напомним также, что в ст. 1 ч. 3 этого закона говорится о *порядке утверждения норм современного русского литературного языка как государственного* через деятельность Правительства РФ.

Правительство же своим постановлением в соответствии с этой статьей закона установило *следующий порядок утверждения этих норм*: Министерство образования и науки РФ на основании решения Межведомственной комиссии¹ по русскому языку которая при этом опирается на *результаты экспертизы, утверждает «список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании как государственного* (Курсив наш. — О. К.)» [6].

Полгода спустя соответствующим положением² был установлен и *порядок проведения экспертизы грамматик и словарей*. В нем, в частности, говорится, что экспертиза проводится: а) «Российской академией наук, Российской академией образования, высшими учебными заведениями и иными организациями, имеющими в своем штате специалистов соответствующего профиля и квалификации, обладающих опытом проведения экспертизы, включенными в список, формируемый Министерством образования и наук и на основании рекомендаций Межведомственной комиссии» [10]; б) по инициативе заказчиков экспертизы, которыми являются юридические и физические лица; в) в целях формирования списка грамматик, словарей и справочников по русскому языку, утверждаемого Минобрнауки РФ на основании рекомендации Межведомственной комиссии по русскому языку, которая г) рассматривает экспертное заключение и направляет свое решение в министерство для утверждения списка.

¹ Состав Межведомственной комиссии, так же, как и Положение о ней, был утвержден приказом Министерства образования РФ № 124 от 2 декабря 2004 г. В комиссию вошли представители федеральных и региональных органов исполнительной власти, научно-исследовательских и образовательных учреждений и общественных объединений — чиновники, ученые, руководители и преподаватели ведущих вузов страны, учителя русского языка, редакторы газет и др. Положение определило ее статус «как координационного органа, обеспечивающего взаимодействие заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, а также организаций в целях развития, распространения и сохранения чистоты русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения».

² Утверждено приказом Министерства образования и науки РФ № 152 от 29 мая 2007 г.

В соответствии с п. 5 этого положения и на основании решения Межведомственной комиссии приказом Минобрнауки РФ [7] *был утвержден перечень высших учебных заведений и иных организаций, которые проводят экспертизу грамматик, словарей и справочников*. Это Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет; позже в перечень был дополнительно внесен и Институт лингвистических исследований РАН [4].

О начале проведения экспертизы было объявлено Федеральным агентством по образованию, которое пригласило к сотрудничеству издательства, авторов и других заинтересованных юридических и физических лиц и предложило направить на экспертизу издаваемые грамматики, словари и справочники. На приглашение *откликнулось лишь издательство «АСТ-ПРЕСС»*. (Его PR-директор К. Деревянко позже сообщил «Газете. Ру», что издательство само выбрало учреждения для проведения экспертизы словарей: это МГУ им. М. В. Ломоносова и Институт русского языка им. А. С. Пушкина.)

И наконец, во исполнение федерального закона «О государственном языке» и постановления Правительства РФ от 23.11.06 г. № 714 *список словарей, прошедших экспертизу в соответствии с ранее установленным порядком, был утвержден приказом Минобрнауки РФ [8]*.

Как видим, круг замкнулся: принятый в 2005 году Федеральный закон, чтобы быть исполняемым, требовал нормативно-языковой базы¹ — основы ее и были закреплены изданиями «министерского» списка. С этой точки зрения предпринятые нашей законодательной и исполнительной властью шаги представляются вполне последовательными и логичными, регулировались они соответствующими документами, каждый из которых является, так сказать, дочерним по отношению к предшествующему — это обычная и обязательная практика в сфере юриспруденции.

Скрупулезное перечисление государственных циркуляров, очевидно, может утомить читателя, да и цитаты из них вряд ли доставят эстетическое удовольствие. Но что же делать! Таков тот самый госу-

¹ Такая база существует во многих европейских странах в виде корпуса отражающих стандарты национального языка словарей и справочников. Он предъядается как обязательный, контролируемый государством идеологический и культурно-языковой минимум и рекомендуется всем гражданам страны.

дарственный язык, на нормализацию которого направлены эти документы. Представить же объективный контекст появления обсуждаемого списка словарей было необходимо для дальнейшего разговора о закрепленных в них нормах. Прежде чем его продолжить, заметим, что мероприятия, проведенные в период с 2005 года по сентябрь 2009 года, квалифицируются как языковая политика, или языковое строительство. В любом государстве наибольшей силой и влиянием она отличается в отношении государственного языка, который выступает как языкомонополист в официальной коммуникации. На реализацию именно этой функции русского языка и направлена ст. 3 Федерального закона, определяющая сферы обязательного его использования как государственного¹.

Установленные в качестве официальных справочных источников словари [1–3; 11]² изданы в рамках культурно-просветительской программы «Словари XXI века», которая реализуется Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН³. По словам заместителя директора этого института М. Л. Каленчук, к 2012 году предполагается выпуск более ста словарей и энциклопедий, создающихся на основе новейших лингвистических исследований и отражающих активные процессы и изменения, происходящие в русском языке в последние десятилетия. Естественно, что зафиксированы эти изменения и в четырех словарях, которые предназначены, помимо всех прочих читателей, и тем, кто обязан, выступая от лица государства, говорить и писать правильно — представителям, как сейчас говорят, всех ветвей власти и всех ее уровней. Эти словари и должны стать единым для всех этих адресатов лингвистическим пособием, к которому следует обращаться при необходимости. Статус и научный авторитет инстанций, рекомендациям которых следовало Министерство образования и науки, утверждая

¹ Это прежде всего сфера деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе по ведению делопроизводства и др.

² Помимо этих выпущено еще около 20 словарей, в том числе словари, подготовленные учеными Уральского госуниверситета; издавались они тоже в «АСТ-ПРЕСС».

³ Его партнерами выступают Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, МГУ им. М. В. Ломоносова, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Академия повышения квалификации и переподготовки работников образования, Московский институт открытого образования; информационный партнер программы — «Учительская газета».

список нормативных словарей, как будто не дает оснований сомневаться в надежности этих изданий¹. Отвечая на вполне резонные вопросы, почему в списке только четыре словаря и не значит ли это, что иные словари не могут теперь рассматриваться как нормативные, Министерство ответило, что этот список не закрыт и будет дополнен другими изданиями².

Нормы, закрепленные в этих словарях, новыми — в смысле отменяющими ныне действующие и прежде в них отсутствовавшими — не являются. В частности, активно обсуждавшиеся в СМИ *дОговор* и *кофе* (ср. р.) фиксируются отдельными словарями (см., например, [9]) уже на протяжении нескольких десятилетий и имеют в официально утвержденных словарях такую же, как и сопровождавшая их в некоторых из этих изданий словарную помету «разг.», свидетельствующую об ограниченной сфере употребления данного варианта. Заимствованное слово *йогУрт* было дано еще в «Словаре иностранных слов» 1949 года [12], закрепившем его ударение таким, каким оно было в языке-источнике. Наряду с *йОгурт*, отражающем его ударение в языке-посреднике, через который оно попало в русский язык, *йогУрт* фиксируется и рядом поздних изданий. *БрачАщиеся* же, образованное от устаревшего *брачить(ся)* — венчать(ся), бытует в языке уже несколько столетий, *брачующиеся* — более поздний его вариант — фиксируется словарями с 1991 года. Первый вариант, до этого времени отражавшийся в них как единственная норма, отмечается лишь одним словарем из изданных позже, теперь он есть и в новых (2008 года) словарях³.

Такова документальная история появления списка официально утвержденных словарей. Ее и следовало бы иметь в виду журналистам, сообщавшим о внезапно введенных новых нормах.

¹ Здесь, к сожалению, следует сделать поправку: вариант *дОговор*, данный в словаре [2] как нормативно равноправный с *договОр*, является технической ошибкой, которая, как пояснила одна из авторов словаря И. Сазонова, уже исправлена и в следующих изданиях не появится.

² В процессе обсуждения словарей из списка специалистами высказывались замечания, с которыми нельзя не согласиться. Неясно, например, как поступать читателям, если в будущем окажется, что словари не совпадают в своих нормативных рекомендациях. Такой конфликт уже обнаружился и между данными словарями.

³ Многие филологические сайты довольно оперативно откликнулись на ситуацию, разместив на своих страницах справки и комментарии, касающиеся, в частности, истории появления в словарях этих и других слов.

Чем это стало

Глотатели пустот,
Читатели газет!
Газет — читай: клевет
Газет — читай: растрат.

М. Цветаева

СМИ же, а за ними и большая часть интернет-народа, захлебываясь от негодования, язвительно и безапелляционно говорили о введении «новых языковых норм», «реформе языка», высказывали разнообразные предположения — порой самые фантастические и нелепые — о том, «кому это было надо» и «до чего мы теперь докатимся», ругали на чем свет стоит Министерство образования, обвиняли лингвистов в желании услужить безграмотным чиновникам, отстаивали «старые правильные», высмеивали «безграмотные новые» нормы и при этом не особенно заботились о грамотности собственной речи.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Во-первых, потому что в очередной раз пришлось убедиться в готовности журналистов даже серьезную тему преподнести как скандально-сенсационную, утрируя одну ее сторону и умалчивая о другой, в их нежелании или неумении, добросовестно ее изучив, быть точными при изложении фактов. Во-вторых, потому что сетовали по поводу «падения» старых норм именно те, кто эти самые нормы ежедневно и во всеуслышание нарушает, из чьих уст слышали и «дОговор», и даже не «черное кофе», а «мое день рождение», кто, не различая функциональной специфики словарей, поспешил сообщить о новом произношении («теперь надо говорить каратЕ!»), ориентируясь на орфографию слова, кто не понимает абсурдности выражения «реформа языка», чье беспокойство о его чистоте выражалось в формах, не отличающихся языковым вкусом — шаблонных и затертых. Печально и то, что многие из читателей, слушателей, зрителей восприняли медийную новость некритично, не дав себе труда заглянуть, например, в справочник так рьяно защищаемого ими Розенталя, в котором «кофе» (среднего рода — как разговорный вариант) тоже есть, и скептически отнеслись к словам лингвистов об изменении языковых норм как о явлении обычном и вовсе не трагическом и о том, что никакого покушения на грамотность в новых словарях не предпринято: на непременном употреблении допустимых вариантов они не настаивают и в изобилии встречающиеся в речи плохо образованных людей «неправильности» не нормализуют.

Впрочем, видеть в такой реакции сограждан только нигилистическое отношение к деятельности Минобрнауки и проявление лингвистического невежества было бы, безусловно, неправильно. За непониманием сути языковых процессов, агрессивными нападками на чиновников и лингвистов, затеявших очередную реформу, неловкими попытками защититься от нее «нормальный язык», как и за здравыми суждениями просвещенных людей, которые тоже, конечно, участвовали в развернувшейся дискуссии, стояло равнодушие к родному языку и живой к нему интерес. А это вселяет надежду на то, что на такой благодатной почве рано или поздно прорастет и желание лингвистически самообразовываться.

«Что же будет дальше?»

Создать язык невозможно, ибо его творит народ;
филологи только открывают его законы
и приводят в систему...

В. Г. Белинский

Высказываемое публикой несогласие говорить *дОговор* и возмущение «новым» родом *кофе* часто сопровождалось вопросом: «Почему закрепили в словарях такие неправильные формы? Неужели и *звОнят* когда-нибудь узаконят?» Ответить, почему «неправильное» может стать в языке «правильным», — значит начать долгий и обстоятельный разговор о том, как «вызревает» новая норма. К сожалению, такой возможностью мы не располагаем. Поэтому лишь проиллюстрируем это некоторыми примерами, заметив, что рядовые носители языка даже и не подозревают о том, сколько языковых вариантов — ранее диалектных, жаргонных, разговорно-просторечных, а сегодня утвержденных как нормативные — имеют такое «криминальное» прошлое.

Рожденные речевой практикой, они поначалу непривычны глазу и слуху тех, кто знаком с нормами литературного языка, и не принимаются ими. Так, ударение *тополЯ* в конце XIX века еще резало ухо грамотному человеку, казалось вульгарным на фоне книжной нормы — окончания -и (-ы) форм множественного числа существительных мужского рода, но сегодня для нас в этом слове оно единственно верное. Мы привыкли к формам *слУжит*, *друЖит*, *кАтит* как к нормативным, хотя когда-то они были просторечными, а правильными считались формы с ударением на окончании (вспомним басню И. А. Крылова про муравья и стрекозу, которая «оглянуться не успела, как зима катИт в глаза»). Окончание -а (-я) в формах множественного числа фиксиру-

ется сегодня и у многих других существительных мужского рода, прежде с ним не употреблявшихся. Вот только как нормативные варианты они имеют разный статус: одни стали нормой императивной, другие являются вариантами нормы — равноправными или допустимыми по отношению к основным. Тенденция к их распространению очевидна.

Глагольные формы типа *кАтит* переживают похожую историю: какие-то нормативны теперь только с ударением на основе (*слУжит*), в других оно допускается и на окончании (*грузИт*), третьи имеют равноправные ударения (*крУжит*). Опираясь на такие наблюдения, нужно искать и ответ на вопрос, что произойдет, вернее, может произойти с формой *звОнит*. Как видим, в формах ее группы перенос ударения с окончания на основу так или иначе признан нормой. Таким формам, как *звонИт*, трудно оставаться в речи «одиночкой» с иным ударением — ведь модель «ударение на основе» работает продуктивно. На нее и ориентируется произношение *звОнит*, не признаваемое сегодня словарями. Как сложится его судьба, покажет время. Рассказывая о «живом как жизнь» языке, К. И. Чуковский писал о том, что никто не может поручиться за то, что ныне неприемлемые формы не станут единственно возможными для потомков. *ДоговОр* и *дОговор*, *горячий кофе* и *горячее кофе*, *йОгурт* и *йогУрт*, при всем различии их индивидуальных историй, — из категории таких же сосуществующих в языке вариантов: они отражают конкурирование старого и нового, кодифицированного и узуального, фиксируют определенный этап изменения нормативного статуса этих языковых единиц.

Определяют этот статус лингвисты, опираясь на результаты исследований узуса и критерии нормализации. Подчас эти критерии действуют как центробежные силы, и тогда лингвист выбирает какой-то из них в качестве руководящего. Именно поэтому иногда оказывается, что в качестве нормативного побеждает не вариант, поддерживаемый культурной элитой, а тот, который широко распространен среди маргинального большинства. Фактически рано или поздно составители словарей помимо констатации уже принятого нормативного состава языка показывают, в каком направлении он развивается. Они как законодатели языка, санкционирующие его нормативный вариант, принимают на себя огромную ответственность за формирование у людей его образа, за влияние на их выбор, который те совершают всякий раз, когда приступают к речи. А вот что для нее выберут люди — дело их вкуса, компетентности, представлений о престижности словарных форм. Поэтому кому-то подойдет и *дОговор*, а кому-то — только *договОР*.

Все мы говорим на одном языке — родном, русском. Его не выбирают, как не выбирают мать и родину, он достается нам как дар — ничем не заслуженный и драгоценный, его богатством не всякий может воспользоваться или правильно распорядиться. Мы все живем в его стихии, дышим его воздухом и проникаемся его духом, но при этом каждый из нас возвращает, вынашивает в себе свой язык — плоть от плоти общего, но все-таки свой, для себя — по своей натуре и разуму, по сердцу и по совести. Каким мы его вырастим, таким он и откроется окружающим. Таким в совокупности с тысячами других он и войдет — или не войдет — в словарь, который будут читать и наши современники, и наши потомки.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.
2. Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. Орфографический словарь русского языка. М., 2006.
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. М., 2008.
4. О внесении изменения в список высших учебных заведений и иных организаций, которыми проводится экспертиза грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 401: приказ Министерства образования и науки РФ № 196 от 8 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=89244>
5. О государственном языке Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации № 53-ФЗ от 1 июня 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html>
6. О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации: постановление № 714 от 23 ноября 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/11/29/russkij-dok.html>
7. Об утверждении списка высших учебных заведений и иных организаций, которыми проводится экспертиза грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации: приказ Министерства образования и науки РФ № 401 от 29 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2009/02/20/normy-yazyka-dok.html>

8. *Об утверждении* списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации: приказ Министерства образования и науки РФ № 195 от 8 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2009/08/21/russkiy-slovari-dok.html>

9. *Орфографический словарь русского языка* / под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М., 1974.

10. *Положение о порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_07/prm152-1.htm

11. *Резниченко И. Л.* Словарь ударений русского языка: Около 10 000 слов. М., 2007.

12. *Словарь иностранных слов* / ред. И. В. Лехин, Ф. И. Петров. М., 1949.

Максим Кронгауз
(Москва)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ЭПОХИ

Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился. В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существующее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя. В последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать словари, а обычные люди часто просто не понимают, о чем идет речь.

Слова появляются по отдельности, группами, а иногда очень большими группами. Последнее — самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество. Можно отметить по крайней мере несколько таких больших волн новых слов и значений, возникших на рубеже веков, а возможно, продолжающихся и дальше.

После перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности прожили три важнейших одноименных периода, три, если хотите, моды, разглядеть которые позволяет наш родной язык. Про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха. Это тоже философия, но философия языка. Глупо говорить о его засоренности, глупо вообще пенять на язык, коли жизнь у нас такая. И надо быть терпимее и помнить, что слова суть отражения.

Курс молодого словца

Самое заметное из изменений, происходящих в языке, — это появление новых слов и — чуть менее яркое — появление новых значений. Новое слово попробуй не заметить! Об него... сразу спотыкается взгляд, оно просто мешает понимать текст и требует объяснений, и вместе с тем в новых словах часто скрыта какая-то особая привлекательность, обаяние чего-то тайного, чужого. А вот откуда в языке появляются новые слова и новые значения?

Как-то принято считать, что русский язык, если ему не хватает какого-то важного слова, просто одалживает его у другого языка, прежде всего у английского. Ну, например, в области компьютеров и интернета, казалось бы, только так и происходит. Слова *компьютер*, *монитор*, *принтер*, *процессор*, *сайт*, *блог* и многие другие заимствованы из английского. Однако это — заблуждение, точнее говоря, дело обстоит не совсем так или, по крайней мере, не всегда так. Это можно показать на примере своего рода IT-зверинца¹. Названия трех животных — *мышь*, *собачка* и *хомяк* — приобрели новые «компьютерные» значения, причем совершенно разными путями.

Ну, с *мышью* все понятно, это значение всем хорошо известно и уже отмечено в словарях («специальное устройство, позволяющее управлять курсором и вводить разного рода команды»). В русском языке это так называемая калька с английского, то есть новое значение появилось у соответствующего названия животного именно в английском языке, а русский просто добавил его к значениям *мыши*. Компьютерная мышь вначале была действительно похожа на обычную и по форме, и по хвосту-проводу, и по тому, как бегала по коврику. Сейчас компьютерные мыши довольно сильно удалились от прототипа, но значение уже прочно закрепилось в языке.

А вот *собачку* в качестве названия для @, значка электронной почты, придумал сам русский язык (точнее, неизвестный автор, или, как в таких случаях говорят, народ). Опять же подобрал нечто похожее, избрал новую метафору, хотя, надо сказать, сходство с собачкой весьма сомнительно. Я сначала не мог ответить на вопрос, который часто задают иностранцы, — почему именно собака, а потом придумал будку с собакой на длинной цепи, и это почему-то помогает, создает некий образ. Иностранцы поначалу недоумевают, но потом обречен-

¹ Или, говоря по-русски, информационно-технологического зверинца.

но принимают странную русскую метафору. Вообще, многие языки называют этот значок именем животного: итальянский видит здесь улитку, немецкий — обезьянку, финский — кошку, китайский — мышку, в других языках мелькают хоботы и свинячьи хвосты. А собачку заметили только мы, такой вот особый русский взгляд.

Совершенно другим, но тоже особым путем пошли французы (правда, вместе с испанцами и португальцами), который удивительным образом демонстрирует возможности сегодняшнего государственного регулирования языка. Приведу фрагмент информационной заметки в Интернете по этому поводу:

«Генеральный комитет Франции по терминологии официально одобрил несколько неологизмов, связанных с Интернетом, и официально включил их в состав французского языка, сообщает Компьюлента. Новые слова введены вместо англоязычных заимствований и призваны сохранить чистоту французского языка. Теперь использование новых слов на французских сайтах и в прессе является предпочтительным по отношению к английским терминам или их переводам».

Наиболее интересным является новое французское название для символа @ — обязательного элемента любого адреса электронной почты. По-английски этот символ обычно читается как «at», а по-русски его называют «собакой». Французы же отныне обязаны читать этот символ как *arobase*. Это название происходит от старинной испанской и португальской меры *arrobe*, которая в свое время обозначалась именно обведенной в круг буквой «а». Ее название в свою очередь происходит от арабского «ар-руб», что означает «четверть».

И далее:

«Интересно, что пять лет назад Генеральному комитету по терминологии не удалось добиться замены англоязычного термина *e-mail* на французское слово *mel*».

Как показывает последнее замечание, у государственного регулирования (даже французского) есть определенные границы, но даже и то, что произошло с символом электронной почты, впечатляет. Представить себе, что, скажем, Академия наук РФ постановила называть этот значок так-то и так-то, а русский народ это покорно выполнил, довольно трудно.

Наконец, третье слово — *хомяк* — предлагает третий способ появления значения, правда, не в литературном языке, а, скорее, в интернет-жаргоне. В этом случае происходит как бы заимствование иноязычного выражения (*home page*), а его звуковой облик, отчасти искажаясь, сближается с уже существующим русским словом. То есть берется самое похожее по звучанию русское слово, и ему присваивается

новое значение. Это не вполне заимствование, хотя влияние английского языка очевидно. Важно, что никакой связи со значением слова *хомяк* не существует, а есть только связь по звучанию. Фактически речь идет об особой языковой игре, похожей на каламбур. Эта игра оказалась чрезвычайно увлекательной, и в результате постоянно возникают все новые и новые жаргонизмы. Самые известные среди них связаны с электронной почтой: *мыло* (собственно электронная почта или соответствующий адрес) и *емелить* (от личного имени Емеля; посылать электронную почту). Появление этих слов вызвано исключительно фонетическим сходством с английским e-mail. Особенно часто происходит, как и в случае с Емелей, сближение с личными именами: *аська* (англ. ICQ) или *клава* (от клавиатура).

Такая игра случается и за пределами компьютерной области. В речи продавцов одежды, а затем и покупателей какое-то время назад стали встречаться слова *елчка* (вариант — *елочка*) и *эмочка*, на звуковом уровне совпадающие с ласкательными именами собственными. Это разговорные обозначения размеров одежды «L» и «M». По-видимому, существует, хотя и встречается значительно реже, слово *эсочка* (для «S»). С большой вероятностью именно совпадение с существующими именами собственными способствовало появлению таких уменьшительных слов. Сравнительно недавно появилось, хотя и не стало очень употребительным, слово *юрики*, обозначающее новую европейскую валюту — евро — и восходящее к английскому произношению.

Распространена эта фонетическая игра и среди любителей машин. Так образуются разговорные названия как автомобильных марок, так и отдельных моделей. Мерседес уже давно называют *мерином*, здесь, правда, суть дела не исчерпывается только фонетическим сходством. На форумах автомобилистов в Интернете мне встречалось слово *поджарый*, которое я не сразу сопоставил с моделью Pajero Mitsubishi.

Обилие примеров показывает, что это уже не случайная игра, а нормальный рабочий механизм, характерный для русского языка, точнее, для его жаргонов. Более того, он демонстрирует две очень ярких черты русского языка, и хотя бы поэтому не стоит относиться к этим словам с пренебрежением («фу, какие нелепые словечки!»).

Во-первых, это прекрасное подтверждение творческого характера русского языка в целом, а не только отдельных его представителей — писателей, журналистов и деятелей интернета. Эта «креативность», по существу, встроена в русскую грамматику, то есть доступна всем. Как говорится, пользуйся не хочу. Справедливости ради скажем, что некоторые пуристы этим никогда не пользуются.

Во-вторых, из всего сказанного видно, что опасность гибели русского языка от потока заимствований сильно преувеличена. У него есть очень мощные защитные ресурсы. И состоят они не в отторжении заимствований, а в их скорейшем освоении. Если посмотреть на последние примеры, можно сказать даже об особом «одомашнивании» отдельных приглянувшихся иностранных слов.

Впрочем, не надо думать, что такой способ образования новых слов появился совсем недавно и что он используется только при заимствовании. Так, например, москвичи уже давно «одомашнивают» и «одушевляют» бездушные названия маршрутов общественного транспорта: отсюда знаменитая *аннушка* — трамвай маршрута «А» — и менее известная *букашка* — название троллейбуса «Б».

<...>

О чем говорят паразиты

У одного моего знакомого электрика было два слова-паразита, которыми он владел практически виртуозно. В разговоре с мужчинами он использовал одно единственное матерное слово¹, но если к беседе подключалась женщина, он заменял его на *на фиг*, то есть, как сказали бы лингвисты, владел двумя регистрами речи, которые строго распределял по гендерному принципу.

Сколько я себя помню, стилисты и языковые пуристы всегда боролись с так называемыми словами-паразитами, со всеми этими *так сказать*, *значит* (с просторечным вариантом *значить*), *естественно*, *вот* и прочими, которые, как принято считать, ни для чего не нужны и только засоряют нашу речь. На самом деле, не все так просто, в языке ведь вообще нет ничего лишнего. За каждым из этих слов стоит некая идея, которая вдруг оказывается востребованной и потому часто воспроизводимой, и лишь потом, когда возникает устойчивая привычка к слову, оно становится тем самым паразитом, от которого почти невозможно избавиться. Но даже и в этом случае самому говорящему оно приносит определенную пользу, а именно — дает время подумать и сообразить, что говорить дальше, а также склеивает прочие слова. Недаром одна из функций русского мата как раз такова — заполнять

¹ Если честно, то это был, скорее, эвфемизм, то есть заменитель матерного слова, который звучал так: *ёптыть*. Электрик принимал участие в ремонте нашей квартиры, а собственно лингвистический эксперимент проходил с участием меня и моей жены.

пустоты в речи и в мысли. Именно так и используют мат не слишком грамотные и образованные люди.

К сожалению, слушающим слова-паразиты приносят в основном неприятности. Их бесконечный повтор просто раздражает собеседников. В какой-то момент эти постоянные *значить-значить-значить* или *таксказать-таксказать-таксказать* заглушают все остальные слова и просто мешают воспринимать мысль. Хотя и для слушающего они могут оказаться полезны. Например, слово-паразит *вот* обозначает завершение некоторого смыслового блока, то есть дает время осмыслить сказанное и подготовиться к новой информации. Есть люди, которые даже во время монолога постоянно обращаются за поддержкой к собеседникам и делают это с помощью словечка *да* с вопросительной интонацией или вопросов-обращений типа *понимаете, знаете*. Эти вроде бы и паразиты в действительности очень нужны говорящему и выдают его особый психологический склад, потребность в постоянной коммуникативной поддержке и связи с собеседником. Это, впрочем, не означает, что перед вами обязательно мягкий, сомневающийся человек. Я слышал регулярное вопросительное «да?» в устах абсолютно уверенных в себе людей. Этим словом они как бы постоянно подхлестывают собеседника, не давая ему ни на секунду отвлечься от разговора, а точнее — от слушания того, что они говорят.

Время от времени в русском языке появляются новые слова-паразиты. Вот как это представлено в... одном анекдоте о языке новых русских:

«Новый англо-русский словарь: неопределенный артикль *a* переводится на русский как *типа*, а определенный артикль *the* — конкретно или *чисто*».

Эти словечки распространились десять-пятнадцать лет назад вместе с распальцовкой и прочими атрибутами нового русского и, конечно, с артиклями имеют не очень много общего. Например, раньше слово *типа* сочеталось только с родительным падежом существительного (*животное типа собаки*), а в новом употреблении слово характеризует не только существительное, но и глагол, и целую фразу: *Я типа сказал* или *Типа сказал и сделал*.

У слов-паразитов в силу их частотности появляется еще одно важное свойство. Чем чаще произносится слово, тем заметнее тенденция к его сокращению, сжатию. Таким образом мы экономим свои произносительные усилия. Хороший паразит — паразит односложный, отсюда и постоянное стяжение «лишних» слогов. Поэтому мы и говорим что-то вроде *тксать* вместо *так сказать*. Это стало отражаться в особой интернет-орфографии. Так появилось слово *ессно* (*естественно*, если кто не понял). Раз уж речь зашла об интернет-орфографии, нельзя не

вспомнить еще одну любопытную вещь. Именно в Интернете стали различать в написании слово-паразит и обычное нормативное *типа*. Слово-паразит часто записывается таким образом — *типо*: *Начинаем типо раздачу слонов*.

Интересно, что слово *типа* стало всего лишь стилистическим (поначалу «бандитским», а потом хоть вульгарным, но общенародным) вариантом незадолго до этого распространившегося обычного слова-паразита *как бы*. Как и другие паразиты, словечки *типа* и *как бы* восходят к совершенно нормальным русским словам, которые вдруг начинают употребляться чаще и в совершенно неуместных контекстах и ситуациях. В литературном языке эти два слова связаны с идеей сходства, подобия (но не совпадения). В своем «паразитическом» употреблении они от этой идеи отходят.

«Я как бы лингвист», — могу сказать я (хотя стараюсь так не говорить), при том что я действительно лингвист, а не просто похож на него. «Я как бы работаю», — говорит кто-то, действительно работающий в этот момент, а не имитирующий деятельность. Есть люди, у которых это *как бы* встречается в речи чуть ли не перед каждым словом: «Я как бы здесь работаю как бы продавщицей». Короче, пурист немедленно ставит диагноз — слово-паразит, которое подлежит скорейшему удалению из речи. Но ведь, несмотря на все старания, слово *как бы* в таком употреблении не исчезает из речи, что само по себе повод задуматься о нем. Такое *как бы* относится не к какому-то конкретному слову (как, например, английский артикль), а характеризует речь человека в целом, его психологическое состояние и, возможно, даже социальный статус. Как это ни парадоксально прозвучит, это слово стало очень своеобразным инструментом вежливости (или «как бы вежливости»). Фактически оно означает, что говорящий отказывается делать резкие и окончательные высказывания о мире, а каждый раз заявляет о своей неуверенности, об отсутствии у него права делать такие утверждения, и в том числе о его не высоком статусе, в частности по отношению к собеседнику. Это как если бы человек говорил одну фразу и сразу добавлял: «Ну, впрочем, это мое частное и не очень важное мнение, возможно, не соответствующее действительному положению дел». Так разговаривает подчиненный с начальником, заинтересованное лицо с влиятельным и т. п. Скажем, хороший студент на экзамене не должен решительно заявлять: «Волга впадает в Каспийское море». Это слишком безапелляционное и отчасти нахальное заявление, за него можно и тройку схлопотать. Правильнее сказать: «Волга как бы впадает в (как бы) Каспийское море». Этот ответ демонстрирует уважение к экзаменатору, неуверенность и скромность

(второе *как бы* факультативно и, возможно, уже избыточно и даже льстиво). И уже без всякого юмора должен сказать, что это действительно одно из частых слов, встречающихся в ответах на экзамене.

Тот факт, что именно *как бы* стало самым распространенным словом-паразитом нашего времени, на мой взгляд, свидетельствует о нашем времени. Вы спросите: «Как?» Да я типо уже написал. Дальше думайте как бы сами.

Профессиональная конкуренция

<...> Некоторое время назад со мной произошел старый анекдот про дизайнера, но только наоборот. Как вас представить? — спросили меня по телефону, когда я позвонил в интернет-компанию. Когда я не только назвал фамилию, но и в ответ на много переспросов объяснил, что первая буква никак не Дмитрий, а скорее Константин, а в середине нет не только Б, но и М, милый женский голос произнес: «О'кей» и после некоторой паузы уточнил: «Это фамилия?» Только чудом я удержался, чтобы не ответить: «Нет, профессия», что, конечно, никого не удивило бы. Профессий так много...

Половины нынешних профессий я и сам не знаю. И неизменно радуюсь, когда узнаю новые. Например, что *эйчар* — это то же самое, что менеджер по персоналу, но ни в коем случае не кадровик (*эйчар* обидится). А ведь есть еще *хедхантер*, *мерчандайзер*, *бьюти-эдитор* и *медреп*. Удивляюсь, — почему бы просто не сказать: охотник за головами, красотка-редактор? Впрочем, это, конечно, шутка, и притом не самая удачная.

В этом потоке актуальных профессий на самом деле скрыто множество разных проблем. Одна из них — чрезвычайно важная — хорошо описывается словом «конкуренция». Я имею в виду конкуренцию слов. Человека, имеющего определенную профессию, сейчас можно называть по-разному. Иногда эта конкуренция достаточно примитивна: существуют разные варианты написания или произнесения одного и того же слова. Например, человека, занимающегося недвижимостью, можно назвать по крайней мере четырьмя способами: *риэлтор*, *риэлтер*, *риелтер*, *риелтор*. Но это свидетельствует лишь о том, что слово не вполне вошло в русский язык, а точнее — не вполне прижилось, и написание еще не устоялось. <...>

Любопытно то, что *риэлтор* вытеснило слово *маклер*, которое в советское время значило примерно то же самое.

Подобных примеров много. Почему *эйчар*, но не *кадровик*? Почему *рерайтер*, но не *редактор*? Почему нынешние *парикмахеры* предпочитают называться *стилистами*, а нынешнюю модель (особенно *топ*-) никому не придет в голову назвать *манекенищей*?

Некоторые из старых слов еще актуальны (*кадровик* и *редактор*), другие же устарели и используются только в разговоре о прошлом (*манекенищица* или *маклер*).

По поводу этих пар есть, грубо говоря, два мнения.

Первое состоит в том, что это — разные профессии. Так, *стилист*, в отличие от *парикмахера*, не просто пострижет, но и позаботится о стиле в целом. Современная модель отличается от советской *манекенищицы*, как небо от земли. Она ведь не просто демонстрирует одежду (судя по старым фильмам, в основном рабочую), а снимается в рекламных роликах, участвует в фотосессиях для глянцевого журналов и вообще является эталоном стиля.

Это сравнение можно продолжать долго: у *эйчара*, в отличие от *кадровика*, есть дополнительные обязанности и навыки (я их, увы, плохо знаю) — и так далее.

Однако это не вся правда. Развитие профессии далеко не всегда приводит к смене ее названия. Сегодняшний инженер сильно отличается от инженера XIX века, но *инженером* называться не перестает. Второе, и, по-моему, более точный, взгляд оказывается более приземленным. Суть, конечно же, в престиже и деньгах.

В новых словах присутствует какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны. Естественно, что стилист вправе запросить за стрижку больше, чем парикмахер, а гонорары моделей несопоставимы с зарплатой манекенищиц. С распадом советской распределительной системы полулегальный маклер не мог не превратиться во вполне уважаемого риэлтора, и неважно, что их функции и уровень профессионализма порой никак не различаются. А в 90-х годах XX века *проститутки* «переквалифицировались» в *путан*.

Вытеснение менее престижных слов более престижными существовало всегда (хотя и не в таких масштабах). Ограничусь парой примеров.

В свое время именно *парикмахер* сменил *цирюльника* и *брадобрея*. И совсем не потому, что в дополнение к стрижке он перестал ставить пиявки, а стал делать парики. Аура немецкого профессионализма и основательности преодолела даже фонетические трудности (русским было непросто выговаривать такие громоздкие слова, как *парикмахер* или *бухгалтер*).

Не менее интересен и ряд слов *купец* / *предприниматель* / *коммерсант* / *бизнесмен*. *Купец* относится к истории. Из остальных трех наи-

более нейтрален *бизнесмен* — его выберут и в качестве самохарактеристики: я — *бизнесмен*. С *коммерсантом* и *предпринимателем* сложнее. Оба они, как правило, оценочны и сочетаются с соответствующими определениями: *крупный предприниматель* или *мелкий коммерсант* (отсюда и *приблатненное коммерс*).

Многие из новых названий еще не вошли в словари и не стали фактом литературного языка. Пока они скорее относятся к профессиональным жаргонам. Об этом свидетельствует следующее.

Во-первых, они известны только специалистам в данной области. Объявление «*требуется эккаунтменеджер*» понятно лишь эккаунтменеджерам (или акаунтменеджерам). Употребление таких слов отпугивает непосвященных, что, впрочем, и требуется.

Во-вторых, их трудно записать. В случае *риэлтора* (см. выше) или *кризйтора* (с вариантами *криейтор* и *креатор*) путаются русские буквы, а ведь возможно еще и использование латиницы (для части или для всего названия): *IT-менеджер*, *beauty editor* и т. п.

Сегодня почти все новые названия профессий приходят к нам из английского языка (незначительные исключения связаны с модой, кухней и другими узкими областями, например *сомелье* или *кутюрье*). Конкуренция возникает при этом не только со старыми названиями (их иногда просто нет), но и между рядом новых, которые могут восприниматься как более или менее официальные, более или менее разговорные: *IT-менеджер* / *айтишник* или *компьютерщик*, *специалист по связям с общественностью* / *пиарщик*. <...>

Кто в доме хозяин

Судьба слов далеко не так безоблачна, как кажется на первый взгляд. Среди множества новых слов, появляющихся в последнее время в русских текстах, лишь некоторым удастся закрепиться в языке надолго или даже остаться в нем. Другие же напоминают незваных гостей, которые, потоптавшись в передней, вскоре незаметно покидают отвергнувший их дом.

Причины тому, что слово не прижилось, бывают очень разные. Например, проиграло в конкурентной борьбе более удачливому сопернику с таким же значением. Или просто понятие, обозначаемое данным словом, оказывается несущественным, и экономный язык предпочитает передавать его описательно. Наличие слова само по себе очень сильное свидетельство важности действия, всего того, что им названо, для говорящих на этом языке.

Приведу несколько примеров таких недолгих пребываний в русском языке. Еще лет десять-пятнадцать назад было заимствовано слово *консенсус*. Популярность его объясняется тем, что его полюбил Михаил Сергеевич Горбачев, старавшийся всегда и во всем *достигать консенсуса*. Речь первого лица государства в СССР и в России всегда была предметом подражания. Особенности речи генсеков, в том числе и их ошибки, воспроизводились сначала их ближайшим кругом, а затем распространялись и дальше. Так, вслед за Хрущевым партийные деятели стали смягчать согласный звук «з» в суффиксе «изм»: *марксизьм, коммунизьм*. После ухода Горбачева с политической сцены быстро прошла мода и на *консенсус*, тем более что достигать с тем же успехом можно и согласия. Слово *консенсус* сейчас используется разве что пародистами, то есть фактически в языке не существует.

Не менее интересная история произошла с рядом слов, связанных с интернетом. В этой области действительно появилось много новых слов, без которых сегодня трудно обойтись, например сам *интернет*, а также *сайт, виртуальный, портал, веб-мастер, веб-дизайнер* и т. д.

Некоторое время назад интернет-сообщество активно изобретало новые слова не для особых интернетных явлений, а для чего-то вполне привычного, но помещенного в сеть. В этом была явно видна попытка сообщества отгородиться от обыденной жизни, переименовать по возможности все, потому что нечто в интернете — это совсем не то, что нечто в старой реальности. Отсюда такие игровые монстры, как уже более или менее привычная *сетература* (вместо сетевая литература) или более редкое — *сетикет* (вместо сетевой этикет)¹. Уже тогда можно было предположить, что они не приживутся в языке, если только интернетное сообщество не отделится окончательно от реального мира. Потому что сетература уж слишком плавно перетекает в литературу, чтобы обыденный язык позволил себе иметь целых два слова для на самом деле одного понятия. А отдельного сетикета, как я писал как-то раньше, тоже не существует. Если же надо подчеркнуть идею «сети», то можно использовать и словосочетание. В конце концов так и случилось. Наиболее талантливые писатели из Интернета перекочевали на бумагу и из сетераторов сделались обычными литераторами, а соответствующие слова потеряли актуальность.

Но самым-то увлекательным был поиск слова для самоназвания. Разнообразие вариантов здесь необычайно велико (среди них, так сказать, и народные, и авторские): *сетяне, сетевые, сетенавты, сетевики,*

¹ Существует также слово *нетикет*.

сетеголовые, *новые нетские* (от английского *net* — сеть). Большая часть из них образована с помощью игрового приема и основана на довольно прозрачной и опять же игровой аналогии. Аналогия в языке вообще играет чрезвычайно важную роль. *Сетяне* устроены так же, как *земляне* или *марсиане*. Метафора понятна: интернет сравнивается с отдельной (от Земли) планетой, его пользователи — с ее обитателями. Звучит только чересчур пафосно. Примерно так же, как и *сетенавты*. Здесь, правда, метафора не планеты, но вселенной, а слово по аналогии с *космонавтами* и *астронавтами* называет мужественных путешественников в неведомое. *Сетевики*, наоборот, слишком жаргонно и подчеркнуто приземленно, да и закреплено, кажется, за конкретной специальностью. В *новых нетских* опять же слишком очевидна игра (новые русские), да и русско-английская гибридность помешала слову прижиться. Слово *сетеголовые* по своему устройству, пожалуй, самое сложное и отсылает к фантастической литературе: аналог — *яйцеголовые*. Наиболее нейтрально использование прилагательного *сетевой* в качестве существительного, но оно встречается достаточно редко.

Сегодня можно констатировать, что все эти слова уже забыты и вышли из употребления. Интернет-сообщество растворяется в человечестве или, точнее, наоборот, человечество (в том числе говорящее по-русски) плавно вливается в интернет, и никакого особого интернетного общества не будет, а все будут существовать то в простой реальности, то в виртуальной. А в этом случае специального слова не нужно. Так думал я еще несколько лет назад, однако не мог предположить неожиданного поворота, который произошел в сетевом жаргоне совсем недавно. *Сетеголовым* не удалось отделить себя от остального человечества, и тогда с помощью специальных слов они отделили это «сетевое» человечество и «несетевую» жизнь от себя, то есть сделали именно всемирную паутину исходной, а реальный мир вторичным. Собственно, его так и называют *реалом*: «Давай встретимся в реале!» Появились также глаголы, обозначающие переход именно из настоящего, то есть сетевого, в ненастоящий, то есть реальный, мир. Не пора ли нам *развиртуализоваться*, — говорит обитатель сети другому (варианты — *развиртуализироваться*, *девиртуализ(ир)оваться*). Что означает — познакомиться в том другом мире — мире № 2. Впрочем, есть пара слов, сохраняющих определенное равенство между этими мирами, — *оффлайн* и *онлайн*.

Так что еще не до конца ясно, кто в доме хозяин.

<...>

Во власти слов

Большинство людей даже не представляют, в каких сложных, а порой интимных отношениях они находятся со словами родного языка. Иногда любовь или нелюбовь к слову сугубо индивидуальны и чтобы объяснить их, придется залезать в подсознание или искать какую-то психологическую травму в детстве. Вот я написал слово *сугубо* и внутренне поежился. Чем-то оно не по душе мне, а чем — объяснить не могу. Может быть, тем, что звучанием напоминает *суккуба*, а может быть... Впрочем, не стоит заниматься публичным самоанализом, лучше честно признаться, что все мы находимся во власти слов.

Некоторые лингвистические симпатии и антипатии носят гораздо более общий и регулярный характер. Мной был проведен эксперимент по выявлению любимых и нелюбимых слов, результаты которого были частично опубликованы в журнале «Власть» в 2005 году. Журнал к тому же помог мне, опросив многих известных людей: политиков, бизнесменов, деятелей шоу-бизнеса и т. д. Многие слова... были использованы в этом эксперименте и, действительно, вызывали у людей сильную реакцию. <...>

Можно выделить группы или даже целые пласты слов, вызывающих у большинства людей разнообразные, иногда довольно сильные эмоции. Интересно, что то или иное отношение к такой группе слов оказывается важной характеристикой самого человека. Скажем, любовь или нелюбовь к крепкому словцу делит человечество на два противоборствующих класса и кое-что говорит нам о характере, темпераменте, воспитании и т. д. конкретного человека. Да и вообще, наше отношение к другим людям формируется не только «по одежке и уму», но и по тому, как они говорят, в частности, какие слова используют. Одно-единственное слово — например грубое или неграмотное (или, наоборот, «слишком умное») — может вызвать отторжение и заранее испортить общение.

Сегодня в русском языке таких «групп риска» довольно много. Связано это с тем, что за последние 10–15 лет наш лексикон изменился очень сильно. У одних людей эти изменения вызывают резкое неприятие и вообще оцениваются ими как порча языка. Для других же новые слова кажутся интересными игрушками, с помощью которых можно сделать свою речь более эмоциональной, более яркой, наконец, более модной. Часто отношение к «лексическим новинкам» определя-

ется возрастом, грамотностью, профессией или, шире, — социальным положением. У слов, как и у людей, есть свой характер, своя популярность, свой престиж. Современная же русская речь является смешением всего, что только существует в языке (в том числе и того, что ранее существовало на глубокой периферии).

Итак, что же за группы слов вызывают особое к себе отношение?

Прежде всего, это заимствования. Заимствований в русском языке всегда было много, но сейчас они хлынули таким потоком, что часто даже затрудняют понимание текста. Особое раздражение вызывают «избыточные» заимствования, то есть когда заимствование дублирует по смыслу уже существующее в русском языке слово (иногда при этом заимствованное ранее и из другого языка). Чаще всего это модные слова типа *комьюнити* (вместо *сообщество*), *интервью* (в новом значении вместо *собеседования*), *лофт* (вместо *чердака*) и т. д. Самым известным примером такого рода является, пожалуй, *консенсус*, по значению совпадающий с русским словом *согласие*. Его короткое воцарение в русском языке было связано как раз с помянутыми выше сложными отношениями, а именно — загадочной любовью к нему Михаила Сергеевича Горбачева. К месту и не к месту мы пытались «достигнуть консенсуса», кончилось же все тем, что слово практически исчезло из нашей речи. Напротив, некоторые заимствования остаются, и раздраженным носителям языка приходится с этим смириться. Так, трудно вообразить себе современный мир без *презентаций*, несмотря на существование почти полного синонима — слова *представление*.

Мода, как известно, вызывает одновременно и притяжение, и раздражение. Кто-то такие слова не любит, кто-то любит и употребляет к месту и не к месту, а кто-то не любит, но все равно употребляет, потому что модно!

Заимствование — лишь способ проникновения слова в язык, важно же рассмотреть разные тематические пласты лексики. Так, заимствованиями полны, например, современные жаргоны, среди которых главную роль играют сейчас молодежный (сленг), «бандитский», или криминальный, а также некоторые профессиональные (компьютерный, экономический, политический, спортивный и некоторые другие).

Особенно интересно отношение к криминальной лексике типа *наезд*, *беспредел*, *отморозок*, *крыша*, *стрелка*, *кинуть*, *мочить* и т. д. (здесь, кстати... почти нет заимствований). Многие люди, выражая недовольство распространением этих слов, на самом деле активно их используют.

Причины мной уже назывались. Во-первых, криминализация общества, так что некоторые ситуации адекватно описываются с помо-

щью именно этой лексики. Во-вторых, их эмоциональность и, выражаясь этим же языком, «крутость». Короче говоря, многие из этих слов проникли уже не только в обыденную речь, но и в речь официальных лиц и даже в официальные документы.

Безусловно, эмоциональным является и молодежный жаргон. Слова из сленга часто ничего кроме эмоциональной оценки и не выражают: *отстой, кул, прикольно, супер, классно, атомно* и т. п. Особое отторжение у людей постарше вызывает междометие *вау*, заимствованное из английского языка и выражающее неподдельный и внезапный восторг. Как же неподдельный восторг можно выражать только что заимствованным и потому неестественным словом? — недоумевают старшие товарищи. *Вау!* Сами удивляемся, — отвечает молодежь.

Очень близка к молодежному жаргону и гламурная лексика: *культурный, кастинг, эксклюзивный, стильный, элитный* и др. Само слово *гламур* вызывает противоречивые чувства, но похоже, что без него уже не обойтись. Речь идет об особой культуре, создаваемой глянцевыми, или гламурными, журналами, об особом идеальном мире, населенном «правильными» юношами и девушками, посещающими «правильные» места в «правильной» одежде, *рассекающими* на «правильных» авто и так до бесконечности. Провести четкую грань между молодежным и гламурным жаргоном невозможно, то же *вау*, очевидно, относится и к гламурному миру.

Гламурный язык во многом наследует традиции словаря людоедки Элочки и отчасти языка приказчиков (галантерейного языка), главным принципом которого было «сделать (точнее, сказать) красиво». А вот функционально гламурная лексика, по существу, заняла место советских идеологических слов и с той же степенью агрессивности внедряется в общественное сознание. У многих она вызывает раздражение как агрессивностью, так и искусственностью, но при поддержке соответствующей прессы остается модной.

На нашу сегодняшнюю речь оказывают влияние и различные профессиональные жаргоны — политический, экономический, компьютерный и другие. Особо надо отметить появление огромного количества новых профессий. Пожалуй, к *рекламщикам* и *пиарщикам* уже привыкли. К *риэлторам* и *криэйторам* тоже, хотя и пишут их по-разному. А вот *акаунт*-, *сейлз*- и прочие *менеджеры* беспокоят (и раздражают), слишком уж их много. Недаром же, правда только в качестве иронической игры, появился уродливый аналог — *менеджер*.

Кстати, игровая характеристика слова тоже вносит свой вклад в то, как — положительно или отрицательно — мы его воспринимаем.

Очень много игры в компьютерном жаргоне, который в действительности распадается на несколько разных явлений. Одно дело — названия технических приспособлений или просто новые понятия, например *интернет, сидюшник, драйвер, хомяк, юзер, мыло*. И совершенно другое — видоизменения нашего языка в интернет-коммуникации. В последнее время активно обсуждается «новая орфография» в Живом журнале (например, уже классическое *аффттар жжот, пеши исчо*), которая, конечно же, вызывает сильные эмоции с разными знаками.

Напротив, слишком серьезны жаргонизмы и термины (их не всегда удастся различить) из области политики и экономики: *брифинги и саммиты, дефолты и монетизации* и прочее. К ним примыкает и более общая научная и псевдонаучная лексика, например *харизма, контент, визуальный* и прочее. «Умные» слова так же, как и «смешные и глупые», могут вызывать активное неприятие, но по несколько иным причинам. Они часто затрудняют понимание текста, а иногда просто-напросто маскируют отсутствие смысла.

Эмоциональная реакция, о которой говорится, вызвана в первую очередь смешением нового и старого, языкового центра и периферии. Жаргоны и заимствования существовали всегда, и всегда пуристы возмущались новыми явлениями в языке, воспринимая это новое как порчу. Так, главными врагами были когда-то и заимствованное слово *бизнесмен* (ведь есть же русское *предприниматель*), и просторечное прощание *пока*, и многие другие. Но ведь, несмотря ни на что, эти слова остались в русском языке, и к ним постепенно привыкли.

Сейчас, правда, ситуация иная: новых слов слишком много и при этом они проникают повсюду, так что, действительно, размываются границы литературного языка. И это пугает и раздражает людей, к этому языку привыкших. Естественно, что отношение к изменениям в языке связано с возрастом. Молодые люди (моложе 25 лет) выросли в период этих изменений и воспринимают их как естественное развитие языка, то есть часто просто не замечают их (это показывают различные тесты и опросы). В частности, многие молодые люди плохо понимают языковую игру, построенную на смешении стилей, что было так характерно для андеграундной литературы советского периода. Люди постарше реагируют на изменения по-разному, в зависимости от собственного характера и темперамента. Консерваторы и пуристы, например, такой «порчей» активно возмущаются. Можно сказать, что к традиционному конфликту отцов и детей добавился еще и языковой разрыв.

Возможно ли национальное примирение на почве языка? Безусловно, да, поскольку эпоха больших изменений довольно скоро завершится и острота противостояния старого и нового, знакомого и незнакомого пройдет. Но отношение к словам все равно никогда не будет единым. Останутся такие вечные возбудители эмоций, как брань, канцелярит («чиновничий жаргон») или, например, слова-паразиты (без них, как я уже писал, не обходится ни один язык, потому что на самом деле никакие они не паразиты). И здесь надо сказать следующее. Эмоциональное отношение к словам, в том числе и негативное, свидетельствует только об одном — об интересе к языку. Лингвистическая же рефлексия в широком смысле — один из важнейших процессов, который связывает народ и язык и — по крайней мере, отчасти — определяет развитие последнего.

Печатается по книге: *Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва*. М., 2009 — с согласия автора.

Елена Русакова
(Калининград)

ЯЗЫКОВОЕ ТВОРЧЕСТВО ОБИТАТЕЛЕЙ ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЫ

Несколько десятилетий назад на бескрайних просторах Интернета сформировался необычный социум — *виртуальное сообщество, или киберсообщество*. У этого «кибернарода» есть и свое «кибернаречье» — одним из наименований *сетевой разновидности современного русского языка* стало новообразование *Руглиш* (*Русский + Инглиш*), возникшее по аналогии с английским словом *Weblish* (*Web + English*). Структура этого неологизма весьма любопытна: в его составе отсутствует исходный формант *Web*, однако он оказы-

вается имплицитно включенным в структуру лексического значения. В результате аналогия слова *Руглиш* с исходным гибридом *Weblish* работает благодаря тому, что элементы *English* прочно связаны в сознании современного носителя русского языка с сетевыми технологиями (*Web*). Интересно и созвучие существительного *Руглиш* с корнем *руг-* (*ругать, ругань*) — случайное или намеренное, оно придает ирониче-ский оттенок наименованию «сетевого наречья». Это специфическое наречье имеет синтетический характер: исконно русские и иноязыч-ные языковые единицы в нем находятся в состоянии тесного взаимо-действия и в то же время постоянного противоборства. Оппозиция «свое — чужое» находит выражение и в формальной, и в содержа-тельной стороне языковых знаков, отражающих в русском языке ре-алии виртуального мира.

Однако вряд ли стоит вести речь о каком-то «новом русском языке», очередном «новоязе» или «киберязыке», существующем, по мнению многих, внутри языка традиционного или параллельно с

ним. В данном случае речь, конечно, идет о профессиональном подъязыке компьютерщиков, часть которого, необходимая для работы с ПК и Интернетом, переходит в разговорную речевую практику. Этот лингвистический феномен имеет множество наименований: *компьютерный жаргон*, *компьютерно-сетевой сленг*, *компьютерный язык (подъязык)*, *язык (субъязык) программистов (компьютерщиков)*, *руглиш*, *киберязык*.

Виртуальное сообщество — явление пестрое и многоликое, члены его характеризуются разными наборами социальных признаков, среди которых можно обнаружить некоторые общие свойства: а) относительно высокий образовательный уровень в сочетании с хорошей обучаемостью; б) наличие творческого потенциала; в) стремление к свободе личности и независимости от социальных институтов. Сочетание этих качеств предопределяет основные черты речевого поведения сетевых людей (компьютерщиков) — склонность к языковому творчеству, вульгаризация речи, «ритуализация» общения.

Наибольший интерес с лингвистической точки зрения представляет склонность к языковому творчеству. Характерная для большинства компьютерщиков и, на первый взгляд, противопоставленная языковому «беспределу», она на самом деле является лишь его оборотной стороной. Речь компьютерщиков богата экзотическими новообразованиями не только в области лексики и фразеологии, но и на графическом, фонетическом, синтаксическом уровне. Эти новообразования обязательно включают элементы игры с языковыми нормами и отклонениями от них, однако, в отличие от простой замены, здесь происходит наложение смыслов и форм, позволяющее продуцировать новые языковые знаки.

Творческое отношение компьютерщиков к языку проявляется не только в обращении к разговорной речи и жаргонам, но и в бесконечных «компиляциях» на тему «свое — чужое». Это естественно, ведь родина информационных технологий и компьютерной техники — англоязычный мир, а жители современной Силиконовой Долины — космополиты по мировоззрению — уже давно работают и общаются на «американском английском». Российские программисты, а вслед за ними и пользователи оказались в ситуации языкового шока, который спровоцировал активную языковую деятельность, направленную на творческое освоение чужой лексики. Иноязычные элементы (как формальные, так и содержательные), попадая в стихию русского разговорного языка, претерпевают причудливые метаморфозы. Так, профессионально-разговорное наименование пользователя *юзер* (транслитерация английского *user*) в результате фонетических ассоциаций с русским словом *зверь* превращается в ироничный жаргонизм *юззверь*, сохраняя свое основное значение 'пользователь' и приобретая дополнительные оттенки: 'дикий, необученный' или 'напористый, одержимый'. Другая ассоциация — со словом *изверг* — провоцирует появле-

ние жаргонизма *юзберг*, основное значение которого (все тот же 'пользователь') сопровождается дополнительным смыслом 'измываться, издеваться' (в данном случае — над компьютером).

Осуществляются и трансформации другого рода: звуковая оболочка исконно русского слова используется для выражения нового, совершенно не связанного ранее с этой формой содержания. Так, существительное *банищик*, имеющее в русском языке значение 'работник бани, обслуживающий моющихся в бане', компьютерщики используют для наименования модератора форума, который может лишить участников права публиковать свои высказывания. Оно образовано от жаргонизма *бан* (от англ. *ban* — 'запрет, объявление вне закона, анафема'; *to ban* — 'запрещать, объявлять вне закона') при помощи суффикса *-щик-* со значением «лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом».

Приведенные примеры относятся к особой области речевой деятельности российских компьютерщиков — игровому словообразованию. Предрасположенность к игре в самом широком смысле, к моделированию действительности характерна для большинства компьютерщиков. В своем исследовании «Homo Ludens» Йохан Хёйзинга говорит о том, что «сама культура возникает в форме игры, культура первоначально разыгрывается» [3, с. 60]. Рассматривая основные признаки игры, он указывает на ее замкнутость и отграниченность от внешнего мира и сравнивает игровое пространство со священной землей. Продолжая его мысль, Ф. О. Смирнов отмечает, что «для современного человека игровое пространство выступает в иных формах: это уже не храм, а киноэкран, сцена и, наконец, мир компьютера. В любом случае, речь идет о некоем замкнутом, отгороженном от остального мира пространстве, где порядок задает игра» [2].

Игровая форма создает свое сакральное игровое пространство и свои правила. Именно поэтому программистов (как и примкнувших к ним любителей) часто рассматривают как «замкнутых людей, зацикленных на реалиях мира компьютеров» [Там же]. Используя профессионализмы и жаргонизмы, представляющие собой яркие примеры языковой игры, компьютерщики создают некую закрытую территорию, игровое пространство. Чтобы получить доступ к этому пространству, одной лишь профессиональной и языковой компетенции недостаточно. Необходимо сходное мировосприятие, так как часто ответ на вопрос загадки, лежащей в основе наименования, не может быть найден путем размышлений или логических рассуждений [3].

Именно общность мировосприятия обеспечивает для «сетевых людей» возможность адекватного понимания тех новых наименований, которые появляются в процессе языковой игры с иноязычными тер-

минами и сниженными речевыми единицами. В процессе игрового словообразования компьютерщики используют различные приемы.

1. Звуковое сходство совершенно различных по смыслу слов создает эффект *парономазии*. Слова и сочетания, образованные в результате парономазии, привлекают внимание своей необычностью, нестандартностью, экзотичностью, например: *мыло* — 'e-mail — электронная почта', *квакать* — 'играть в «Quake»', *голый дед* — 'редактор почты Gold EDIT', *девица без презента* — 'сообщение Device not present', *деск-нопа* — 'Desktop — рабочий стол', *пися спукер* — 'PS speaker — встроенный динамик компьютера'. Обыгрывается звуковое сходство с иноязычными (прежде всего английскими) словами: *плюнь и плачь* — 'Plug and Play', *смерть вам* — 'Smart One', *насильник гнусный* — 'программист, пишущий на языке Си и работающий с компилятором GNU'. Используются и случайные созвучия со словами русского языка: *программа гибкая* — 'программа, которая постоянно «загибается», то есть отказывается работать'. При помощи парономазии образовано множество названий программных продуктов, может быть потому, что именно эти названия чаще всего неудобны в употреблении и неясны в восприятии для русскоговорящих пользователей: *Король Дров* (Corel Draw), *Альдус Пижамкер* (Aldus PageMaker), *Дос Нафигатор* (Dos Navigator), *Командир Волков* (Volkov Commander), *Нортон — гад* (Norton guide).

2. Кроме того, компьютерщики используют прием перестановки слогов (*метатезу*): *даза банных* — 'база данных', *конченный юзер* — 'конечный пользователь', *Гил Бейтс* — 'Билл Гейтс'.

3. Используется и так называемая *антономасия* (употребление имени собственного в значении нарицательного): *Аникей Аникеевич* (от англ. *any key*) — 'шутливое наименование кнопки Reset'.

4. Использование различного рода *ассоциаций* в процессе словотворчества способствует возникновению весьма специфических жаргонных новообразований. К примеру, выражение *трупю це два креста* — 'язык программирования Turbo C++' появилось в результате использования целой группы приемов: звукового сходства (*турбо* — *трупю*), транскрипции (C — *це*) и графических ассоциаций (спецсимвол «+» ассоциируется с крестом).оборот *ежик точка ежик* — 'маска *.* — все файлы' представляет собой попытку вербализации специального символа «*» на основании зрительной ассоциации. В этом же ряду находится экзотический, хотя и устаревший жаргонизм *гога* и его вариант *егог*, образованный на основе ассоциации графического облика английского слова *error* 'ошибка' с русским именем *Гога*.

5. Среди компьютерных новообразований встречаются и такое словотворчество, при котором морфологическое словообразование соседствует с метафорическим преобразованием. Например, прилагатель-

ное *ШАРОВАРный* — ‘написанный по принципу shareware’ — образовано от существительного *шаровара* ‘программное обеспечение shareware’ при помощи частеречного суффикса относительного прилагательного *-н-* со значением «относящийся к тому, свойственный тому, что названо мотивирующим словом». Однако в образовании слова *шаровара* используется и метафорический перенос на основании фонетического сходства иноязычного наименования *shareware* с русским жаргонизмом *шара* — «нечто, достающееся бесплатно, халява» [1, с. 567]. При этом за известной звуковой оболочкой закрепляется совершенно новый, не связанный со значением мотивирующего слова смысл — ‘бесплатный доступ к программным продуктам’. Благодаря смысловому богатству мотивирующей основы существительное *шаровара* имеет в компьютерном жаргоне множество производных: глаголы *шарить (базу)* — ‘предоставлять (базу данных) для работы в режиме общего доступа — *shareware*’, *расшаривать* — ‘делать программный продукт доступным для совместной работы в режиме *shareware*’, существительные *расшарка* — ‘программный продукт (файл, база данных), преобразованный для совместной работы в режиме *shareware*’, *расшаривание* — ‘преобразование программного продукта (файла, базы данных) для совместной работы в режиме *shareware*’.

Еще более сложен механизм образования глагола *отСОПТИРовать* (иронич.) — ‘удалить всю информацию’. Приставочно-суффиксальное (с помощью приставки *от-* со значением «совершить, довести до результата действие, названное мотивирующим словом» и частеречного глагольного суффикса *-ова-*) словообразование здесь обогащается созвучием слов *сортировать* и *сортир* и метафорическим переосмыслением: «*отсортировать*» представляется как «выбросить в сортир».

Приведенные примеры иллюстрируют лишь одну из составляющих речевого поведения сетевых людей — их ярко выраженную склонность к языковому творчеству. Наряду с этим основными элементами «ритуального речевого поведения» в сообществе компьютерщиков следует считать вербальную раскрепощенность, с одной стороны, и функционирование правил сетикета, использование сетевых логотипов — с другой. Разговор об этом, надеемся, — впереди.

Список литературы

1. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
2. Смирнов Ф. О. Язык общения компьютерщиков: потребность в аффилиации или нечто большее? [Электронный ресурс]. URL: <http://mytests.ru/articles/335>
3. Хёйзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М., 1997.

ЗНАКИ ИСТОРИИ

Род Юсуповых известен в России с незапамятных времен. В 1563 году в Москву к Ивану Грозному пришли два сына влиятельного хана Ногайской Орды — Иль-мурза и Ибрагим-мурза. Потомки младшего брата Иль-мурзы и стали именоваться столетия спустя князьями Юсуповыми...

М. Яковлева

Во внутринемецком литературном споре после объединения страны литература как таковая уходит в тень. Дебаты среди представителей искусства в большей степени посвящены проблемам эстетики и морали, понимания роли писателя и его ответственности за свое творчество. Важным при этом остается вопрос о сведении счетов или примирении с прошлым...

М. Потемина

Насколько единой стала Германия? Почему все чаще стала повторяться фраза: «Если раньше было два государства, но одна нация, то теперь у нас одно государство, но две нации»? Можно сказать, что до подлинного единства германского общества пока еще далеко...

А. Золов

С годами уходят ветераны; не так остро, как ранее, воспринимается трагедия войны; тема Победы перестала быть идеологическим приоритетом. Вместе с тем в научной литературе и публицистике преобладает мнение о том, что благодаря Победе советского народа все человечество было спасено от угрозы фашистского порабощения...

В. Маслов

*Марина Яковлева
(Санкт-Петербург)*

«ИЗ НИХ БЫЛ СЛАВЕН НЕ ОДИН...»: князя Юсуповы

Среди блистательных дворцов Санкт-Петербурга всеобщее внимание неизменно привлекает строгий классицистический дворец на набережной реки Мойки, принадлежавший некогда князьям Юсуповым. Юсуповы — древний и богатейший княжеский род, о каждом поколении которого еще при жизни стали складывать легенды. Захватывающие изложения этих преданий встречаются и сегодня: в прессе, на телевидении, в экскурсиях, а теперь еще и в Интернете.

Род Юсуповых известен в России с незапамятных времен. В 1563 году в Москву к Ивану Грозному пришли два сына влиятельного хана Ногайской Орды — Иль-мурза и Ибрагим-мурза. Потомки младшего брата Иль-мурзы и стали именоваться столетия спустя князьями Юсуповыми. Внук Иль-мурзы — Абдул-мурза при царе Федоре Алексеевиче принял православное крещение, получил имя Дмитрий и титул русского князя.

Сын Дмитрия — Григорий Юсупов (1676—1730) — известен в российской истории как сподвижник императора Петра Великого, один из «птенцов гнезда Петрова», как называл этих людей А. С. Пушкин. Благодаря положению своего отца Григорий Дмитриевич рос при царском дворе. С детства он состоял в стольниках, и судьба его во многом была предопределена тем, что он постоянно находился рядом с царевичем Петром Алексеевичем. Детские игры переросли во взрослую дружбу и преданность. Юсупов неизменно поддерживал Петра во всех его начинаниях. Он был участником Русско-турецкой войны 1686—1700 годов и Азовских походов 1695—1696 годов, в результате которых был взят Азов. Во время войны со шведами он получил тяже-

лое ранение, но военной службы не оставил. Юсупов выполнял и личные поручения Петра I. По просьбе царя он заведовал заготовками провианта для войска, наблюдал за постройкой судов и плотов, участвовал в розыскных комиссиях по расследованию злоупотреблений. В 1717 году князь был назначен расследовать злоупотребления князя Кольцова-Масальского, за что получил часть имений осужденного. Его подпись в числе прочих скрепляла в 1718 году приговор царевичу Алексею Петровичу. В 1719 году Григорий Дмитриевич возглавил Канцелярию военных дел. Именно при нем было положено начало огромным земельным владениям Юсуповых. В 1720 году Григорию Дмитриевичу были пожалованы конфискованные земли и имения в Рязанской, Калужской и Нижегородской губерниях. О близости Юсупова к императору говорит и тот факт, что при погребении Петра Великого Григорий Дмитриевич следовал за его гробом вместе с двумя другими самыми близкими императору людьми — А. Д. Меншиковым и Ф. М. Апраксиным.

Не удивительно, что и Екатерина I благоволила Юсупову. В день учреждения ордена Святого Александра Невского князь Юсупов стал одним из первых его кавалеров. После смерти Екатерины I Григорий Дмитриевич пользовался расположением Петра II, так как поддержал заговор против всесильного князя А. Д. Меншикова. За это он получил обширные владения Меншикова, был возведен в полковники Преображенского полка, а впоследствии стал первым членом Государственной военной коллегии.

В 1729 году указом императора Петра II Григорий Дмитриевич получил в Москве «у Харитония» великолепный дом — палаты боярина Алексея Волкова. Боярин Волков был ближайшим помощником светлейшего князя А. Д. Меншикова. После поражения Меншикова в борьбе за власть подвергся опале и его сподвижник. По приказу Петра II имущество у боярина отобрали, «понеже Алексей Волков был при князе Меншикове, явился во всех его, князя Меншикова, непорядочных и худых поступках согласник... деревни и московский двор от него отнять». Юсуповы владели домом до 1917 года. «Волковы палаты» считались их главной резиденцией в Москве. Именно в это время древний дом стал называться «Юсуповским» (современный адрес — Б. Харитоньевский переулок, дом 21). В память о близости к императорской фамилии во дворце был обустроен Тронный зал (Столовая палата) с портретами императоров Петра I и Петра II.

Женился Григорий Дмитриевич на вдове стольника И. С. Львова Анне Никитичне, урожденной Акинфовой (ум. в 1735 году). Было у них пятеро детей.

Воцарение Анны Иоанновны, имевшей немного прав на российский престол, было результатом политики группы высшей аристократии. По замыслу знати, племянница Петра Великого должна была стать императрицей на «кондициях», ограничивавших ее власть и передававших все полномочия Верховному тайному совету. По одной из версий, Григорий Дмитриевич, будучи убежденным сторонником монархии, принял участие в оппозиции аристократов, которые выступили против членов Верховного тайного совета. Он был в числе тех, кто передал императрице челобитную с просьбой уничтожить подписанные ею самой «кондиции». Эта челобитная дала возможность Анне Иоанновне нарушить данные ею ранее обязательства. Преданность Юсупова была отмечена императрицей. В день коронации Григорий Дмитриевич был пожалован в генерал-аншефы.

Умер Григорий Дмитриевич в 1730 году. В том же году была сослана в Тихвинский монастырь его дочь Прасковья. Ее ссылка до сих пор остается одной из самых загадочных страниц российской истории. Почему же вскоре после смерти Юсупова так жестоко была наказана его дочь?

Следующие поколения Юсуповых словно старались скрыть причину жестокой опалы княжны. А может быть, они и сами так и не смогли ее разгадать? Так или иначе, но вот почти все, что известно о трагической судьбе Прасковьи Григорьевны.

В 1730 году императрица Анна Иоанновна приказала начальнику тайной канцелярии А. И. Ушакову доставить княжну в царский дворец. Здесь ей был учинен допрос. «Судьба Юсуповой, — писал Д. Мордовцев в своей книге «Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории», — представляется тайною, до сих пор не разгаданною: одно ясно, что она была жертвою личного на нее недовольствия императрицы Анны Иоанновны; но какая была вина княжны перед императрицею — это осталось известно только ей, государыне, да знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову. <...> Она, быть может, невольно была сопричастна какой-то тайне двора, ее погубившей, хотя никому ею до могилы не выданной» [7, с. 331].

После допроса прямо из дворца Юсупову доставили в Тихвинский женский монастырь. Девушку тщательно охраняли и никого к ней не допускали. Однако в 1735 году императрице донесли, что княжна ведет себя «неподобающим образом», и Прасковью Григорьевну вновь привезли в Петербург. Здесь, в Тайной канцелярии, ее опять подвергли допросам и наказанию: в мае 1735 года непокорная княжна была пострижена в монахини под именем инокини Проклы и отправлена во Введенский монастырь. Введенский женский монастырь, упразд-

ненный при Екатерине II, был основан в 1680 году при Далматовском мужском монастыре и находился в Шадринском уезде Пермской губернии, над рекой Исеть. Он служил местом ссылки для распространителей раскола, а при Бироне туда ссылались и другие лица, удаление которых признавалось необходимым. В это место и была отправлена княжна Прасковья Юсупова. Когда при Елизавете Петровне все сосланные в сибирские монастыри были возвращены, Проклу велено было все-таки оставить в Сибири. Дальше следы бывшей княжны Юсуповой теряются. Вероятно, в Сибири она и скончалась.

В чем же была вина несчастной Прасковьи Григорьевны? Вот что пишет об этом Д. Мордовцев: «В Москве, когда исчезла молодая Юсупова, говорили, что она сослана за приверженность к великой княжне Елизавете Петровне и за интригу, совместно с отцом, в пользу возведения цесаревны на престол. Передавали, что княжна была жертвою семейной интриги, что ее брат, камергер Борис Юсупов, ненавидел ее по разным причинам и, чтоб воспользоваться всем отцовским именем, искусно подготовил ссылку сестры» [7, с. 332].

«Дочь его Прасковья, — писал В. Ключевский, — бросилась к волшебству, чтоб чарами склонить к себе императрицу на милость. Дело открылось, и княжну Юсупову в 1730 г. сослали в женский Тихвинский монастырь. В 1735 г. ее взяли в Тайную канцелярию по доносу служанки и стряпчего: донесли, что она жаловалась на Анну, говорила, что было бы лучше, если б царствовала Елисавета, бранила Бирона, рассказывала, что при Петре Великом Анну и сестер ее царевнами не называли, а просто Ивановнами. За это Юсупову высекли кошками, постригли, назвали Проклою и отправили в Сибирь, в Введенский девичий монастырь (при Успенском Далматове монастыре). Там она оказалась *безчинна*, монастырское платье сбросила, Проклою не называлась; за это в 1738 г. ее высекли шелепами» [12, с. 869].

Загадочная и трагическая судьба Проклы привлекла внимание и писателя Валентина Пикуля, когда он работал над романом «Слово и дело». Правда, произведение Пикуля — не историческое исследование, а лишь плод его фантазии, и версии он выдвигает довольно занимательные, но не подтвержденные документально. Так, например, писатель предполагает, что Григорий Дмитриевич Юсупов покончил с собой, не дожидаясь репрессий Бирона (причем очень жестоким и странным образом: ударившись головой о печь в собственном доме на глазах у дочери Прасковьи). Перед смертью он передал дочери фамильный перстень, доставшийся ему от хана Едигея. С помощью этого перстня Прасковья Григорьевна якобы пыталась известить императрицу, колдую перед домом Бирона. За это и подверглась опале.

В 1886 году художник Николай Неврев, передвижник, писавший картины на сюжеты из отечественной истории, посвятил опальной Прокле свою работу «Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова перед пострижением» (ныне — в Государственной Третьяковской галерее).

Так в какой же большой интриге, стоившей жизни его дочери, принимал участие Григорий Дмитриевич? Загадка...

Сейчас невозможно судить об истинных причинах опалы Прасковьи Григорьевны, но гонения на нее начались, по странному стечению обстоятельств, всего через несколько недель после смерти отца. Влиятельным человеком Григорий Дмитриевич оставался до самой своей кончины. И дочь была защищена от бед его именем.

Похоронили Григория Дмитриевича Юсупова в Москве в Богоявленском монастыре. На памятнике была сделана надпись о том, что он происходил «от златого корня иногда корене Ногайских князей, многих разные порфиры носивших», и указаны не только годы жизни, но и часы и минуты: «пожил 55 лет 9 месяцев 19 дней 1 час 55 минут» [11].

Жестокая судьба сестры и в самом деле не повлияла на карьеру старшего сына Григория Дмитриевича — Бориса. Он занимал высокие государственные посты и при Анне Иоанновне, и при Елизавете Петровне. Был ли он причастен к опале сестры — неизвестно. Возможно, что та же злая молва, что оклеветала Прасковью Григорьевну, пыталась навредить и ее брату.

Просветительская деятельность Петра I оказала влияние и на судьбу Бориса Григорьевича. В 1717 году для получения образования вместе с двадцатью другими юношами из дворянских семей он был от-

Н. В. Неврев.
Княжна П. Г. Юсупова
перед пострижением

П. Э. Рокштуль
С портрета
князя Б. Г. Юсупова. Гравюра

правлен царем во Францию. Борис Юсупов обучался в Тулонском училище гардемарин, однако военным не стал. В 1730 году (год смерти отца и ссылки сестры!) Борис Григорьевич был пожалован в камергеры. В царствование же императрицы Анны Иоанновны Борис Григорьевич стал московским губернатором. Любопытно, что он продолжал занимать высокие посты и при Елизавете Петровне. В 1744 году он перебрался в Петербург, где был пожалован званием действительного тайного советника. Юсупов был директором Ладожского канала и президентом Коммерц-коллегии. С 1750 по 1759 год Борис Григорьевич был директором первого в России Сухопутного шляхетского кадетского корпуса — привилегированного учебного заведения для дворянских детей, готовившего их к военной и гражданской службе. Здесь под руководством Юсупова был создан собственный театр. Говорят, что веселая императрица Елизавета Петровна, посмотрев спектакль именно в шляхетском корпусе, решила издать закон об организации театра в России.

За безупречную службу императрица Елизавета Петровна пожаловала Борису Григорьевичу в вечное и потомственное владение казенную суконную фабрику в селе Ряшки. С этой суконной фабрики и начинаются Юсуповы-промышленники.

Я. Хоубракен
С портрета герцогини
Курляндской. Гравюра

Женился Борис Григорьевич поздно, в 38 лет, но невесту присмотрел совсем юную — 16-летнюю Ирину Михайловну Зиновьеву (1718—1788), дочь капитана бомбардирской роты. Ирина Михайловна оказалась практичной хозяйкой и заботливой матерью. У них было пятеро детей: четыре дочери и сын Николай. В 40-летнем возрасте Ирина Михайловна осталась вдовой.

Заботливая мать, она постаралась повыгоднее выдать замуж своих дочерей. И действительно, на первый взгляд, ей это удалось. Особенно хорошо, казалось, была устроена жизнь младшей дочери, Евдокии: она стала герцогиней Курляндской и Семигальской (такой официальный титул носил ее муж). Княжна Евдокия была хороша собой, образованна, мила и приветлива. Ее жаловала сама императрица Ека-

терина II. Императрица и способствовала устройству брака молодой княжны. Известно, что императоры любили устраивать чужие свадьбы: себе — на благо, молодоженам — чаще на горе. Так случилось и с княжной Юсуповой. Екатерина этим браком собиралась разрешить свои политические проблемы. Она хотела присоединения к России Курляндии, но у строптивого герцога Курляндского, сына фаворита Анны Иоанновны, были, вероятно, другие планы. Вот и решила императрица, что кроткий нрав и красота Евдокии Борисовны сделают герцога более сговорчивым. Однако случилось все не так, как планировала Екатерина. Супруги не любили друг друга, а герцог, обладая к тому же необузданным нравом, жестоко обращался с молодой женой (княжна Юсупова стала его второй женой из трех). Слухи о семейной жизни молодой герцогини дошли до Петербурга. И тогда Екатерина II, вероятно чувствуя свою вину перед Евдокией Борисовной, под предлогом присутствия на бракосочетании великого князя Павла Петровича приглашает герцогиню Курляндскую в столицу. Приехав в Петербург, Евдокия Борисовна к мужу уже не вернулась. В 1778 году герцог Петр Бирон, поняв намерения жены, пытался воздействовать на нее, оформив развод. Евдокия Борисовна опротестовала этот развод, сделав заявление, что все происходит «помимо ее желания и согласия». Биография этой несчастной женщины до конца еще не исследована (так и напрашивается параллель с ее теткой Прасковьей Григорьевной Юсуповой).

По данным «Петербургского некрополя», Евдокия Борисовна скончалась 8 июля 1780 года и была похоронена в ризнице Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Однако предводитель дворянства Московской губернии Михаил Измайлов в «Списке... Благородного дворянства» в июне 1787 года называет ее живущей «во оном сельце», т. е. в усадьбе Ботки (или Ботково) Клинского уезда. Эта небольшая усадьба (на 1785 год в ней значилось всего 15 дворовых крестьян мужского и 13 душ женского пола) находилась в приходе храма Живоначальной Троицы села Троицкое-Александрово и принадлежала брату Евдокии Борисовны — Николаю Борисовичу. Вот где, оказывается, спрятал свою сестру от жестокого герцога князь Юсупов. Сам он в это время находился на дипломатической службе в Сардинском королевстве.

Впрочем, как было сказано выше, биография Евдокии Борисовны требует дополнительного изучения. Не доверять «Петербургскому некрополю» у нас нет оснований, а то, что Евдокия Борисовна умерла в 1780 году, указывается и в других источниках. Например, в книге пе-

тербургских исследователей Ю. М. Пирютко и А. В. Кобака написано следующее: «В ризнице находятся семейные памятники Юсуповых, в частности там погребена герцогиня Курляндская Евдокия (рожд. Юсупова), жена П. Бирона (ум. 1780). Пристенный памятник» [9, с. 170, 176].

Можно добавить, что вмешательство императоров в устройство личной жизни членов семьи Юсуповых и их ближайших родственников на этом не закончилось. Через много лет император Павел I выступил в роли свата князя Сергея Михайловича Голицына, которому приглянулась племянница Евдокии Борисовны, дочь ее родной сестры Александры и сенатора Измайлова, названная в честь тетки. Отказать императору не посмели. Евдокия Ивановна Измайлова стала княгиней Голицыной, навсегда возненавидев весь Императорский дом. Эта незаурядная женщина — та самая «княгиня ночи», прозванная так за образ жизни, воспетая Пушкиным, прекрасная в своем гордом одиночестве.

Единственный сын Бориса Григорьевича и Ирины Михайловны Юсуповых — Николай — стал впоследствии одной из самых ярких личностей российской истории. Сохранился удивительно трогательный портрет Николая Борисовича в детском возрасте. На нас смотрит малыш лет пяти, одетый по-взрослому; рука его лежит на эфесе маленькой шпаги. Родители обожали и баловали сына. Но отец умер, когда Николаю было всего 9 лет. С этого возраста он остался единственным мужчиной в семье, помощником матери и опорой своим сестрам. Он действительно стал их заступником, несмотря на то, что был младшим в семье. Не случайно, отправляясь на учебу в Лейденский университет, первую остановку он делает в Митаве: там живет несчастная сестра Евдокия, и Николай должен сам удостовериться, справедливы ли слухи о ее семейной жизни. Узнав правду, он делает все возможное, чтобы вернуть сестру в Петербург.

Первоначальное образование Николай Борисович, вероятно, получил дома, как все мальчики его круга. С 1772 по 1774 год он служил в Коллегии иностранных дел, куда впоследствии определил и своего сына Бориса. А вот учебу по тем временам он начал довольно поздно — в 24 года. Выбор Лейденского университета не был случайным: там проходили обучение многие русские аристократы.

Именно за границей Николай Борисович пристрастился к коллекционированию. Русские аристократы в подражание своей императрице, создавшей Эрмитаж, сделали из коллекционирования предметов искусства своеобразную политику. Художественная коллекция князя

Юсупова была одной из лучших. Ценил его вкус и доверял его мнению, Екатерина II назначила его в 1791 году директором Эрмитажа. На этой должности он оставался и при Павле I до 1799 года.

О художественном собрании Николая Борисовича, о его тонком, безупречном вкусе, дружбе с монархами, художниками и поэтами написано очень много. Он был и в самом деле «звездой первой величины» (хотя слова эти сказаны не о нем, а о его невестке), природным вельможей, истинно светским человеком, еще с молодости привыкшим к придворной жизни. Князь Николай Борисович Юсупов был тем, кого мы называем «екатерининским вельможей». Этот человек словно вместил в себя целое понятие. Произносишь имя Николая Борисовича, и предстает перед нами XVIII век со всеми его достоинствами и недостатками.

Молодой XIX век вместе с молодым русским императором Александром I поначалу словно отторгал от себя блестящих вельмож Екатерины II.

В 1814 году швейцарский дипломат Фердинанд Кристин был удивлен, что в мирном договоре, подписанном в Париже, Россия не упоминается, словно это какое-то маленькое княжество. Вот что писал Кристин фрейлине В. И. Туркестановой по этому поводу: «То есть ни ее имя, ни имя ее Государя не встречаются ни разу, и она просто подразумевается под именем союзницы Венского двора. Или я не понимаю дела, или советники Его Императорского Величества сделали совершенную оплошность» [10, с. 434]. Старый дипломат был уверен, что у молодых советников царя просто не хватило опыта. Далее он писал: «Что говорит об этом князь Юсупов? <...> Почему он не служит? Это зрелая голова, он любит свое Отечество и был бы ему полезен. Но теперешняя система выдвигает вперед молодежь; вот почему делается столько безрассудств, а князь Юсупов очень может показаться слишком важным в глазах наших молодых людей. Один франт недавно говорил, что человека после сорока лет следует помещать в сарай. Это, действительно, возраст, когда в других странах люди избираются для важных дел» (письмо от 22 июня 1814 года) [Там же].

Николай Борисович обожал Екатерину II, а она вмешалась в его личную жизнь, найдя ему невесту, с которой у него не было ничего общего.

Татьяна Васильевна Энгельгардт (1769–1841) была младшей из пяти красавиц — племянниц всесильного фаворита Екатерины II светлейшего князя Г. А. Потемкина. Не имея собственной семьи, Потемкин всячески заботился о своих многочисленных родственниках.

Особое внимание, как известно, он уделял своим племянницам — дочерям рано умершей сестры Марфы (Елены) Александровны. Василий Андреевич Энгельгардт после смерти жены написал влиятельному Потемкину письмо, в котором просил взять на себя заботу об осиротевших детях. Сам он из-за нехватки средств не мог дать им приличное воспитание. Сначала из скромного смоленского имения были привезены в Москву старшие девушки — Александра, Варвара, Екатерина и Надежда. Александре было в то время уже 20 лет. Вскоре она переехала в Петербург и стала фрейлиной и ближайшей подругой императрицы. Императрица подыскала и мужа своей наперснице (опять же руководствуясь политическими соображениями!) — польского магната, графа Франца Ксаверия Браницкого. Постоянно живя теперь в Белой Церкви, ставшей резиденцией Браницких, Александра Васильевна продолжала часто бывать в Петербурге. Останавливалась она во время своих приездов в Зимнем дворце. Когда же навязчивая дружба статс-дамы стала утомлять императрицу, она подарила бывшей подруге особняк на Мойке, купленный у Шуваловых. Понятно, что Александра Васильевна не любила этот дом: приобретя его, она потеряла дружбу Екатерины. В 1830 году Браницкая продала дом племяннику, выручив за него 250 тысяч рублей ассигнациями (сумма по тем временам немалая). С 1830 года и начинается история Юсуповского дворца, любимого княжеского дома. Сюда, на Мойку, вместе с сыном, невесткой и внуком переезжает и Татьяна Васильевна.

Когда Татьяна Энгельгардт впервые попала в Петербург, ей было всего 8 лет. Раннее детство, таким образом, совпало с расцветом карьеры знаменитого дяди. Милая, обаятельная девочка вызывала всеобщую любовь. Она стала предметом внимания многих не только как племянница вельможи, но и как очень интересная и живая собеседница. К этому времени относится знакомство Татьяны с герцогиней Кингстон, полюбившей ее как родную дочь и желавшей сделать наследницей всего своего громадного состояния. Фрейлинский шифр, который жаловали барышням с 15-летнего возраста, она получила, когда ей было всего 12 лет. Замуж Татьяну отдали в 1785 году за троюродного дядю Михаила Сергеевича Потемкина, который был старше ее на 23 года. Это был явно брак не по любви. И Татьяна, и Михаил исполняли волю всесильного родственника. Но в этом браке у каждого были еще и свои собственные выгоды. Татьяне не терпелось стать самостоятельной женщиной, а Михаилу женитьба на племяннице фаворита Екатерины II сулила продвижение по службе, получение наград и чинов. И действительно, женившись на Татьяне Васильевне, По-

темкин из мелкого помещика Смоленской губернии вскоре превратился в богатейшего вельможу, у которого были собственные дома в Петербурге, Москве, Царском Селе. Он «сделал блестящую карьеру при самом скудном образовании, граничащим с невежеством, так как он с большим трудом мог излагать свои мысли на бумаге и писал поразительно неграмотно» [4, с. 673].

Несмотря на это, брак оказался счастливым. Михаил Сергеевич был честным и надежным человеком, преданным и заботливым мужем. Татьяна Васильевна словно была создана для семейной жизни и с головой окунулась в нее. Несмотря на близость ко двору, она так и осталась провинциальной барышней, волею судеб (и дяди!) выхваченной из привычной среды и вознесенной к самой верхушке придворной элиты. Она оказалась хорошей хозяйкой, радательной, по-крестьянски прижимистой, не склонной к светской жизни и развлечениям. Впоследствии Татьяна Васильевна стала и добродетельной матерью, самостоятельно воспитывающей своих детей, чем вызвала удивление даже у Г. Р. Державина.

Смерть в 1791 году всесильного дядюшки, вероятно, очень сильно подействовала на супругов. Михаил Сергеевич, будучи одним из самых видных членов партии сторонников Г. А. Потемкина, прекрасно понимал, что все враги фаворита были и его врагами.

Счастливый брак, отвечавший всем требованиям Татьяны Васильевны, оказался недолгим. В том же 1791 году Михаил Сергеевич погиб при весьма странных обстоятельствах. А. В. Храповицкий так и записал в своем дневнике: «Получено известие о странной смерти Михайло Сергеевича Потемкина, случившейся с 13 на 14 декабря» [3, с. 351]. Обстоятельства его смерти остались невыясненными. Ходили слухи, что карета, в которой Михаил Сергеевич переправлялся через реку, перевернулась, и он утонул. По другой версии, посланный в Яссы по служебным делам, он имел еще и личное поручение от Екатерины II привезти ей ее письма к Григорию Александровичу. Но ему не удалось этого сделать, так как, не доезжая несколько верст до Киева, он внезапно почувствовал себя плохо и скоропостижно скончался прямо в дорожной карете.

Татьяне Васильевне было тогда 24 года; она осталась с двумя детьми на руках — сыном Александром и дочерью Екатериной. Крепкой матерью дочери была сама императрица, в честь которой девочку и назвали. Смерть дяди и мужа были тяжелым ударом для Татьяны Васильевны. Она удалилась от двора и проводила время в уединении.

Через два года императрица нашла для нее нового мужа (и, конечно, у нее были свои соображения насчет этого брака!). Трудно было отыскать более несхожих людей для брака, чем Татьяна Васильевна Потемкина и Николай Борисович Юсупов. В этом — трагедия их семьи. В этом — одна из причин их разрыва. Конечно, императрица не желала зла племяннице бывшего фаворита и одному из самых своих блестящих подданных. Но ее вмешательство в личную жизнь никому не приносило счастья. В 1793 году состоялась свадьба Татьяны Потемкиной с одним из самых завидных женихов России. В качестве свадебного подарка императрица преподнесла Татьяне Васильевне дом на Английской набережной в Петербурге. Поселились же молодые супруги в особняке Николая Борисовича на Фонтанке. Здесь родились у них сыновья — Борис и Николай. Но младший сын Николай прожил совсем недолго и скончался еще в младенчестве.

Супруги были красивой парой. Он — воплощение изысканного вкуса и европейской образованности; она — милая, женственная, привлекательная. Казалось, все было в этом браке для счастья: богатство, знатность, благосклонность Императорского дома, возможность исполнения любого желания. Но не сложилось...

Князь Юсупов, безусловно, умел нравиться женщинам и знал, как добиться успеха. Почему же не постарался удержать жену? Почему не пустил в ход все свое обаяние, чтобы создать хотя бы видимость приличия, как это делали во многих семьях? Почему и сама Татьяна Васильевна, такая благодетельная мать, пошла на открытый разрыв? На эти вопросы сегодня у нас нет ответа.

Чаще всего в происшедшей семейной драме обвиняли Николая Борисовича. Ему ставили в упрек его излишнюю увлеченность женщинами. Измены ли мужа или что-то другое не могла простить Татьяна Васильевна, нам неизвестно. Только большинство воспоминаний о приключениях Николая Борисовича относятся к тому периоду жизни, когда они с женой уже жили отдельно.

Так, в Архангельском у князя были внебрачные дети от талантливой крепостной актрисы Екатерины Колосовой. Она родила ему двух сыновей — Сергея и Петра. Художник Николя де Куртейль в 1819 году изобразил их на картине «Портрет братьев Колосовых». Князь придумал им фамилию Гирейские — вероятно, в память о крымских ханах. Колосова прожила всего 20 лет, умерла в 1816 году и была похоронена в семейной усыпальнице Юсуповых в имении Спасское-Котово (там же впоследствии найдет свой вечный покой и сам Николай Борисо-

вич). Судя по тому месту, где была похоронена крепостная актриса, можно сделать вывод, что Николай Борисович был к ней очень привязан. Так же серьезно он относился и к своим детям от Колосовой. Младший сын Петр умер в семилетнем возрасте. В марте 1820 года А. Я. Булгаков написал своему брату: «Я сейчас только с обеда от Юсупова. <...>. Юсупов был нахмурен: у него умирает сынок, и теперь был консилиум у него» [9, с. 343]. Старший сын Сергей Николаевич большую часть жизни провел за границей. В 1831 году А. Я. Булгаков писал брату в Петербург: «У старика два побочных сына; один уже большой, был в службе и негодяй, говорят; другой маленький, от Колосовой танцовщицы, воспитывается в пансионе Кистера» [Там же].

«Так как Юсупов был восточного происхождения, — вспоминала другая современница Николая Борисовича Е. П. Янькова, — то и немудрено, что был он великий женолюбец» [2, с. 167]. Но Янькова Николая Борисовича не осуждала, а скорее жалела: «Если б он не был чересчур женолюб, то можно было бы сказать, что он был истинно во всех отношениях примерный и добродетельный человек, но эта слабость ему много вредила во всеобщем мнении» [Там же, с. 171]. И. А. Арсеньев, родственник М. Ю. Лермонтова по материнской линии, вспоминал: «Вообще, князь Николай Борисович Юсупов был самый страстный, самый постоянный любитель женской красоты, в разнообразнейших ее воплощениях и типах» [1, с. 77].

Но были и более резкие высказывания. Известно, что князь Юсупов слыл большим знатоком театрального искусства. Императрица Екатерина II даже назначила его директором императорских театров. Этот пост Николай Борисович занимал и при Павле I. В московском доме и в подмосковном имении Архангельском у князя были собственные театральные труппы, которым он уделял много внимания. Именно эти труппы, или «театральные капеллы», как их называли, и давали поводы для сплетен. В своих обширных мемуарах И. А. Арсеньев называет театральную капеллу Николая Борисовича «сералем». Самого мемуариста князь Юсупов никогда в свой театр не приглашал, так что его описание нравов в этой капелле не более чем пересказывание чужих сплетен. Но часто именно такие слова и формируют общественное мнение. И. А. Арсеньев пишет, что во время исполнения артистками капеллы танцев Николай Борисович подавал вдруг знак, и девушки раздевались, «что приводило в восторг стариков — любителей всего изящного» [Там же].

В 1927 году в Москве вышла книга Н. П. Кашина о театре князя Юсупова, в которой автор создал образ весьма ограниченного поме-

щика-крепостника. Правда, не такого жестокого самодура, каким предстает перед нами сын Николая Борисовича Борис в изображении В. Н. Кашина [5]. Обе публикации вышли почти одновременно. «Другие свидетельства современников, — пишет Н. П. Кашин, — не подтверждают рассказа Арсеньева. Так, А. Я. Булгаков, в общем-то относящийся к Николаю Борисовичу пристрастно, не упоминает о чем-либо подобном. <...> Николай Борисович, судя по всему, что делалось для девушек его крепостного балета, вовсе не производил впечатление сластолюбца-крепостника» [6, с. 17–18]. Тот же И. А. Арсеньев упоминает, что князь «до самой своей кончины содержал знаменитую танцовщицу Воронину-Иванову, которую в бенефис ее награждал редкими бриллиантами» [1, с. 77].

Как бы там ни было, но И. А. Арсеньев рассказывает о князе и его гостях, когда те были уже в весьма преклонном возрасте. «Я помню его, когда ему было уже лет под восемьдесят» [Там же, с. 75]. Об изменах Николая Борисовича жене, ставших достоянием света, а потому исключających возможность примирения, сведений не сохранилось. «Впрочем, за это нельзя его судить слишком строго, — говорила Е. П. Янькова своему внуку, — потому что он родился и был молод в такое время, когда почти и сплошь да рядом все вельможи так живали» [2, с. 171].

«Супруги не очень ладили, — вспоминала та же Янькова, — и, хотя не были в ссоре, но разъехались и вместе не жили» [Там же, с. 168]. После разрыва дом на Фонтанке пришлось продать. Татьяна Васильевна с детьми переехала в подаренный Екатериной II особняк на Английской набережной, а Николай Борисович осенью 1810 года уехал в Москву, которая стала теперь местом его постоянного проживания. Пятнадцатого ноября 1810 года А. Я. Булгаков писал своему брату: «Я познакомился с Юсуповым, который спрашивал о тебе; он здесь поселился. Переселения из Петербурга становятся все чаще и чаще, дороговизна там страшная» [8, с. 189]. В том же 1810 году Николай Борисович купил под Москвой у князей Голицыных усадьбу Архангельское. В Петербурге он бывал теперь довольно редко.

Продолжение следует.

Список литературы

1. Арсеньев И. А. Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. 1887. Т. 27. № 1, 2.
2. Благово Д. Д. Рассказы бабушки. Л., 1989.

3. *Дневник* А. В. Храповицкого. С 18 января 1782 года по 17 сентября 1793 года. М., 1901.
4. *Исторические кладбища Петербурга* / сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб., 1993.
5. *Кашин В. Н.* Консервативный сверстник декабристов // *Былое*. 1926. № 1 (35).
6. *Кашин Н. П.* Театр Н. Б. Юсупова. М., 1927.
7. *Мордовцев Д. Л.* Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории. СПб., 1874.
8. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // *Русский архив*. 1899. Кн. 3. № 10.
9. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // *Русский архив*. 1900. Кн. 3. № 9—12.
10. *Переписка Ф. Кристина и княжны В. И. Туркестановой* // *Русский архив*. 1882. Кн. 1.
11. РГАДА. Фонд 1290. Юсуповы. Оп. 2. Д. 265.
12. *Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. М., 2002. Кн. 10: 1725—1740.

Марина Потемина
(Калининград)

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

В прошлом году исполнилось ровно двадцать лет со дня падения Берлинской стены. Немного, на первый взгляд, но вполне достаточно, чтобы подвести промежуточные итоги, круглая дата все-таки. Для СМИ — это замечательный информационный повод для повышения рейтинга, например за счет «(н)остальных» шоу; для писателей — возможность выразить свою гражданскую позицию в виде нескольких эссе или очередного «романа объединения»; для простых зрителей и читателей — повод

вспомнить «былое» и, может быть, провести ревизию собственной жизни «до» и «после», жизни по эту или ту сторону Берлинской стены.

Запущенный два десятилетия назад механизм воссоединения сначала был принят немецким населением в целом одинаково восторженно, независимо от места проживания. Тогда казалось, что ничто и никто больше не сможет разделить и разлучить ощутивший перспективу единения народ. Но эйфория продолжалась недолго. Первые признаки некоторых противоречий, порой непреодолимых, можно было наблюдать в литературном сообществе. Тон задавали прежде всего писатели, критики, а также общественные и политические деятели, которые незамедлительно отреагировали на все сопутствующие объединению события достаточно эмоционально.

Немецко-немецкие споры

Как и следовало ожидать, первыми свое отношение к переменам высказали мэтры, представители старшего поколения писателей, ко-

торым всегда было свойственно желание обозначить свою гражданскую позицию. В ходе существенных общественных изменений, связанных с крушением ГДР и объединением Германии 3 октября 1990 года, они начинают активно вмешиваться в актуальные политические события. При этом как защитники, так и противники начавшихся процессов высказывают свое мнение по двум основным вопросам: о будущем Германии, с одной стороны, и о проблемах преодоления прошлого — с другой. Наиболее ангажировано проявляют себя в этом отношении Гюнтер Грасс, Криста Вольф, Штефан Хейм, Вольф Бирман, Мартин Вальзер и другие много повидавшие на своем писательском и общественно-политическом веку ветераны пера. Противоположные точки зрения этих писателей становятся причиной яростных дебатов о роли и задачах представителей немецкой интеллектуальной элиты в новых условиях. И что самое удивительное, центральной темой полемики становятся вовсе не литературные произведения, а поведение самих писателей в системе жизненных координат до падения Берлинской стены (их моральные принципы, образ мыслей, политические убеждения, отношение к утопии «демократического социализма», вопрос об отношениях между литературой и политикой, а также проблема ответственности писателей перед обществом). Особое рвение при этом начали проявлять те, кто в свое время предусмотрительно перебрался на Запад (Моника Марон, Гюнтер Кунерт и другие). Им вторили почуствовавшие конъюнктуру редакторы некоторых западных СМИ.

В чем же обвиняли восточно-немецких писателей? В том, что, будучи кастой привилегированных, они комфортно существовали в ГДР и не захотели или не смогли воспользоваться своим положением для критики существующего строя. Их упрекали в этом так неистово, что через некоторое время после объединения восточно-немецкие авторы и вовсе замолчали. Этому способствовала и утрата авторитета некоторыми занимавшими, казалось бы, прочное положение в обществе писателями, такими, как Криста Вольф, Штефан Хейм, Фолькер Браун. Это привело к общей атмосфере неуверенности и страха перед своим общественно-литературным будущим.

В качестве наглядного примера можно назвать дискуссию, развернувшуюся вокруг имени Кристи Вольф. Вышедший в 1990 году ее рассказ «Что осталось?» («Was bleibt?») и первые реакции на него со стороны Ульриха Грайнера и Франка Ширмахера стали причиной немецко-немецкого литературного спора, где эстетическая значимость произведения уступила свое место значимости общественно-полити-

ческой. Основное обвинение, предъявленное в связи с этим рассказом писательнице, заключалось в том, что он был опубликован не во время существования Берлинской стены, а намного позже, когда подобные откровения больше не имели никакого значения. Кроме того, она обвинялась в недостаточно критическом, излишне мягком отношении к социалистической утопии, которая казалась ей в реформированном виде почти жизнеспособной. «Случай Вольф», по словам К. В. Шмидта, становится показательным процессом разоблачения роли Интеллигенции в тоталитарной системе ГДР. Интеграция писательницы в систему ГДР, ее «внутренняя эмиграция» и одновременное участие во власти вместо открытой критики существующего строя заставляют сомневаться в личности писательницы и одновременно в ее творчестве [5, S. 287 – 318].

Из этого примера следует, что развал социалистической системы означал и трагические перемены в жизни и творчестве большинства авторов бывшей ГДР. Писатели старшего поколения оказались в достаточно сложной ситуации. С одной стороны, они обращаются к собственному прошлому, пытаются критически переработать его и проститься с ним. С другой стороны, им приходится подстраиваться под новые условия и отбиваться от нападков, направленных не только на их творчество, но и на них самих.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что не только восточные, но и западные писатели подвергаются яростной критике. Ни один из литературных текстов последних десятилетий не вызвал такого медийного и общественного резонанса, как роман Гюнтера Грасса «Широкое поле», 14 недель возглавлявший топ-листы бестселлеров. Дискуссии и споры, развернувшиеся вокруг романа, привели к тому, что, как упоминалось выше, само художественное произведение отошло на второй план. Вместо книги стали обсуждаться вопросы об утрате подлинной культуры чтения, слепоте и этических прегрешениях литературной критики и СМИ. Да и сам метадискурс стал объектом внимания и исследования. На повестке дня встали новые вопросы: что интересно читателю — собственно произведение или медийный спектакль, инсценированный вокруг него? хотят ли СМИ представить на суд читателя текст или сделать рекламу самим себе? «Широкое поле» Г. Грасса превратилось из события литературной жизни в событие социокультурного и политического масштаба.

Следует отметить, что Г. Грасс в своем романе поднимает не новую для себя тему. Он и до этого задумывался о возможных проблемах, связанных с объединением, и никогда не являлся яростным его сто-

ронником. Он выступал за сохранение ГДР в качестве независимого государства и за постепенное, «пошаговое» сближение «культурной нации». Г. Грасс обосновывает свою позицию примерами из немецкой истории и высказывает опасения по поводу возможного возникновения новой «великой Германии». Кроме этого, автор критикует западных политиков, которые, по его мнению, слишком быстро приняли решение об ускорении создания единого государства, не учитывая желания народа, форсируя тем самым «распродажу» социалистических ценностей.

Оппонентом Грасса в этом вопросе выступает Мартин Вальзер, который считается приверженцем быстрого и бескомпромиссного объединения. Еще задолго до политических изменений в ГДР он высказывался против самого факта разделения немецкого народа, считая, что «самоосвобождение» граждан ГДР открывает возможность объединения немецкой нации.

Эти примеры свидетельствуют, что во внутринемецком литературном споре после объединения страны литература как таковая уходит в тень. Возникшие в контексте объединения Германии дебаты среди интеллектуалов и представителей искусства в большей степени посвящены проблемам эстетики и морали, понимания роли писателя, а также его ответственности за свое творчество. Важным аспектом при этом остается вопрос о сведении счетов или примирении с прошлым. Отсутствие временной и пространственной дистанции по отношению к политическим событиям и решительное требование их литературной переработки в форме эпохального романа объединения приобретают анахронические черты и выявляют «очевидную близорукость подобного способа «переработки современной истории в литературе» [1, S. 18]. Центральной для литературы перелома становится формулировка Акселя Шалька, который предостерегает литераторов от превращения «беспристрастной, эстетически аргументированной» литературы в приземленную политическую риторику [4, S. 552–566].

В связи с этим вспоминаются слова Уве Виттстока, который заметил, что если стена не смогла посорить писателей Восточной и Западной Германии, то объединение с этой задачей справилось играючи [3].

«Диалог культур» или «стена в головах»?

«Восточные и западные немцы отдаляются друг от друга» — таковы результаты многочисленных опросов населения Германии: 42 % западных и 63 % восточных немцев отмечают различия в менталитетах

[3]. Отчуждение между восточными и западными немцами, по мнению социологов, со временем ничуть не уменьшилось. Стереотипные представления о «весси» и «осси» не только не были преодолены, а напротив, еще больше укоренились в сознании жителей Германии. «Стена в головах», как и предполагал в свое время немецкий писатель Петер Шнайдер, оказалась намного прочнее, чем берлинская стена.

Неудачная попытка диалога между восточными и западными немцами становится центральным мотивом романов нового поколения восточно-немецких писателей: Йенса Шпаршу, Томаса Бруссига, Инго Шульце и других. Выставленные напоказ, зачастую в гротескной форме, стереотипы и предубеждения сделали их романы бестселлерами.

В ироничной, с налетом сентиментальности манере изложения им удалось показать чувства своих соотечественников, в жизни которых «старое было разрушено, а новое еще не построено». Молодое поколение писателей предпринимает попытку восстановить баланс между западными и восточными немцами, преодолевая исторический процесс вытеснения всего восточногерманского из общественной жизни.

В романе «Комнатный фонтан» Й. Шпаршу вскрывает проблемы, возникающие между восточными и западными немцами в процессе налаживания коммуникации. Перегруженное стереотипами псевдознание о жизни друг друга в разных социальных и политических системах не только мешает взаимопониманию, но и создает почву для возникновения все новых недоразумений. Комическое отчуждение, а также иронический способ повествования определяют интонацию текста.

Различие в менталитетах и возникающие в связи с этим проблемы в общении друг с другом особенно заметны в разговорах Лобека и его коллег. Высокомерие и невежество одной стороны противопоставляются чрезмерной чувствительности и неуверенности в своих силах другой стороны. Так, отсутствие коммерческого успеха западный коллега главного героя Штрювер списывает на «сформировавшуюся в абсолютно ином обществе публику». Он рассчитывает на Лобека, представителя Восточной Германии, в составлении маршрута как на «коренного жителя», а также беспокоится по поводу возможного «культурного шока» у бывших жителей ГДР «в виду такого количества новых впечатлений». Штрювер интересуется «обычаями и нравами восточных немцев», делая их объектами научного исследования. Он говорит Лобеку, что рад возможности «сделать выводы о восточных немцах, основываясь на собственных наблюдениях» [6, с. 99]. Западный коллега ведет себя так, словно находится в далекой экзотической стране, а не в другой части Германии, тем самым вербально демонстрируя свое превосходство.

Основной аспект, который следует учитывать при рассмотрении этого и других романов данного периода, — чувство утраты Родины и связанное непосредственно с ним ностальгическое возвращение к системе ГДР. Восточные немцы, неожиданно столкнувшись с рыночными отношениями и анонимностью западного общества, разочаровались в Западе, к которому когда-то так стремились.

В романе Т. Бруссига стереотип является важным средством комического. Описание общества ГДР из одномерной перспективы «я» — повествователя в романе «Герои вроде нас» — до такой степени отчуждено, что читатель не может составить себе истинное представление о социалистическом государстве. Замысел автора — выставить на посмешище и разоблачить немецко-немецкие клише через их ироническое преувеличение, тем самым привлекая к ним особое внимание читателя.

Уже с первых строк романа «Герои вроде нас» автор иронизирует по поводу попыток своих собратьев по цеху переработать прошлое в виде многочисленных автобиографий и эссе. Недаром его роман начинается с преамбулы — отрывка автобиографии главного героя Клауса Ульцшта: «Я подумывал над автобиографией, в которой я с глубоким почтением встречу с самим собой и которая была задумана à la европейский очевидец своего времени. Она должна была бы заставить говорить обо мне в свете литературной или мировой нобелевской премии» [2, S. 5]. В единственном абзаце, написанном за два года, главный герой Клаус Ульцшт описывает момент своего рождения, а именно ночь 20 августа 1968 года. «Мир, в который я пришел, был политическим миром» [Ibid, S. 5], — отмечает герой, сразу заявляя основную тему своего произведения.

В этом политическом мире, по мнению Клауса, ему была отведена великая роль, так как именно он, а вернее, его мужское достоинство, увеличившееся вследствие несчастного случая до гигантских размеров, стало причиной падения Берлинской стены. Тривиальными средствами скабрезного «низкого» стиля герой пытается «собрать мозаику исторической правды» [Ibid, S. 8]. Заниженная самооценка героя как личности в тоталитарном государстве символически выражена в маленьком пенисе. Благодаря неудачной операции, символизирующей процесс объединения, самооценка героя резко повышается — пропорционально росту его мужского достоинства (до гигантских размеров). Таким образом, рассказчик на протяжении всего романа балансирует между двумя пограничными состояниями в своем личном и физическом развитии, выраженными, с одной стороны, в форме мании величия, а с другой — страхом перед неудачей.

В отличие от Т. Бруссига и Й. Шпаршу, которые доводят до абсурда клише «осси» и «весси», Инго Шульце занимает позицию внимательного наблюдателя. В своем романе о жизни восточной провинции «Simple Stories» он отказывается от типично восточно-немецкого представления в плакатной форме, стараясь быть сдержанным в своих оценках. Зачастую в конце романа уже невозможно определить, кто над кем смеется, говоря «те, по ту сторону», — «осси» над «весси» или наоборот.

Истории, представленные в книге, большей своей частью нельзя рассматривать как типичные именно для жизни в восточной части Германии. Очередь за газетой «Bild», которая на потеху «весси» закупается «осси» в нескольких экземплярах, а также описание Ханнисом Франкфурта-на-Майне, полного проституток и наркоманов, являются лишь отражением в зеркале СМИ поверхностных фрагментов объединения.

Роман «Simple Stories» многогранно показывает последствия падения системы в ГДР во всех областях жизни жителей городка Альтенбурга. В профессиональной сфере причиной неуверенности героев становится прежде всего безработица и тесно связанные с ней финансовые проблемы. Герои романа вынуждены бороться за свое рабочее место во вновь объединенной стране и из этой борьбы часто выходят проигравшими. Их образование и приобретенные квалификации больше не имеют никакой ценности. Так, искусствовед Мартин Мауер не может закончить свою диссертацию, а профессия «диспетчер» Раффаэла не известна никому на Западе. В романе нет почти ни одного персонажа, чье рабочее место не находилось бы под угрозой или кому по крайней мере один раз не пришлось его сменить. Тем не менее, вопреки клише о флегматичных и впадающих после объединения в летаргический сон «осси», герои романа Шульце пытаются взять жизнь в свои руки: почти все находят работу, подстраиваясь к новым условиям. Однако, расставшись с тоталитарной системой ГДР, они уже в новом пронизанном духом конкуренции обществе сталкиваются с той же коррумпированностью и мелким предательством в быту.

Послесловие

Анализ литературного ландшафта Германии после падения Берлинской стены не дает возможности подвести даже промежуточные итоги. Очевидно, что стена, возведенная между восточными и запад-

ными немцами, осталась, правда, теперь в другом качестве. По-видимому, процесс ее окончательного разрушения в головах граждан Германии растянется еще не на одно десятилетие. И эти десятилетия, наверняка, найдут свое отражение в литературе, но уже у третьего поколения немецких писателей.

Список литературы

1. *Bremer U.* Visionen der Wende. Eine textanalytische Untersuchung erzählerischer Prosa junger deutscher Autoren zur Wiedervereinigung. Osnabrück, 2002.
2. *Brussig Th.* Helden wie wir. Frankfurt a/M., 1999.
3. *Solms-Laubach F.* Ost- und Westdeutsche entfernen sich voneinander [Электронный ресурс]. URL: <http://www.welt.de/politik/article3775359/Ost-und-Westdeutsche-entfernen-sich-voneinander.html>
4. *Schalk A.* Coitus germaniae interruptus. Die deutsche Wiedervereinigung im Spiegel von Prosa und Dramatik // Weimarer Beiträge. 39. H. 4. 1993.
5. *Schmidt K. W.* Geschichtsbewältigung. Über Leben und Literatur ehemaliger DDR-Autoren in der wiedervereinten Bundesrepublik. Eine Bestandaufnahme kulturpolitischer Debatten und fiktionaler, essayistischer sowie autobiographischer Publikationen seit der Vereinigung // Pluralismus und Postmoderne: Zur Literatur- und Kulturgeschichte in Deutschland 1980–1995. Frankfurt a/M.; B.; Bern u. a., 1996.
6. *Sparschuh J.* Der Zimmerspringbrunnen. Roman. Köln, 1995.
7. *Wittstock U.* Die Dichter und ihre Richter. Literaturstreit im Namen der Moral: Warum die Schriftsteller aus der DDR als Sündenböcke herhalten müssen // Süddeutsche Zeitung. V. 13/14.10.1990.

Александр Золов

(Калининград)

ОДНА СТРАНА — ДВЕ НАЦИИ (Германия после объединения)

Ярким проявлением «холодной войны» в Европе было сосуществование двух германских государств — Федеративной Республики Германия и Германской Демократической Республики. Символ раскола некогда единой страны — знаменитая Берлинская стена. Возведение этого сооружения стало следствием острого противоборства между социалистическим блоком во главе с СССР и блоком западных стран во главе с США.

Берлин, расколотый на две части, но сохраняющий открытые границы между двумя зонами, был настоящей раковой опухолью на теле ГДР. Через границу шла постоянная утечка информации, товаров, а самое главное — людей. За период с 1949 по 1961 год через Западный Берлин в ФРГ уехало около 3 млн человек, в основном из числа молодежи. В первую очередь это были высококвалифицированные специалисты, подготовка которых обходилась ГДР в приличную сумму. Страну покидали ученые, инженеры, врачи, квалифицированные рабочие, что создавало в ГДР дефицит кадров и серьезно ослабляло возможности решения стоящих перед государством проблем. Общий ущерб от сохранения открытой границы с Западным Берлином оценивался экономистами ГДР примерно в 100 млрд марок, в то время как национальный доход страны в 1961 году составил всего 76 млрд.

В 1961 году бегство на Запад стало приобретать обвальный характер: в июне уехало около 20 тыс. граждан ГДР, в июле — 30 тыс., в первой половине августа — 47 тыс. В этих условиях было принято решение перекрыть границу, и в ночь с 12 на 13 августа по тревоге были

подняты части Национальной народной армии, Народной полиции и отряды рабочей самообороны ГДР. Началось возведение стены, наглухо перекрывшей границу между ГДР и Западным Берлином.

Возведение стены стало, конечно, вынужденным шагом и проявлением слабости социалистической ГДР, не выдержавшей конкуренции с Западной Германией, которая в то время переживала период «немецкого чуда». С другой стороны, строительство стены существенно ослабило напряженность в центре Европы, заставило руководство ГДР больше заботиться о благосостоянии своего народа и содействовало стабилизации обстановки в Восточной Германии.

После возведения стены раскол Германии оформился окончательно. В конечном итоге в ходе политики «разрядки» этот факт признали все — две немецкие страны стали членами ООН, при этом входя в противостоящие военно-политические блоки. Такое положение казалось незыблемым.

Но в середине 1980-х годов обстановка в ГДР стала быстро ухудшаться. Сказались просчеты в экономической политике, чрезмерная жесткость политического режима, вызывавшая недовольство большей части населения страны, а также перестроечные процессы, развернувшиеся в СССР. В 1989 году это вылилось в открытые акции протеста: активизировались оппозиционные движения, в ряде городов прошли массовые митинги и демонстрации, а стремление граждан Восточной Германии уехать на Запад приобрело тотальный характер. В октябре руководство ГДР торжественно отметило 40-летний юбилей «первого в мире немецкого социалистического государства», но вскоре после праздников кризис режима достиг апогея. Произошла смена лидера (вместо Э. Хонеккера ГДР возглавил Э. Кренц), новое руководство даже объявило о радикальной смене экономического курса, но необходимого эффекта эти шаги не принесли. Давление оппозиции продолжало нарастать, и вечером 9 ноября произошло судьбоносное событие — было объявлено об открытии сообщения между ГДР и Западным Берлином. Стена, простоявшая 28 лет, рухнула в одночасье. Эта ночь с 9 на 10 ноября 1989 года стала воистину праздничной для жителей обеих Германий. Шампанское лилось рекой, ночное небо украсили фейерверки, люди обнимались и плакали от счастья, а энтузиасты начали снос ненавистной преграды. Крах стены предопределил и судьбу ГДР — менее чем через год, 3 ноября 1990 года, она исчезла. На политической карте Европы появилась единая Федеративная Республика Германия.

С того знаменательного дня минуло почти 20 лет. Ушла в прошлое Берлинская стена — сейчас о ней напоминают только некоторые фрагменты, сохраненные как музейные экспонаты. Ушла в прошлое и

Германская Демократическая Республика — все большую роль в европейских и мировых делах играет единая ФРГ, постепенно расширяющая свое влияние в Европейском союзе.

И все же... Насколько единой стала за эти годы Германия? Почему все чаще стала повторяться фраза: «Если раньше было два государства, но одна нация, то теперь у нас одно государство, но две нации»? Действительно, можно сказать, что до подлинного единства германского общества пока еще далеко. В чем причины такого положения?

Пожалуй, одним из главных оснований для недовольства явилось то, что выполнить данное в пылу эйфории обещание провести объединение без какого-либо ущерба для граждан обоих государств так и не удалось. В первую очередь это относится к «новым восточным землям» (так сейчас именуется бывшая ГДР). Объединение обернулось для большинства их жителей настоящей катастрофой: в одночасье исчезли целые отрасли промышленности, работу потеряли свыше 4 млн человек, да и сейчас безработица в регионе остается на уровне 20—22 % трудоспособного населения при средней по стране в 11,5 %. Пострадало сельское хозяйство — число занятых в этой отрасли экономики за первые четыре года сократилось с 850 тыс. до 250 тыс. человек, а площадь обрабатываемых земель сократилась вдвое. Рухнула старая система социального обеспечения — многократно подорожали квартиры, детские сады и прочие привычные для восточных немцев услуги. Усилилась неуверенность в будущем, что привело, в частности, к резкому падению рождаемости (в 1989 году на свет появилось 200 тыс. детей, в 1994-м — всего 79 тыс.). Продолжился отток людей на Запад: за первые 10 лет после объединения восточные земли покинули 1,5 млн человек, которых теперь, кстати, уже никто не ждал с распростертыми объятиями.

Нельзя сказать, что богатая ФРГ ничего не сделала для своих новых граждан. С 1990 по 2007 год общий объем государственных (преимущественно) и частных вложений в восточные земли составил 1,5 трлн евро (около 3 трлн бывших дойчмарок). Открылись сотни тысяч мелких и средних предприятий, особенно в сфере сервиса, были отремонтированы и построены тысячи километров автострад и железных дорог, обновлена телефонная связь, изменился облик центра Берлина. В целом уровень жизни восточных немцев постепенно растет.

И тем не менее до настоящего времени не исчезло деление жителей Германии на западных и восточных («весси» и «осси»), а общее разочарование в реалиях современной ФРГ остается довольно высоким. Сказалось и то, что за 45 лет раздельного существования сформировались существенные различия не только в социально-экономиче-

ских системах, но и в менталитете, образе жизни, привычках и традициях жителей двух бывших германских государств. Свою роль сыграли экономические трудности, последовавшие за объединением. Западные немцы полагают, что объединение чересчур сильно ударило по их кошелькам («налог солидарности»), что «осси» недостаточно высоко оценивают оказанные им благодеяния и остаются малоинициативными и неблагодарными, по сути нахлебниками. В свою очередь восточные немцы считают своих западных соотечественников высокомерными и надутыми снобами, всецело погруженными в заботу о собственном материальном благополучии. Приобрело широкую популярность суждение: «Хотя машины в ГДР были намного хуже, чем на западе, зато люди были лучше».

Настоящим ударом для «осси» стало крушение иллюзий насчет равенства немцев: на востоке страны произошла тотальная чистка государственных, образовательных и деловых структур, выбросившая за борт огромное число людей. Во главе всех учреждений были поставлены представители старой ФРГ, что вызвало неприятное чувство превращения ранее независимой страны в некую «полуконию Запада». Особенно раздражает отношение к «осси» как к политическим недоумкам, не способным проникнуться духом демократии, и продолжающееся копание в прошлом жителей ГДР, поголовное большинство которых рассматривается «весси» как подозрительные элементы. Раздражает неуверенность в будущем, неустойчивость в настоящем, сохраняющаяся разница в уровне жизни и доходов. Наконец, раздражает стремление «весси» насадить в восточных землях свои правила жизни и поведения, при том что сами эти «культуртрегеры», по мнению «осси», отнюдь не являются образцом для подражания.

В результате в обеих частях Германии сохраняется ностальгия по ушедшим временам (в восточных землях она получила название «остальгия»). Несмотря на то, что, по данным опросов общественного мнения, от объединения выиграли 65 % «осси» и 59 % «весси», восстановления Берлинской стены желали бы 16 % «западников» и 18 % «восточников».

Своеобразным проявлением сохраняющегося недовольства жителей «новых восточных земель» является падение в них численности и влияния ведущих партий ФРГ — Христианско-демократического союза и Социал-демократической партии — и растущий политический вес Левой партии, наследницы Социалистической единой партии ГДР и Партии демократического социализма. На последних выборах в бундестаг в 2009 году она получила по стране 13 % голосов (4-е мес-

то), причем в Бранденбурге — 27,2 %, а в восточной части Берлина — до 40 %.

Разочарование в демократии ведет к росту экстремизма, в первую очередь в восточных землях. На местных выборах 1998 года в Саксонии-Анхальт правозэкстремистский Германский народный союз получил 12,9 % голосов, в Бранденбурге эта партия уже дважды преодолела пятипроцентный барьер, а в Саксонии в 2004 году другую неонацистскую организацию — Национально-демократическую партию — поддержали 9,2 % избирателей, что всего на 0,6 % меньше, чем количество проголосовавших за социал-демократов. Привычным фактом стали погромы, проявления расизма, что не может не беспокоить общественность.

Так что можно сказать, что разделение Германии на два государства и два общества пока не изжито. Что-то ушло в прошлое, что-то новое появилось. Исчезла Берлинская стена, но возникли новые стены, на преодоление которых потребуются еще многие и многие годы.

Виталий Маслов
(Калининград)

ОБРАЗ ПОБЕДЫ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

В советской и российской литературе Победа в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне сопровождалась и сопровождается определениями: «великая», «всемирно-историческая», «законномерная», «проявление духовной мощи советских людей», «подвиг во имя человечества». Образ Победы многогранен: он включает в себя не только сам путь к ней, но и то, как позднее в обществе рассматривались проблемы кануна войны и ее хода, на каких аспектах при этом делался акцент и как на формирование образа Победы влияла политическая конъюнктура. Поэтому необходимо рассмотреть, как важнейшие проблемы войны трактовались в научной, учебной и мемуарной литературе, а также в средствах массовой информации. Для воссоздания того, как изменялось содержание образа Победы, следует выяснить, на какие узловые моменты политики, истории и публицисты обращали особое внимание в различные периоды послевоенной жизни, тем самым формируя историческое сознание граждан.

В первое послевоенное десятилетие официальные трактовки Победы и советского пути к ней предопределялись позицией И. В. Сталина, нашедшей отражение в сборнике «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Он содержит материалы о войне с 1941 по 1945 год, предназначен для широкой публики, выдержал несколько послевоен-

ных переизданий и в целом может пониматься как сталинская концепция Победы.

Рассматривая проблемы кануна войны, Сталин объяснял подписание советско-германского пакта о ненападении тем, что «ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп», и «мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства» [9, с. 11]. Для того чтобы развеять последние сомнения, Сталин особо подчеркивал: «Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора...» [Там же]. Таким образом, пакт был легитимен и выгоден Советскому Союзу, так как отдалял срок вступления страны в войну с Германией.

При этом не упоминалось о том, что переговоры с Великобританией и Францией зашли в тупик (материалы сборника относились ко времени войны, и напоминать об этом союзникам было, по меньшей мере, нецелесообразно). Не говорилось и о том, что Германия практически открытым текстом заявляла о своей готовности напасть на Польшу и поэтому СССР стоял перед выбором. Альтернатива для советского руководства была такой: или Германия действительно станет соседом СССР и без договора о ненападении дальнейший ход событий предсказать трудно, или же Германия, став соседом СССР и имея с ним соглашение о ненападении, начать войну против Советского Союза сразу не сможет. Точного представления о дальнейших планах Германии советское руководство не имело, но страх капиталистического окружения и синдром «завтра война» были очень сильны. Конечно, не было даже намека на существование секретных протоколов к советско-германскому пакту 1939 года, не шла речь и о двойной дипломатической игре, которую вели тогда ведущие державы мира.

Следующий вопрос, который, создавая целостный образ Победы, Сталин неизбежно должен был затронуть, — проблема отступления советских войск. В обращении к населению страны 3 июля 1941 года глава государства спрашивал: «Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов?» В числе причин называлось, во-первых, то, что войска Германии были полностью отмобилизованы, во-вторых — вероломное нарушение пакта о ненападении и внезапность вторжения германских армий в СССР, в-третьих — отсутствие второго фронта в Европе, в-четвертых — недостаток танков и отчасти авиации [Там же, с. 9—11]. С 1942 года, сглаживая горечь поражений, Сталин стал называть время

отступления Красной Армии периодом «активной обороны». Только 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии главнокомандующий откровенно признал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные села и города...» [Там же, с. 196]. Хотя высказывание Сталина было опубликовано, но развития в литературе и печати эта мысль, конечно, не получила. Летнее отступление советских войск в 1942 году Сталин объяснил только тем, что немцы воспользовались отсутствием второго фронта в Европе, «собрали все свои резервы под метелку, бросили их на наш украинский фронт и прорвали его» [Там же, с. 79].

Конечно, значительная часть материалов сборника была посвящена укреплению боевой мощи Красной Армии, росту промышленного потенциала страны, победным сражениям советских Вооруженных Сил, «десяти сталинским ударам по врагу». Некоторая критичность по отношению к союзникам сменилась после открытия второго фронта эпитетом «великие союзники».

Война однозначно определялась как Отечественная, освободительная и справедливая. В связи с этим особо подчеркивались цели в ней Советского Союза. Вновь процитируем Сталина: «Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей. Красная Армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков... Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается» [Там же, с. 46 — 47].

В «Обращении к народу 9 мая 1945 г.» Сталин объявил, что 8 мая в Берлине представители немецкого командования подписали окончательный акт о капитуляции, исполнение которого началось с 24.00. «Наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом» — и в тот же день был издан приказ Верховного Главнокомандующего, где 9 мая объявлялось Днем Победы [Там же, с. 192, 195, 207]. Такой же подход — считать Днем Победы следующий за подписанием акта о капитуляции день — был распространен и на победу над Японией.

Только в самом конце войны Сталин начал говорить о великих жертвах, неисчислимых лишениях и страданиях, напряженном труде советского народа в годы войны.

С середины 1950-х годов в СССР началась переоценка некоторых проблем советской истории, в том числе роли Сталина в жизни страны. Новые моменты обозначились и в подходе к ряду сложных вопросов Великой Отечественной войны. Отношение к Победе не изменилось, но освещение некоторых существенных моментов пути к ней стало иным.

В докладе Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» 25 февраля 1956 года на XX съезде компартии был задан новый вектор трактовки отдельных событий войны и их роли в Победе. Эти аспекты были конкретизированы и пространно изложены в докладе министра обороны Г. К. Жукова «Состояние и задачи военно-идеологической работы», с которым он предполагал выступить 4 июня 1956 года на пленуме ЦК КПСС по вопросам идеологической работы в связи с решениями партийного съезда. Правда, пленум был проведен 20–24 декабря, но этот вопрос на нем не рассматривался.

Хрущевым прежде всего было заявлено, что в литературе, кинофильмах и научных исследованиях «неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне». Была раскритикована тактика «активной обороны», подчеркивалось, что «единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны» [2, с. 83]. Развенчивая культ Сталина, Хрущев сказал, что Сталин в начале войны не руководил военными операциями, а его «нервозность и истеричность» при вмешательстве в ход военных операций наносили тяжелый урон армии [Там же, с. 88–89]. При этом уже в февральском докладе 1956 года стал складываться еще один миф — о военной прозорливости Хрущева, которого Сталин не послушал во время боев под Харьковом в 1942 году, и поэтому советские войска отступили.

Жуков высказал не только тезис о полной растерянности Сталина в управлении страной и армией в первые дни войны, но и мнение о том, что «в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах», «давал неквалифицированные указания». Мысли Жукова были противоречивыми: с одной стороны, единоличный руководитель в полной растерянности, с другой — именно он, по словам маршала, отдает приказы [Там же, с. 312–313]. Вывод о том, что Сталин плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах в начале войны, предполагает, что он стал понимать их в дальнейшем и, кроме того, разбирался в вопросах стратегических. Позднее Жуков писал: «Могу твердо сказать, что И. В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фрон-

тов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности... особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы» [4, с. 96–97].

Во второй половине 1950-х годов критиковался тезис о внезапности нападения Германии на Советский Союз; указывалось, что Сталин, чтобы не спровоцировать начало военных действий, не доверял информации о том, что Гитлер сконцентрировал большие войсковые соединения на границе с СССР. В то же время в докладе Хрущева подчеркивалось, что «не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения» [2, с. 84–85]. Таким образом, идея о внезапности нападения, только что подвергнутая сомнению, на самом деле не отвергалась — она так и осталась в научных исследованиях, публицистике, художественной литературе и общественном сознании.

Более откровенно с 1956 года говорилось о техническом отставании Красной Армии перед войной и о потерях в самом начале войны. Утверждалось, что армия была вооружена плохо, не имела достаточного количества не только танков и самолетов, но и артиллерии; перевооружение началось только в самый канун войны; старая техника снималась с вооружения, а новая еще не поступила в войска; не было даже достаточного количества винтовок; в первые часы и дни войны противник уничтожил громадное количество людей и техники, дезорганизовал управление войсками. Жуков констатировал, что в Красной Армии было очень мало механизированных соединений. Только зимой 1941 года было принято постановление о ликвидации кавалерии и создании механизированных корпусов, но это правильное решение все же оказалось запоздалым [Там же, с. 86, 310–311].

Впервые поражения в начале войны начали связывать с террором в Красной Армии в 1937–1941 годах, когда были истреблены опытные командные кадры, подорвана дисциплина в войсках, так как в армии занимались поиском врагов и опасались доносов. Были названы фамилии прославленных полководцев, которые перед войной попали в тюрьмы [Там же, с. 87–88].

Также Жуков заявил о политике «неправильного отношения к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена» [Там же, с. 319]. В тексте его предполагаемого выступления содержится утверждение о том, что подразделения и части попадали в окружение в силу сложившейся обстановки и, исчерпав все возможности к сопротивлению, вопреки своей воле, оказывались в плену, причем многие — ранеными и контуженными. Пленные сохраняли верность Родине, не были предателями, как утверждалось в СССР в ходе войны и в первые послевоенные годы. Жуков назвал незаконными их

послевоенное уголовное преследование, ссылки и расстрелы [Там же, с. 319—322]. И действительно, во второй половине 1950-х годов в общественном сознании изменилось отношение к советским военнопленным.

В секретном докладе Хрущева на XX съезде КПСС Победа характеризовалась как «величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, спасшего сотни миллионов людей Востока и Запада от нависшей над ними угрозы фашистского порабощения». В докладе утверждалось, что Победа «будет жить в памяти благодарного человечества века и тысячелетия» [Там же, с. 93]. Жуков собирался призвать к воспитанию патриотизма и гордости советского народа на примере Победы в войне. В тексте его доклада есть строки о том, что «у нас почти нет памятников в местах, где происходили важнейшие события гражданской и Отечественной войн. В Москве и городах-героях до сих пор нет монументальных памятников подвигу советского народа в Отечественной войне... Это явно ненормальное положение необходимо устранить в ближайшее время» [Там же, с. 319]. Собственно говоря, впоследствии эта идея была реализована в полном объеме.

В 1960-е — первой половине 1980-х годов, несмотря на отдельные нюансы в научных исследованиях, мемуарах и публицистике, магистральная линия по отношению к Победе и ее трактовкам в обществе была единой. Поэтому достаточно остановиться на нескольких характерных публикациях, чтобы осветить эту линию.

В СССР были изданы шеститомная история Великой Отечественной войны и двенадцатитомная история Второй мировой войны. На их основе подготовлены краткие однотомные истории этих войн. Обратимся к книге «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945» [1].

В это время подписание с Германией пакта о ненападении объяснялось тем, что Англия и Франция затягивали переговоры с СССР, ожидая похода Гитлера на Советский Союз, которого боялись больше, чем нацистскую Германию. В условиях, когда западные державы вели двойную игру, осуществляя летом 1939 года переговоры с Германией, СССР оказался перед угрозой войны на два фронта в обстановке возможной международной изоляции. В силу этого делается вывод, что Советский Союз был вынужден пойти на заключение предложенного Германией пакта о ненападении.

Вступление советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию трактовалось как стремление защитить их от фашистского порабощения и как мера по укреплению западных границ страны. Указывалось, что договоры с Латвией, Литвой и Эстонией были подписаны по предложению Советского Союза, а Красная Армия, введенная в Прибалтику, обеспечивала безопасность латвийского, литовско-

го и эстонского народов. Политическая ситуация в этих трех странах обострялась, «антинародная» политика правительств вызывала возмущение, развернулась революционная борьба, в результате чего были свергнуты реакционные правительства, а сеймы обратились в Верховный Совет СССР с просьбой включить государства в состав СССР.

При характеристике подготовки к войне в основном говорилось о достижениях, кратко — о проблемах, особенно в артиллерии, о недостатке времени для оснащения армии и флота новейшим вооружением и боевой техникой. При объяснении причин неудач советских войск сохранялся тезис о вероломности и внезапности нападения. Также указывалось на просчеты в определении сроков нападения. Вина за это возлагалась на Сталина и других высших военных руководителей. Клеймилась «близорукая» политика западных государств, которая не позволила создать систему коллективной безопасности, зато помогла фашистской Германии значительно усилить свое экономическое и военное могущество и разгромить ряд европейских стран. О репрессиях не говорилось, но отмечалось, что командный состав Красной Армии перед войной значительно обновился. Утверждалось, что количественное превосходство в силах долгое время оставалось за немецко-фашистскими войсками. Подчеркивалась слабая моторизация Красной Армии. Четко было заявлено, что потери в первые дни войны, нарушение связи, неспособность обеспечить сплошную линию фронта еще более ухудшили ситуацию. Особо обращалось внимание на то, что в предвоенные годы подготовка советских войск была подчинена наступлению («война малой кровью на территории противника»), а вести пришлось так называемую «стратегическую оборону». Отступление 1942 года фактически объяснялось ошибками командования: «Силы и средства были распределены таким образом, что у Красной Армии не оказалось превосходства ни на одном из направлений».

Весьма подробно в научной, публицистической и художественной литературе говорилось о победных сражениях Красной Армии, подвигах солдат и офицеров, партизан и подпольщиков. Это была самая *выигрышная* тема для военно-патриотической работы. Можно утверждать, что именно в это время сформировался *культ* Победы и ветеранов-победителей. Великое множество произведений художественной литературы посвящалось войне, сформировалось военное направление в литературе и искусстве. Слагались песни о подвиге народа в войне и о Победе. Проводилось много встреч с ветеранами, молодежных вечеров, на которых освещалась история войны, сражений и Победы.

Эта тенденция совпала с процессом ресталинизации. Средствами художественной культуры вновь создавался образ мудрого и талант-

ливого полководца. Особенно ярко это проявилось в кинофильме «Освобождение». Однако в научной литературе и средствах массовой информации имя Сталина упоминалось редко — чаще говорилось о безымянном Верховном Главнокомандующем.

Художественными средствами поднимались проблемы войны, в частности вопрос о «цене» Победы. Например, художник В. Е. Попков написал серию работ «Воспоминания», картину «Шинель отца». В «суровом стиле» он говорил о трагедии войны, о погибших солдатах — женах, мужьях, отцах.

Вывод о Победе был однозначным. Вступление СССР в войну стало решающим фактором превращения Второй мировой войны в войну освободительную, антифашистскую со стороны государств, которые противостояли Германии и Японии. Советский Союз понес наибольшие жертвы и сыграл ведущую роль в разгроме фашистского блока, а советский народ с честью выполнил свою освободительную миссию, очистив Европу от фашизма.

С конца 1980-х годов наблюдается отказ от единственной идеологически определенной точки зрения на события войны и на Победу. В печати, научных изданиях стали публиковаться ранее засекреченные или скрывавшиеся от общественности документы, начали обсуждаться разные острые проблемы войны и Победы, причем нередко дискуссии велись с диаметрально противоположных позиций. Все это противоречиво воздействовало и до сих пор воздействует на формирование образа Победы в историческом сознании, тем более что в России с 1990-х годов создание позитивного образа Победы не имеет тех масштабов, которыми отличались предшествующие десятилетия. О Победе чаще всего вспоминают перед юбилейными датами или в связи с какой-либо скандальной публикацией.

Предметом обсуждения прежде всего явились обстоятельства заключения советско-германского пакта о ненападении. В центре внимания общественности оказались секретные протоколы к пакту, информация о которых несколько десятилетий скрывалась. В ряде научных работ и газетно-журнальных публикаций ведется речь об аннексии прибалтийских государств. Появилось много исследований о «зимней войне» с Финляндией. В исторической литературе и публицистике говорится об ошибках и просчетах сталинской дипломатии. В качестве примера приведем коллективную работу — сборник статей и материалов «Другая война. 1939 — 1945» [3]. В то же время во всех спорах преобладает мнение о правильности заключения пакта и несоответствии секретных протоколов широко провозглашавшимся принципам советской внешней политики.

Дискутируется вопрос о времени вступления СССР во Вторую мировую войну: когда Советский Союз ввел войска в Польшу в сентябре 1939 года? когда подчинил Прибалтику? когда начал войну с Финляндией? или же все-таки в 1941 году? На страницах научной периодики ведется полемика о степени сотрудничества Советского Союза с Германией в 1939–1941 годах и крутом повороте в советской политике и пропаганде по отношению к западным демократиям в это время.

Обсуждается не только фактор внезапности, но и вопрос о нанесении Германией в 1941 году превентивного удара против Советского Союза. Особенно взбудоражило общественное мнение появление в России книги В. Суворова (Резуна) «Ледокол», в которой обосновывается мысль, что СССР готовился первым нанести удар по Германии. Широкой поддержки эта точка зрения в обществе не получила.

Много говорится о предвоенных репрессиях в армии, репрессировании народов в годы войны, крайне негативном отношении властей к советским военнопленным. Рассматриваются проблема жестокости сталинского приказа «Ни шагу назад!» (№ 227 от 28 июля 1942 года), в котором в неудачах и отступлении обвинялась Красная Армия, и вопрос об ошибках командования, просчетах, например в 1942 году.

Впервые остро поднят вопрос о «цене» Победы, нередко говорится о том, что жизни солдат и офицеров верховное советское командование не берегло и допускало неоправданные потери. В связи с этим в ряде научных и публицистических работ появились негативные отзывы о советском полководце Жукове [5; 6]. Героизм и патриотизм советских солдат и офицеров никакому сомнению не подвергаются, но обращается внимание на проявление недовольства сталинским режимом, на коллаборационизм. Обсуждаются мотивы поведения генерала А. А. Власова — предатель он или борец со сталинизмом. Впервые рассмотрен вклад заключенных ГУЛАГа в Победу, говорится о произведенной в лагерях продукции, которая использовалась для нужд фронта.

Порой появляются публикации, авторы которых основное внимание уделяют различным негативным аспектам войны и военного времени. Однако, с другой стороны, справедливо задается, к примеру, такой вопрос: «Если все у нас было так беспросветно плохо, нам так не везло с командирами, все, что мы ни делали, оказывалось сплошной цепью ошибок и просчетов, если наши солдаты воевали нехотя... И. В. Сталин был человеком, который на каждом шагу делал только грубые ошибки и этим мешал воевать нашим генералам... то непонятно, каким же образом при этих условиях в конечном счете победителями оказались не немцы, а мы?» [8, с. 15].

Высказывается мысль и о том, что Победа в войне с фашизмом укрепила сталинский режим и советскую систему, поэтому в современных условиях нет необходимости широко праздновать День Победы. С годами уходят ветераны; не так остро, как ранее, воспринимается трагедия войны; тема Победы реже звучит в СМИ, к ней практически не обращаются писатели и поэты, художники и композиторы; она перестала быть идеологическим приоритетом. Следовательно, не является случайным то, что, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, с 2001 по 2009 год в два раза выросла доля тех, кто не знает ответа на вопрос о победителе во Второй мировой войне (с 7 до 15 %), с 92 до 87 % снизилась доля россиян, указывающих на основной вклад СССР в победу над фашистской Германией и ее союзниками [7].

Вместе с тем в научной литературе и публицистике преобладает мнение о том, что благодаря Победе советского народа над блоком фашистских государств все человечество было спасено от угрозы фашистского порабощения, Победа в войне — это историческая гордость и слава России. «День Победы — символ величайшего светлого события... двадцатого столетия...» [8, с. 31]. Такое же мнение распространено и среди российской общественности. Согласно опросам, наибольшее чувство гордости в истории страны у россиян вызывает Победа во Второй мировой войне.

Список литературы

1. *Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945*. М., 1984.
2. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. М., 2002.
3. *Другая война. 1939 — 1945* / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996.
4. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1986. Т. 2.
5. Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Г. К. Жуков: новое прочтение или старый миф. М., 1994.
6. Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Иной Жуков. Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. М., 1996.
7. *Россияне продолжают верить, что СССР мог победить во Второй мировой войне без помощи союзников*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1201441.html>.
8. Саркисов Д. С. День Победы (к 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне). М., 2002.
9. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950.

СЛОВЕСНОСТЬ

В. А. Жуковский как истинный арзамасец мог тонко обыграть... античную традицию, когда в качестве трофея уже не поэт, а воин-победитель получал не только имущество побежденного, но и его самого...

Т. Седова

Раскрываемые А. С. Пушкиным ситуации, стягивающие воедино «приличный хлад» и «правду пылкую» страстей, становятся в его произведениях источником неподдельного драматизма, внутреннего напряжения, душевных борений...

С. Исаев

Мысль, которая определяла весь творческий путь Ф. Н. Глинки: главной ценностью в мире является любовь, проявляющая себя прежде всего в доброте и милосердии.

Н. Жилина

Судьба двух выдающихся поэтов — Пушкина и Байрона — отражает общую проблему, связанную с переводом, потому что они в большой степени сформированы национальным характером и средой...

Н. Соловьева

Галина Седова
(Санкт-Петербург)

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ДЕФИС В ИЗВЕСТНОМ ТЕКСТЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

В кабинете Пушкина, где бы он ни жил, всегда находился портрет В. А. Жуковского, надпись под которым сообщала, что портрет был подарен Пушкину весной 1820 года, в те дни, когда он завершал работу над поэмой «Руслан и Людмила». В черновой рукописи поэмы проставлена та же дата, что и в надписи Жуковского, — «26 ночью» [17, т. 4, с. 272], хотя через день, в воскресенье 28 марта, Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Поэма моя на исходе — думаю кончить последнюю песнь на этих днях» [17, т. 13, с. 10]. Уже год, как

Пушкин знакомил друзей с отдельными частями поэмы, и к середине февраля, по словам А. И. Тургенева, который прослушал ее дважды, он ее «почти кончил» [14, с. 22–23], но только 21 апреля Пушкин завершил наконец П. А. Вяземского: «Поэму свою я кончил» [17, т. 13, с. 10]. По всей видимости, Жуковский поздравил Пушкина с завершением поэмы вчерне, а ее беловая отделка была окончена лишь в апреле.

Поэма «Руслан и Людмила» стала тем произведением большого жанра, которого арзамасцы ждали именно от В. А. Жуковского. Написанная новым, живым языком, такая поэма должна была вытеснить из литературы героическую эпопею классицизма с ее «возвышенной» тематикой и заданностью тем и сюжетов. В конце 1810-х годов Жуковский уже имел план произведения, посвященного славным страницам отечественной истории — времени княжения Владимира Красное Солнышко¹, но его замысел так и не был осуществлен. Пушкин опере-

¹ Подробно об этом замысле и его связи с поэмой Пушкина см. [12, с. 216–221].

дил Жуковского и, обратившись к первоосновам национального духа, создал новую лиро-эпическую романтическую поэму.

В литературоведении утвердилась устойчивая традиция воспринимать надпись под портретом Жуковского как символ безусловного признания им победы Пушкина в борьбе за вершины российского Парнаса. «Добродушный Жуковский, — заметил С. М. Бонди, — сам признал свое поражение в этой литературной борьбе, подарив Пушкину свой портрет с надписью» [2, с. 335]. Хрестоматийная известность этого сюжета лишь усилила однозначность подобного понимания текста, принадлежавшего перу Жуковского.

В 1987 году в сборнике «Жуковский и русская культура» было опубликовано несколько исследовательских работ, в которых представлен более широкий взгляд на эту надпись. Во вступительной статье, посвященной спорным и неясным вопросам в изучении творчества Жуковского, Г. М. Фридлендер выразил свое несогласие с Н. В. Измайловым, утверждавшим, что в начале 1820-х годов побежденный учитель уступил место победителю-ученику. По мнению Г. М. Фридлендера, даже признав победу недавнего «ученика», Жуковский продолжал творить, «оставаясь неуклонно верным своей собственной, отличной от пушкинской, поэтической программе» [20, с. 8].

В том же сборнике в статье, посвященной литературному наставничеству Жуковского, Р. В. Иезуитова показала, что хотя конкретный смысл надписи и состоял в победе Пушкина «в поэтическом состязании с Жуковским (тоже стремившимся создать национальную эпопею)» [9, с. 237], но все же были и другие обстоятельства, определившие возникновение этого текста. По справедливому мнению Р. В. Иезуитовой, Жуковский воспринял появление поэмы «Руслан и Людмила» как свидетельство того, «что пора ученичества для Пушкина миновала и в русскую поэзию вступил вполне самостоятельный и зрелый поэт» [Там же].

Прежде чем приступить к анализу надписи, вспомним об условиях, в которых она появилась. Жуковский, заметивший талант Пушкина еще в пору его ученичества в Лицее, сразу же предложил юному поэту серьезную школу поэтического мастерства. Уже на первых порах их теснейших дружеских контактов он сумел занять ту позицию «старшего друга», а не наставника-опекуна, которая определила уникальный характер их будущих отношений¹. Сам Жуковский, не знавший счастья теплых семейных отношений, всегда испытывал глубочайшую

¹ Вопросу о личном общении поэтов в годы учебы Пушкина в Лицее посвящена статья М. А. Цявловского «Послание "К Жуковскому" ("Благослови, поэт...")» в [21, с. 105–130].

потребность в сердечном участии единомышленников и так писал об этом Н. И. Гнедичу в конце 1814 — начале 1815 года: «Нигде так братство не нужно, как на Парнасе. Ни от кого так одобрение не приятно, как от товарищей» [8, т. 4, с. 561]. В том же письме он предлагал другу: «Давайте же руку, любезный родня по Парнасу. У нас одинакая цель — прекрасное! И так надобно, чтобы мы были добрыми товарищами на дороге к этой цели! Начнем с того, чтобы любить друг друга, следовательно, радоваться взаимными успехами и помогать друг другу в их приобретении» [Там же, с. 560].

По мнению В. А. Жуковского, только имея друзей, с которыми его объединяет «сходство жребия, склонностей, дарований», поэт может быть по-настоящему счастлив. «Их строгая разборчивость его образует, их благодетельное соревнование животворит в нем творческий пламень, в их искренней похвале его воздаяние и слава» [Там же, с. 400]. Священным долгом дружбы он считал протянутую другу руку помощи и поддержки, высоко ценя подлинную дружбу и духовную близость. Свои отношения с юным Пушкиным Жуковский строил, следуя этому идеалу. Неизменное благожелательное внимание к поэтической деятельности друг друга, радость от «взаимных успехов» характерны для всего времени их знакомства. В том же духе дружбы и заинтересованного участия следует рассматривать и надпись под портретом, появившуюся в дни завершения Пушкиным его первого крупного произведения.

Здесь следует вспомнить, что в лицейский период, когда Жуковский с Пушкиным только еще познакомились, и позже, в период их петербургского знакомства, начал складываться своего рода шуточный диалог двух поэтов, их дружеская полемика, в которой последнее слово далеко не всегда оставалось за Пушкиным. По справедливому замечанию Р. В. Иезуитовой, эта полемика, выражала «особый, неповторимый характер их личных и творческих отношений» [10, с. 43]. Они обменивались шуточными экспромтами, приятельскими эпиграммами, шаржами, пародиями. В посланиях Пушкина этого времени образ именитого поэта получает целый комплекс юмористических и даже комических черт. Но в этом Пушкин следовал примеру самого Жуковского, который с не меньшей легкостью переступал рамки традиции [Там же, с. 37 — 38]. Характерным примером вольного обращения Пушкина к умудренному опытом другу стал его пародийный отклик 1818 года на стихотворение Жуковского «Тленность», написанное белым стихом:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная?.. [17, т. 2, с. 464].

Р. В. Иезуитова обратила внимание на то, что внук, от лица которого написана пародия, как будто «обретает черты самого Пушкина, молодого ученика маститого поэта, дерзающего осмеять мудреные опыты своего учителя» [10, с. 44]. Подобные смелые выпады воспринимались совершенно естественно в кругу писателей-арзамасцев, которые рассматривали свое объединение, по выражению П. А. Вяземского, еще и как школу «литературного товарищества», а подчас и литературного ученичества. Под атрибутикой несерьезности, шутовства и ерничества арзамасцы скрывали самое серьезное отношение к процессу творчества и формированию личности художника-творца. В этом одна из причин их неизменного интереса к творческому росту юного Пушкина. Как отмечал Ф. Ф. Вигель, на выпуск Пушкина из Лицея арзамасцы смотрели «как на счастливое для них происшествие, как на торжество. Сами родители его не могли принимать в нем более нежного участия; особенно же Жуковский, восприемник его в Арзамасе, казался счастлив, как будто бы сам Бог послал ему милое чадо» [3, с. 51].

Венец желаньям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!
 <...>

Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра... [17, т. 2, с. 463].

В этом обращении, сохранившемся только в отрывках, Пушкин называл арзамасцев, друзей «смелых муз», античными именами и, в соответствии с арзамасской традицией, воспользовался александрийским стихом. Арзамасцы нередко стилизовали стихотворную технику и речевые обороты под образцы античной литературы, но, в противоположность апологетам классицизма, они пользовались таким приемом как средством создания романтической иронии. Своеобразное травестирование («переодевание») «возвышенных героев» классической античности в не свойственные и чуждые им шутовские одеяния способствовало разрушению классической традиции, за что как раз и ратовали арзамасцы. Этот же излюбленный прием использовал Жуковский, когда писал свои блистательные по стилю и полные юмора протоколы заседаний «Арзамаса». Не случайно его по справедливости считали корифеем «арзамасской галиматии», розыгрыша, пародии.

В 1999 году О. А. Проскурин высказал мнение, что характер надписи под портретом Жуковского «более сложный и более двусмысленный, чем обычно принято считать» [16, с. 53–55], и обусловлен тем игровым диалогом с поэтами-предшественниками, который заключен в поэме «Руслан и Людмила». Впервые в научной литературе О. А. Прос-

курин попытался рассмотреть надпись в шутливо-ироническом, «арзамасском», ключе, полагая, что таким необычным обращением к Пушкину Жуковский признал, что его недавний «ученик» «превзошел его на пути пародической игры» и оказался «царем царства пародии» [Там же, с. 54].

Однако обоснование незамеченного исследователями «арзамасского» смысла надписи в работе О. А. Проскурина было сведено лишь к краткой характеристике значения слова «высокопаторжественный», в котором исследователь рассмотрел подтверждение признания Жуковским «вступления на престол нового царя» поэзии [Там же]. Слова же о Великой Пятнице были интерпретированы О. А. Проскуриным как усиление якобы имевшей место в тексте Жуковского «властительной темы» [Там же]. Между тем уже с самых первых слов обнаруживаются более глубокие подтексты надписи, прочитываемые как в шутливом арзамасском духе, так и в более серьезном аспекте.

Метрика рассматриваемой надписи, построенная на широкой интонационной волне, как будто настраивает читателя на восприятие текста возвышенного, не будничного содержания. Жуковский явно пародирует элегический дистих — один из популярнейших размеров древнегреческой речитативной лирики. Обычно его использовали при написании элегий и эпиграмм. К античной традиции отсылает читателя и содержание надписи. Констатируя факт победы одного поэта над другим, Жуковский опирался на явно знакомую обоим собеседникам традицию соревнований, участниками и победителями которых оказывались именно поэты.

С середины XVIII века русская поэзия оказалась вовлечена в поэтические состязания, связанные в первую очередь с техникой перевода. Так, М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков, «перелагая» 143-й псалом или оду Ж.-Ж. Руссо, состязались с В. К. Тредиаковским в споре об эмоциональном содержании размеров русского стиха. Поэты сумароковской школы устраивали поэтические турниры, заранее задавая друг другу готовые рифмы. Примером такого состязания в буре явились два сонета А. А. Ржевского и А. В. Нарышкина, опубликованные в 1761 году в журнале «Полезное увеселение».

Однако история европейской культуры знала и более масштабные состязания, когда поэты соревновались не «по поводу», а представляли на суд зрителей целые драматические произведения. Поэма «Руслан и Людмила» относилась именно к такого рода произведениям большого жанра. Самыми известными из подобных состязаний были Великие Дионисии — оргические празднества Древней Эллады, посвященные

Дионису — богу, который, считалось, оживал весной и выходил из своего тайного гроба вместе с воскресшею от зимнего сна растительной силой земли.

Празднуя возвращение Диониса к жизни, греки одновременно отмечали и годовщину его благополучного прибытия из восточных стран (Фракии и Индии), куда он был послан на воспитание. Торжества эти происходили в последних числах марта, когда, по обычаю, в Древней Элладе откупоривались бочки с вином, заготовленным осенью. Плутарх обратил внимание на то, что сроки проведения (в дни весеннего солнцестояния) и сам обряд Дионисий соответствовал величайшему и самому значительному празднику иудеев — Пасхе. Слова в надписи Жуковского о Великой Пятнице напоминают читателю именно о преддверии православной Пасхи.

В красочном шествии участвовали сам Дионис и его свита — менады и вакханки. Босые, в длинных одеяниях, с головами, украшенными плющом, вакханки бегали в экстазе по горам, издавая страшный шум своими музыкальными инструментами тимпанами, выкрикивая «Эвой» или «Савой», что символизировало их связь с Дионисом. Непременным атрибутом участниц мистерий были тирсы — деревянные жезлы, увитые плющом и виноградными листьями, увенчанные шишкой пинии — символом мужского созидającego начала. Диониса на таких празднествах изображал жрец, в бороду и кудри которого вплетали ветви плюща и гроздья винограда.

Картины безумных оргических празднеств можно найти во многих стихотворениях ближайшего окружения Пушкина и Жуковского. В 1815 году о них писал К. Н. Батюшков в «Вакханке»:

...Я настиг — она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоз! и неги глас! [1, с. 190].

Не исключено, что обряд вакханалии был известен Батюшкову и его современникам по рассказу Еврипида в «Вакханках», хотя к началу XIX века литература обогатилась уже немалым количеством французских и немецких романтических произведений с подобными сюжетами. В 1812 году к этой теме обратился и Жуковский, когда перевел стихотворение Дж. Драйдена «Пиршество Александра, или Сила Гармонии»:

Хвалою Бахуса воспламенились струны:
«Грядет, грядет веселый бог,
Всегда прекрасный, вечноюный.
Звучи, кимвал; раздайся, рог;
Наш Бахус светлый, сановитый;
Как пурпур, пламенны ланиты;
Звучи, труба! грядет, грядет!..» [8, т. 1, с. 139].

В лицейский период в произведениях юного Пушкина, воспевающего эпикурейское отношение к жизни, господствовали анакреонтические сюжеты и персонажи, среди которых находили место и Вакх, и его свита — вакханки, фавны и сатир — «резвых фавнов господин» [17, т. 1, с. 54]. В поэме «Монах» «вечноюный» Вакх (явная реминисценция из Жуковского) является во сне несчастному иноксу Панкратию, и тот в ужасе вынужден принять участие в дионисийских забавах. Но самое яркое и подробное описание этих игр дано в стихотворении Пушкина «Торжество Вакха» (1818):

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?
Что значат радостные лики
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.
Но двинулись толпы народа...
Он приближается... Вот он, вот сильный бог!
Вот Бахус мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!
О, радость!..

<...>

Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

<...>

За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющом опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой
Во след за быстрой колесницей [Там же, т. 2, с. 53—54].

В 534 году афинский тиран Нелеид Писистрат, смирив безудержный разгул вакхических действий, включил Великие Дионисии в число общегосударственных праздников, которые проводились раз в два го-

да (в так называемых «триетеридах») на священной горе Парнас, там же, где, по представлениям греков, обитали Аполлон и его Музы. По замыслу Писистрата, Великие Дионисии были украшены еще одним видом представления — трагедией, разыгрываемой на сцене. Как известно, автор лучшей трагедии получал венок из плюща и бронзовый треножник, устанавливаемый на особом постаменте с выбитой на нем краткой хвалебной надписью — эпитафией. Подобный треножник упомянут в стихотворении Пушкина «Поэт», где толпа «плюет на алтарь, где твой огонь горит, / И в детской резвости колеблет твой треножник» [Там же, т. 3, с. 223], а также этот образ использован в известной статье Вл. Ходасевича «Колеблемый треножник».

Всякий образованный человек пушкинского времени знал имена прославленных победителей Великих Дионисий — трех величайших классиков Античности: Эсхила, Софокла и Еврипида. Считалось, что Эсхил побеждал на Великих Дионисиях 12 раз, но однажды уступил победу своему молодому ученику Софоклу. Со временем был побежден и Софокл, причем также своим учеником — Еврипидом¹.

Выразительное описание дионисийских состязаний, хотя и имеющее сатирический оттенок, содержится в комедии Аристофана «Лягушки». Имя этого античного автора прочно вошло в литературный обиход арзамасцев, которые звали своего недруга комедиографа князя А. А. Шаховского «новым Аристофаном». Тонкая ирония и комизм «Лягушек», кажется, родились не в IV веке до н. э., а в недрах самого «Арзамаса». Не случайно арзамасцы величали Аристофана «самым необузданным стихотворцем» Античности [19, с. 102].

Действие «Лягушек» разворачивается в царстве мертвых, где «новоумерший» трагик Еврипид пытается оспорить славу великого Эсхила. Трагики включаются в горячий спор о назначении их искусства, о роли поэта и поэзии в духовной жизни афинян. При этом проявляется сущность двух противоположных стилей: стиль Еврипида, близкий к обыденной жизни, и величавый, возвышенный стиль Эсхила. По мнению Аристофана, трагедии Еврипида воспитывали лжецов и лицемеров, политических авантюристов и болтунов, процветающих в народном собрании Афин. Эсхил же, напротив, учил на героических примерах доблести, мужеству, стойкости, любви к отечеству.

¹ К числу знаменитых учителей и учеников Античности принадлежали не только поэты-трагики, но также философы (Платон — ученик Сократа, Аристотель — ученик Платона) и даже государственные деятели (Александр Македонский — ученик Аристотеля).

Чтобы оценить заслуги того и другого трагика, в ходе состязания все их слова (метафоры, сравнения, эпитеты) укладывали на чаши весов. Солидный стих Эсхила всякий раз перевешивал легкомысленную болтовню его соперника, и Дионис, выступивший судьей на этих состязаниях, увел победителя с собой, чтобы возродить в Афинах дух героического, патриотического искусства. Примечательна речь самого Эсхила, покидающего Аид: он просит передать свой престол под охрану Софокла, которого считает вторым после себя поэтом.

Нельзя исключить, что Жуковский, который был активным участником и зачастую инициатором литературных арзамасских забав, во многом построенных на обыгрывании античных сюжетов, при составлении надписи под портретом, подаренным Пушкину, мог иметь в виду подобные античные состязания. Как в своих балладах он вслед за Шиллером превращал богов и героев Древней Греции в собственных современников, так и в дарительной надписи, обращенной не к простому смертному, а к поэту, он мог уподобить себя древнегреческому автору похвальных эпиграмм. Его текст и по форме схож с такими эпиграммами: основной тезис в нем с предельным лаконизмом и ясностью обозначен в самом первом предложении. Следующая фраза, как и полагалось, служит дополнением или расширением предыдущей [5, с. 356 – 358].

Надо сказать, что у древних греков одной из излюбленных тем такого малого лирического жанра была именно оценка деятельности поэтов и художников, а также их отдельных произведений. По такому принципу Феокрит восхвалял Архилоха, Асклепиад — поэму Антимаха «Лида», Леонид — поэзию Гомера, Эринны, Анакреонта и т. д.

Поднося свой дар, Жуковский как истинный арзамасец мог тонко обыграть и еще одну античную традицию, когда в качестве трофея уже не поэт, а воин-победитель получал не только имущество побежденного, но и его самого. Жуковский, шутя, предоставлял победителю свой собственный портрет.

Мысль Жуковского о поражении недавнего «учителя», который, казалось, по определению не мог быть побежден своим же учеником, возможно, отсылала читателя надписи к древней латинской поговорке, согласно которой и победитель может оказаться побежденным. Образцы модификации этой поговорки в произведениях позднеантичных авторов (Плавта, Петрония, Овидия, Сенеки, Плиния Старшего, Дионисия Катона и др.) приведены в «Словаре латинских и греческих крылатых слов» Р. Този. Изящность ее употребления заключается в признании этими авторами переменчивости Фортуны и условности

перехода от поражения к победе: «Vincendoque victi sumus» («Побеждая, мы были побеждены»); «Semper in hac re qui vincitur, vincit» («В этом деле тот, кого побеждают, выходит победителем»); «Redit et victoria victis» («И к побежденным возвращается победа») [22, с. 565–566]. Наконец, в популярном в Средневековье и Новое время сборнике поучений Дионисия Катона читаем: «Видя, что кто-то сильнее тебя, отступи ненадолго: / Часто бывает, что так побежденный приходит к победе» [6, с. 400].

В 1813 году эту же поговорку блестяще обыграл Байрон, когда писал в «Оде к Наполеону»: «Ты, победитель, побежден!». В. А. Жуковскому и его собеседнику была известна и знаменитая сентенция Горация, построенная на этой же поговорке: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лаций суровый искусства внеся...» [11]. Гораций писал не о физической победе. Победители-римляне, признав духовную победу побежденной Греции, фактически одержали победу над самими собой. Эта двойная нравственная победа побежденных греков и победителей-римлян обеспечила выживание как самого Рима, так и всей будущей цивилизации, где одной из главных ценностей стало обретенное умение понять и принять другого.

Возвращаясь к надписи под портретом В. А. Жуковского, следует обратить внимание на то, что для придания синтаксической прочности признанию победы начинающего поэта над собой Жуковский логично и вместе с тем весьма поэтично употребил дефис, накрепко связав слова «победитель» и «ученик», «побежденный» и «учитель», образовав емкие смысловые пары. При этом он использовал обратный порядок слов, где вместо «ученику-победителю» поставил «победителю-ученику». В результате этой словесной перестановки изменилось семантическое наполнение и разрушился привычный ритм предложения, возникла довольно выразительная эмфаза — смысловое ударение упало теперь не только на первое, но и на следующее за ним слово: выделенными оказались и «победитель», и «ученик», и «побежденный», и «учитель». Инверсия и дефисное соположение слов дали возможность построить всю фразу в духе античной традиции — на восходящей ритмической волне от безударных слогов к ударным. В результате слова Жуковского звучали мерно и величественно. Инвертирование позволило «приподнять» значимость недавнего ученика в глазах читателя, подчеркнув, что победителем является не кто-нибудь, а именно он — ученик. Но при этом — не уронить значение роли и его наставника — «учителя», который оказался стоящим в конце фразы, т. е. в ритмически сильной (концевой = ударной) позиции: «Победителю-ученику от побежденного-учителя».

Особо обращает на себя внимание дефис, поставленный Жуковским в словосочетании «от побежденного-учителя». В исследовательской литературе при цитировании надписи этот второй дефис никогда не воспроизводится. Очевидно, это связано с тем, что по привычной *произносительной* норме рядом стоящие слова «побежденный» и «учитель» прочитываются (а точнее, произносятся и воспринимаются на слух) прежде всего как определение и определяемое слово. И в этом случае они не должны и не могут быть соединены дефисом, поскольку в такой позиции «побежденный» воспринимается определением, выраженным причастием, согласованным с существительным «учитель», и обозначает признак субъекта по действию.

Использование Жуковским дефиса превращает причастие в существительное (субstantивированное причастие, образованное переходом одной части речи в другую). Добавочное действие причастия преобразовывается, таким образом, в основное значение субстантива («побежденный» как существительное). И благодаря этому весомость всей фразовой структуры возрастает, усиливается: адъектив замещается субстантивом, добавочный признак перерастает в основной. В оппозиции теперь оказываются не победивший ученик и побежденный учитель, а победитель-ученик и побежденный-учитель. Взамен столь популярной в романтизме бинарной оппозиции на поэтическом уровне между новообразованными понятиями возникает интонационное и смысловое равновесие.

Это равновесие задано как симметрически-зеркальным ритмом построения фразы, так и графически: две пары слов, составляющие суть надписи, проставлены под портретом строго на оси по обеим сторонам от предлога «от». Оказавшийся в самом центре надписи, этот крошечный предлог превратился в своеобразную точку опоры, размещенную будто в середине рычажных весов с одинаковыми плечами. Подобно лейтмотиву в музыкальном произведении, анафорически звучащие торжественные слова «победителю» и «побежденного» придают мысли Жуковского особую выразительность.

Характеризуя стиль Жуковского, Ц. С. Вольпе, а затем и Г. А. Гуковский писали о том, что в его поэтической речи слово часто становилось «не столько понятием, сколько символом — способом подсказать читателю душевное состояние, которое часто даже не может быть выражено в слове точно» [4, с. 362]. Г. А. Гуковский отмечал, что для таких слов-символов Жуковский умел отыскивать «внесинтаксические, внеграмматические средства выделения», такие как курсив или внешнее подчеркивание, а в печати — особый шрифт [7, с. 67]. В нашем

случае подобным «значительным» словом-символом оказалось слово «побежденный», совершившее неморфологический переход из причастия в существительное, а «внесинтаксическим средством» его выделения — ничтожный дефис, придавший вес и значительность всей фразе-посвящению.

При цитировании надписи Жуковского под его портретом обычно не учитывается не только постановка дефиса во второй паре слов, но остается незамеченным и деление текста на несколько предложений. Следует присмотреться: после слов о побежденном-учителе у Жуковского стоит жирная точка, а следующее предложение начинается с новой строки и с большой буквы: «В тот высокаторжественный день...»

Как отмечалось выше, О. А. Проскурин предположил, что Жуковскому понадобилось прилагательное «высокаторжественный», придающее надписи ярко выраженную пафосную окраску, чтобы в шуточном арзамасском ключе объявить день создания «Руслана и Людмилы» днем рождения монарха русской поэзии [16, с. 54]. При этом исследователь исходил из ошибочного предположения, что «высокаторжественными» в России считались исключительно царские дни — дни коронаций и тезоименитств царя, царицы или наследника.

Между тем к разряду «высокаторжественных» относились царские дни в самом широком смысле — связанные как с царем земным, так и с небесным. Это были все Великие праздники, в том числе храмовые и царские, во время которых церковная служба была особенно пышной, а в столицах еще и сопровождалась крестным ходом. К таким дням относится и день Светлого Христова Воскресения, в канун которого была составлена надпись В. А. Жуковского. Автор надписи не стал кощунственно соединять день завершения новаторской поэмы Пушкина с Великим днем Воскресения, но, называя такой день высокаторжественным, косвенно указал на особую значимость появления поэмы для отечественной литературы.

Любопытно, что в XVIII столетии «высокаторжественными днями вечного замирения» [15, с. 11–36] также называли годовщины подписания мира с соседними государствами (так называемые викторианские дни). Такая трактовка понятия, примененного В. А. Жуковским, также оказывается близкой к содержанию его надписи, которая была призвана не только объявить о победе недавнего ученика, но и закрепить равенство новоявленного победителя и его творческого наставника. Совершенно в духе идеалов Жуковского надпись как будто примиряла недавних учителя и ученика, уравнивала их заслуги перед отечественной культурой. «Властительная» же тема здесь никак

не просматривается. К тому же искренние монархические настроения Жуковского вряд ли позволили бы ему решиться, даже в шутку, поставить юношу-поэта вровень с порфиноносным владыкой. На наш взгляд, решающее значение при выборе этого термина сыграла его высокая духовная составляющая.

Завершая надпись, В. А. Жуковский посчитал недостаточным просто зафиксировать дату своего поздравления: «1820 Марта 26 дня». Как и Пушкину, который отметил эту же дату в черновике поэмы, Жуковскому могло показаться символичным совпадение момента окончания эпохального труда молодого поэта с днем Великой Пятницы, когда христиане вспоминают о завершении земных трудов Спасителя. Остатываясь на этой знаковой для каждого христианина дате, Жуковский перевел внимание читателя от античных реалий к евангельской тематике, возвращая надписи всю ее нешуточность, серьезность, значимость и значительность.

Дни Страстной недели наводили на мысль об *ином* Учителе и *иных* учениках. В такие дни вспоминалось учительство Спасителя и те наставления, с которыми он не однажды обращался к своим ученикам — святым апостолам: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего» (Мф 24); «Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его» (Мф 25). Таким образом, соотношение извечных библейских понятий «Учитель» и «ученик» могло составлять еще один скрытый пласт раздумий «побежденного-учителя» в день Великой Пятницы. Именно евангельский смысл этих понятий прослеживается во многих произведениях русской литературы XIX столетия¹.

Реалии Страстной Пятницы — это и те предсказания, с которыми Христос обратился к ученикам по пути в Гефсиманию. То, о чем он говорил в те священные минуты, было близко и понятно Жуковскому, ценившему душевные добродетели человека выше суетных и преходящих внешних достоинств.

При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою [8, т. 1, с. 213].

Неудивительно, что он считал своим долгом донести эти мысли и чувства до сознания и души своего недавнего ученика. Несколькими

¹ «Учитель! перед именем твоим / Позволь смиренно преклонить колени», — писал Н. А. Некрасов, обращаясь к памяти реального, земного человека В. Г. Белинского [13, с. 266].

годами позже, когда Пушкин будет задыхаться в своем михайловском заточении, Жуковский напишет известные ныне строки: «...у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья и обратиться в добро заслуженное. <...> Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые, шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, есть ли употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, есть ли захочет сам. Плыви, силач. А я обнимаю тебя» [17, т. 13, с. 120].

Чувствуя недостаточность силы своего слова, обращенного к Пушкину, Жуковский признавался в 1826 году П. А. Вяземскому, что «желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: "Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более всех твоих предшественников! Пойми свою высоту и будь достоин своего назначения!..."» [8, т. 4, с. 588].

В канун Светлого Христова Воскресения 1820 года Жуковский не мог не помнить о том, как Христос предупреждал святых апостолов, что за свою божественную избранность им предстоит пережить в этом мире великие скорби и печали, познать хулу и непонимание, проявив при этом терпение и покорность судьбе. Именно эти откровения Спасителя всегда вспоминают на первом часе Страстной Пятницы, т. е. около 7 утра, когда в храмах читается I Евангелие с рассказом о событиях Гефсиманской ночи. Жуковский, будучи придворным, не мог не присутствовать в такие минуты в храме вместе с членами императорского двора. Все дальнейшее пятничное богослужение посвящено памяти о крестном пути Спасителя, о тех физических и душевных страданиях, которые он сам должен был снести на пути к своей духовной победе — Воскресению.

Имея перед собой практически завершенный поэтический опыт Пушкина, Жуковский предвидел его несомненный успех. Вместе с тем в духе размышлений о Страстной Пятнице он не мог не тревожиться о том, достойно ли переживет его юный друг предстоящее испытание первыми победами, достанет ли ему мужества противостоять соблазнам молодости, наконец, усвоит ли он основную идею Великой Пятницы о том, что очищение и спасение души, а значит, и победа над самим собой возможны только на пути преодоления страстей, страданий и скорби. Ведь выиграть ритуальное состязание — значит совершить только самый первый шаг к торжеству своей будущей славы.

Сегодня эта надпись помогает рассмотреть еще одну грань взаимоотношений двух поэтов, которые воспринимали свое творческое состязание как дарованную свыше величайшую радость поэтического и физического существования, но которые вместе с тем осознавали и всю свою ответственность перед миром за дар, отпущенный им судьбой. Исследуя поэму «Руслан и Людмила», Б. В. Томашевский заметил, что вся она принадлежит не настоящему, а будущему русской литературы. Похоже, что созданная в связи с появлением этой поэмы надпись под портретом В. А. Жуковского также не только фиксировала свершившееся событие, но и была обращена к будущему Пушкина и его творческой судьбе.

Как известно, в своих духовных исканиях Пушкин не однажды возвращался к этим животрепещущим для каждого поэта вопросам — о месте поэта в современном ему мире и о том, сколь трудна дорога к подлинной духовной победе. Во многих его произведениях, вплоть до стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», будут слышны отголоски его творческого диалога с Жуковским на эти темы.

Список литературы

1. Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964.
2. Бонди С. М. Вступительная статья // Пушкин А. С. Поэмы. М., 1975.
3. Вигель Ф. Ф. Записки. СПб., 1892. Ч. 5.
4. Вольпе Ц. С. Жуковский // История русской литературы: в 10 т. Т. 5: Литература первой половины XIX века, ч. 1. М.; Л., 1941 — 1956.
5. Гаспаров М. Л. Об античной поэзии. СПб., 2000.
6. Гаспаров М. Л. Поздняя латинская поэзия. М., 1982.
7. Жуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.
8. Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л., 1960.
9. Иезуитова Р. В. Жуковский и Пушкин: (К проблеме литературного наставничества) // Жуковский и русская культура: сб. науч. тр. Л., 1987.
10. Иезуитова Р. В. Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10.
11. Квинт Гораций Флакк. Собр. соч. СПб., 1993.
12. Назарова Л. Н. К истории создания поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1.
13. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 3 т. Л., 1967. Т. 2.
14. Остафьевский архив князей Вяземских: в 5 т. / под ред. и с прим. В. И. Саитова. СПб., 1899 — 1913. Т. 2.
15. Погосян Е. А. Князь Владимир в русской официальной культуре начала правления Елизаветы Петровны // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. 5 (Новая серия). Тарту, 2005.

16. Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.
17. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1947 – 1949.
18. Томашевский Б. В. Пушкин. Книга первая (1813 – 1824). М.; Л., 1956.
19. Уваров С. С., Батюшков К. Н. О греческой антологии // «Арзамас»: сб. в 2 кн. Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса». М., 1994.
20. Фридлиндер Г. М. Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Жуковский и русская культура: сб. науч. тр. Л., 1987.
21. Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962.
22. Tosi R. Dizionario delle sentenze latine e greche. Milano, 1991.

Сергей Исаев
(Великий Новгород)

«МОЛЧУ... И ВТАЙНЕ Я СТРАДАЮ...»:
антропология и поэтика концептов «лицемерие»
и «приличие» в лирике Пушкина 1810—1820-х годов

Пушкинская поэтика масок включает три выразительные системы, связанные соответственно с понятиями лица, маскарада, имени. Остановившись на первой из них, мы попадаем в широкий круг идей и образов, сформированный к началу XIX века феноменом «лица» благодаря использованию его в качестве маски.

Художники XVIII столетия видели истоки лицемерия в утвердившейся несправедливой стратегии социального становления, вынуждавшей человека хитростью и обманом прокладывать себе путь к успеху [10, с. 45—49]. Но одновременно XVIII век с его классцистскими традициями «научил, что душевно жить жизнью нации — проявление культурности, цивилизованности, человечности» [2, с. 18]. С открытием «внутреннего человека» XIX век показывает сложность исполнения позитивных требований, потому что человек шире правила, полнее установления, одобряемого моралью.

В конце 1810-х годов в России начинается очередная «переходная» эпоха. С одной стороны, продолжали появляться новые журналы, издаваться альманахи, переводиться и публиковаться зарубежные книги и создаваться свои. В обеих столицах не прекращалась деятельность дружеских обществ, салонов, вечеров и концертов. Все это говорило о том, что общество еще не потеряло инерции движения к идеалам свободы.

С другой стороны, о завершении времени либерализма и свободымыслия говорили перемены, входившие в повседневный служебный

распорядок и в ритм частной жизни. В качестве знаковых воспринималось учреждение в столичных университетах богословских кафедр, исключение из учебных планов гимназий философии, политэкономии, теории коммерции и замена их Законом Божиим и «чтением Священного Писания», запрет на преподавание эстетики как самостоятельного предмета, на приглашение в профессора лиц, обучавшихся ранее за границей, подозрительное отношение к отечественным преподавателям, ориентировавшимся на системное изложение философских взглядов Шеллинга, и много другое [6, с. 241 – 243].

В новой общественной ситуации потребность жить «жизнью нации» по-прежнему остается актуальной, но ее реализация приобретает новые формы. Как ответ на внутреннюю жажду самоутверждения в широком поле социума в культурной парадигме начала XIX века появляются попытки оправдания авантюристности. Одна из них была предпринята профессором Царскосельского лицея А. П. Куницыным. Педагогическая деятельность молодого профессора права в Лицее вдохновлена верой в свободу личности. «Каждый человек, — утверждал Куницын, — может располагать своими духовными и телесными силами по своему усмотрению и требовать от других, чтобы ему в том не препятствовали» [13, с. 53]. Идея свободы соединена Куницыным не только с высокой оценкой совести, долга, потребности служить Отечеству, но и с жаждой славы. В приветственной речи при открытии Лицея он высказал твердую уверенность в том, что настоящая личность не может и не должна «смешаться с толпой людей обыкновенных, пресмыкающихся в неизвестности и каждый день поглощаемых волнами забвения» [12, с. 8]. Вместе с тем в лекциях Куницына по «естественному праву», которые лицеисты воспринимали с особым интересом, «право личности» на свободу ограничивается таким же правом другой личности: «Человек имеет право на все деяния и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может» [13, с. 34]. Поэтому и в воспитательной программе лицеистов нравственно-социальные аспекты публичного «поведения» вынесены Куницыным на передний план: «Наука общежития есть первый предмет воспитания. Под сим словом разумеется не искусство блистать наружными качествами, которое нередко бывает благовидною личиною грубого невежества; но истинное образование ума и сердца, отличающее человека» [12, с. 3 – 4].

Интересующая нас проблема лицемерного притворства просматривается в том ценностном поле, где, по мнению Куницына, перекрещиваются право и мораль, определяющие в поведении человека соот-

ношение внешнего и внутреннего. Куницын не одобряет благополучность, утверждаемую каждым индивидуально на юридических основаниях наследства, должности или чина, потому что юрисдикция держится за внешние показатели общежития: «Какая польза гордиться титлами, приобретенными не по достоянию, когда во взорах каждого видны укоризна или презрение, хула или нареkanie, ненависть или проклятие?..» [Там же, с. 7]. Достойны же человека те поступки, которые побуждены глубоко внутренними мотивами, так как только они подвластны нравственной оценке¹. Осознание нравственного закона вплотную подводит к проблеме поведенческих доминант. С ними и связано отношение к лицу как части человеческого тела, отражающей состояние души: «Но при сих высоких добродетелях сохраните сию невинность, которая блистает на лицах ваших, сие простосердечие, которое побеждает хитрость и коварство, сию откровенность, которая предполагает беспорочную совесть, сию кротость, которая изображает спокойствие души, необуреваемой сильными страстями, сию скромность, которая служит прозрачною завесою отличным талантам» [12, с. 8].

Определяя существо лицемерия, Пушкин в зрелые годы подчеркивает раздвоение в человеке разума и натуры, вступающих в борьбу между собой. Однако появление маски, по Пушкину, не является автоматическим показателем измеления человека: «Анджело лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!» [18, т. 12, с. 160].

В этом аспекте замечательна цельность поведения самого поэта, о чем в конце XIX века писал А. Ф. Кони. Последний подчеркивал, что Пушкиным всегда руководило неизменное стремление к высшей правде, а не к правде в пределах факта и угождения посредственности и случаю: «Признавая обычным явлением связь гениальности с простодушием и величия характера с откровенностью, Пушкин сам являл пример их, следуя совету из своего "Подражания Корану": "Мужайся ж, презирай обман, / Стезю правды бодро следуй..." Ложь была ему ненавистна до забвения собственной опасности» [11, с. 11 – 12].

¹ В лекциях по «естественному праву» Куницын утверждал: «Нравоучение объемлет все деяния как внутренние, так и внешние. По правилам оного всякое деяние тогда только имеет нравственное достоинство, когда проистекает от доброй воли, то есть когда нравственный закон служил побуждением к оному; законы права только на внешние деяния простираются. <...> Нравоучение имеет предметом внутреннюю свободу человека, а право внешнюю» [13, с. 10].

По мнению Н. Н. Скатова, стержень пушкинской личности определен тем, что гениальный русский поэт «совершил весь человеческий цикл в его идеальном качестве», без кризисов и срывов [19, с. 9]. Понятие «идеальности» у Н. Н. Скатова вполне закономерно охватывает различные сферы пушкинского творчества — авторскую индивидуальность, создаваемые ею формы художественной антропологии, стиля и поэтики.

Не удивительно, что и образ пушкинской музы, созданный поэтом уже на раннем этапе становления, лишен несбалансированных противоречий и раздвоения, характерных для модели лицемерного мировосприятия. В послании «К Н. Я. Плюсковой» (1818) Пушкиным подчеркнуты неподкупность и искренность вдохновения, гражданская направленность творческих устремлений, следование нравственно сориентированным правилам в сфере поэтического выражения (скромность, благородство, простота):

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.

<...>

Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхом русского народа [18, т. 2, кн. 1, с. 65].

Пушкинское отношение к притворству и лицемерию обостряет понимание внутренних связей между его антропологией, этикой и этологией. Ряд исследователей, выдвигая в качестве центральной проблему целостного человека, видят заслугу Пушкина в разработке им особого многополярного художественного мира и его составляющих: тела и духа, бренного и вечного, прозы и поэзии [21, с. 26]. И здесь для понимания секретов пушкинского мира немаловажна даже установка на простую констатацию противоречий его антропологии¹ и указания

¹ Так, исследователь А. Мадорский, предполагая, что гениальный русский поэт не обладал сильной натурой, но был человеком неуравновешенным, не твердым и непоследовательным, заключает, что как раз именно поэтому Пушкин уважал и ценил людей сильных и последовательных, однако сам всегда впадал в противоречия и лицемерные обманы, «тянулся к твердой определенности других, да ничего не получалось у самого. То настроение, то выгода диктовали поведение беспринципное» [15, с. 9].

на отсутствие у Пушкина гармонии¹. Тем не менее более продуктивным исследование оказывается тогда, когда раздвоение пушкинских героев и их умение царственно «отступать в сторону» [22, с. 28] рассматривается как своеобразный и отвечающий духу своего времени способ примирения с социальной действительностью. Понимание внутренней логики Пушкина и его героев, согласно которой они, попадая в затруднения, «простодушно отменяют для себя действие правил, выводят себя из-под их абсолютной юрисдикции, поскольку с самого начала ей не подлежат» [Там же, с. 17], становится предостережением от искушающего желания низвести гения с пьедестала².

Внимание к драматизму продуцируемых эпохой притворных ситуаций связывает Пушкина с исканиями его непосредственных предшественников — Батюшкова и Жуковского. Вместе с тем художественное решение Пушкиным конфликтов, основанных на притворстве и лицемерии, делает очевидным водораздел между художественным исканиями начала 1810-х годов XIX века и пушкинской эпохой. У Батюшкова драматизм качественного подхода к коммуникации держится не только на философских основах сенсуализма, натурфилософии и новой французской историографии, но и выверен ценностными критериями эпохального события — войны 1812 года. Конфликты, связанные с лицемерием, Батюшков воспринимает как повод для осмысления эстетической составляющей человеческого общения. Романтическим восприятием начала XIX века красота межличностного взаимодействия структурируется по двум осям: по линии соответствия контактов устоявшимся формам общения, где семантика и ценности формировались не только существом взаимных реакций, но и их яркостью, отлаженностью, напряжением, а также тем, насколько они отвечали идеальным стремлениям общающихся. Для Батюшкова свет — «единственная школа учтивости и так называемого хорошего тона», и поэтому «писателю должно быть *иногда* в большом свете» [1, т. 1, с. 269]. Однако «учтивость» и «хороший тон» в художественной системе Батюшкова лишены того доминантного начала красоты, которое

¹ «Нежность и хамство, — читаем у А. Мадорского, — скабрзные шутки и романтические восторги, отвагу и трусость являет он без передыху. Никакой гармонии. Причем, повторяю, отсутствие гармонии сжимает и рвет его собственное сердце» [Там же, с. 300].

² А. Мадорский пишет: Пушкин был уверен, что «якобы великий человек и подл, и низок совсем иначе, нежели человек обыкновенный. Вот уж чепуховина, на суетной гордыне произросшая! На страшном суде перед Господом за грехи прекрасными стихами не откупишься, не заслонишься», [15, с. 300].

составляет стержень иной модели «непритворного» общения, открытой и усвоенной поэтом в военных походах. В прозаическом опыте «Путешествие в замок Сирей» (1815) поэт утверждает, что «сладкие разговоры, основанные на откровенности сердечной, известны более добродушным воинам», нежели «жителям столицы и блестящего большого света» [Там же, с. 105]. В таком ценностном контексте иначе понимаются и приведенные выше этикетные формы. Маски приличия («учтивость», «хороший тон») представляют человеческую личность лишь в отточенности и завершенности ее сугубо внешнего облика. Своеобразие формовыражений ценностных запросов общения делает в глазах Батюшкова повседневную светскую жизнь сухой и не поэтичной. Общение с людьми, «которых нравы испорчены, сердце грубо, ум развязан и тонок», истощает творческого человека, постоянно требуя резких, тонких замечаний, беспрестанного остроумия.

«Приличию» в художественной системе Батюшкова противостоит Лицо с большой буквы. Поэт воспринимает эту часть человеческого тела как некий реальный, обыденный и одновременно феноменальный знак, сообщающий о чудесном схождении внешних и внутренних сил для выявления всего человека. Таким в «Воспоминаниях о Петине» увиделось Батюшкову лицо его боевого друга: «Тысячи прелестных качеств составляли сию прекрасную душу, которая вся блистала в глазах молодого человека. Счастливое лицо, зеркало доброты и откровенности, улыбка беспечности, которая исчезает с летами и с печальным познанием людей, все пленительные качества наружности и внутреннего человека достались в удел моему другу. Ум его был украшен познаниями и способен к науке и рассуждению, ум зрелого человека и сердце счастливого ребенка: вот в двух словах его изображение» [Там же, с. 299]. Приличие и лицемерие продуцируют неразрешимый внутренний конфликт между поэтическим и обыденным, «ибо какое-то простодушие есть истинный характер любимца Муз, а простодушие в обществе сначала смешно, а потом и скучно» [Там же].

Батюшков винит в лицемерии не столько свет, сколько само устройство мира и природу человека. Вместе с тем жизнь стихотворца, осмысляемая «научно», не должна оставлять зазора между своим нравственным императивом и нравственным императивом поэзии: «Первое правило сей науки должно быть: живи как пиешь и пиши как живешь...» [Там же, с. 41]. Неприятие масок «учтивости» и «хорошего тона» становится почвой для формирования особой, эскапической модели жизнеспособности и поведения: «Друг милый, ангел мой! сокроемся туда, / Где волны кроткие Тавриду омыают. <...> / Мы там, отверженные роком, / Равны несчастьем, любвию равны, / Забудем

слезы лить о жребии жестоком...» («Таврида», 1815) [Там же, с. 187]. По этому же направлению в начале своего пути пойдет и Пушкин.

Отношение Жуковского к притворству в своей основе такое же, как у Батюшкова, поскольку оно опирается на сходную жизнестроительную теорию¹. У Жуковского, как и у Батюшкова, понимание драмы общения восходит к научным исследованиям природы человека. Не менее важен для него и личный опыт, вынесенный из событий войны 1812 года, и знания того, как ведет себя человек в минуты высочайшего риска: «В шатрах, на поле чести, / И жизнь и смерть — все пополам; / Там дружество без лести, / Решимость, правда, простота, / И нравов непритворство, / И смелость — бранных красота, / И твердость, и покорство» («Певец во стане русских воинов», 1812) [8, т. 1, с. 130].

Вместе с тем в понимании противоречивости человеческой натуры Жуковский идет дальше Батюшкова. Нельзя не согласиться с А. С. Янушкевичем, что в элегиях Батюшкова «"внутренний человек", несмотря на дисгармоничность духовного мира самого поэта, живет с постоянной оглядкой на идеалы античности, гармонию человеческих отношений. В балладах Жуковского герои живут уже без оглядки: они безрассудны в своих чувствах и поступках» [24, с. 108]. Последнее так или иначе объясняет у Жуковского иной принцип развязки конфликтов, связанных с притворством. Для него «отгороженность человека от людей, одиночество — не счастье, как о том говорили европейские романтики, а беда, причина эгоизма и творческого бессилия...» [Там же, с. 34]. Вот почему Жуковский уже в 1808 году в статье «Писатель в обществе» вынужден будет дифференцировать стратегии жизнеповедения применительно к разным прослойкам света: высшего общества как такового и так называемого «большого света». Выделив понятие «большой свет», автор статьи недвусмысленно подчеркнул его элитарность и, соответственно, особый, истинный характер общения в его рамках. Говоря о важности участия писателя в жизни этого узкого круга людей, Жуковский оправдывает элитарность поведения необходимостью развития и продвижения культуры в обществе в целом. «Слово: *большой свет* означает круг людей отборных — не скажу лучших, —

¹ «А я себе часто говорю (не знаю только, буду ли в состоянии исполнить): "Живи как пиппеш!" То есть и в том и в другом одинакая цель и одинакое совершенство. Чтобы человек моральный не был несхожден с человеком с талантом» [8, т. 3, с. 438]. Сходные принципы Жуковским формулируются и в лирике: «Таков к друзьям заочно, / Каков и на глазах — / Для них стихи кропает / И быть таким желает, / Каким в своих стихах / Себя изображает» («К Батюшкову») [Там же, т. 1, с. 177].

превосходных пред другими состоянием, образованностью, саном, происхождением; это республика, имеющая особенные свои законы, покорная собственному идеальному и всякую минуту произвольно сменяемому правителю — моде, где существует общее мнение, где царствует разборчивый вкус, где раздаются все награды, где происходит оценка и добродетелей и талантов» [Там же, т. 3, с. 365].

Перенести непритворную модель в широкие круги социума Жуковскому, как и Батюшкову, не представлялось возможным. Феноменальности истинного общения, его «непритворству» противостоят нравы и законы света, с которыми Жуковский, в отличие от Батюшкова, примиряется. Достается поэту это решение дорогой ценою — утратой счастья и вынужденным «приобретением» маски приличия. «С вами, с друзьями сердца, с верными товарищами жизни, я был бы счастлив: то есть и уважал и делился бы всем, что есть хорошего в душе, без всякого принуждения; не было бы ужасной, противной сердцу необходимости носить на лице маску, — словом, я был бы с вами я; но я не могу и не хочу на это решиться ...» [Там же, с. 439].

После окончания Лицея Пушкин, как известно, по настоянию родственников отказывается от военной службы, но не останавливается и на гражданской и делает выбор в пользу служения поэзии¹. Моделируя в своей борьбе за достоинство писателя ситуацию выбора, в послании 1817 года «Товарищам» («Разлука ждет нас у порогу, / Зовет нас дальний света шум, / И всяк избрал свою дорогу / С волненьем гордых, юных дум...» [18, т. 1, с. 259]) он полемично означает писательское предназначение образом «счастливого ленивца», «всегда беспечного и равнодушного». Одновременно Пушкин срывает маски лицемерия с друзей военных и штатских. Первые исполняют долг, «под кивер спрятав ум». В поступках военных поэт высмеивает пристрастие к показному порядку — парадным мероприятиям, «подморозившим» истинную красоту служения («Красиво мерзнет на параде, / А греться едет в караул...»). Знаком лицемерных отношений в сфере штатской службы оказывается у Пушкина образ прихожей «знатного плута (курсив наш. — С. И.)», куда, предопределяя притворную модель поведения, направляет путь другая часть товарищей по учебе в Лицее: «Другой, рожденный быть вельможей, / Не честь, а почести любя, / У плута знатного в прихожей / Покорным плутом зрит себя...»

¹ Выбор поэта сравним с решением Жуковского, который в письме к А. И. Тургеневу от 7 ноября 1810 года признается: «Авторство почитаю службою отечеству, в которой надобно быть или отличным, или презренным: промежутка нет» [8, т. 3, с. 433].

Несмотря на универсализацию проблемы, авторское бравирование свободой, праздностью и неуважением к военной службе («Равны мне писари, уланы, / Равны законы, кивера, / Не рвусь я грудью в капитаны / И не ползу в ассессора» [18, т. 1, с. 259]) не могло не задевать чувств трудолюбия, верности долгу, преданности Родине и служения Отечеству. По замечанию Б. В. Томашевского, «обрушиваясь в первую очередь на официальных поэтов, воспевающих вельмож и генералов, Пушкин вообще отрицательно оценивает всякую героическую тему, хотя и пишет сам "Воспоминания в Царском Селе" (правда, по заказу) и другие известные нам стихотворения» [20, т. 1, с. 77–78]. И это, полагает исследователь, станет первым серьезным противоречием в его творчестве, «которое поведет его к размышлениям в дальнейшем» [Там же, с. 78].

У Пушкина обличение опирается на просветительское ядро державинской традиции, согласно которой поэт имеет высшее право перед царем «стоять — и правду говорить». Согласно просветительской доктрине, исток общественных пороков кроется в роковых страстях. Осуждая их, в том числе и страсть к славе, Пушкин должен был в принципе отвергнуть и какой-либо компромисс между правдой и лицемерием как аморальным по своей сути явлением. Вместе с тем Пушкин-обличитель связан и с традициями «Зеленой лампы», где освободительные идеи переплетаются с идеями праздника жизни, апеллирующего к чувственной полноте и страстному упоению настоящим. Это поведение пронизано игрой и амбивалентно по своей внутренней природе (Ю. М. Лотман). Последнее существенно изменяет отношение к лицемерию. Игра предполагает возможность художественного претворения аморальности притворства. Для членов «Арзамаса» и «Зеленой лампы» позволялось считать в «определенных позициях допустимой условную замену "правильного" поведения противоположным» [14, с. 302].

Для В. А. Жуковского игра и серьезное существовали как самостоятельные сферы. В игре он принимал шутовское, понимая его условный, ограниченный игровыми условиями, характер. Но перенесение шутовских приемов на серьезные области жизни для Жуковского было неприемлемым. В письме к А. Тургеневу от 12 ноября 1818 года он пишет: «Мы все ошибаемся, считая непринужденностью дружеской многое, чего бы мы себе не позволили с посторонними. В этой непринужденности часто бывает много оскорбительного. <...> В нашем Арзамасе, где мы решились, однако, позволять себе все под эгидою Галиматьи, было много неприличного» (цит. по: [16, с. 278]). Пушкин, как и другие члены «Арзамаса» и «Зеленой лампы», в иных си-

туациях позволял себе быть «аморальным», полагая, однако, что проблема понимания в этом случае сводится к признанию существования особых игровых масок.

Под углом зрения поставленного вопроса остановимся на пушкинском стихотворении 1818 года «Прелестнице», в котором авторское негодование направлено против использованных светской красавицей целого набора приемов обманного обольщения. Стихотворение условно можно разделить на три части. В первой обнажается «механизм» притворства, показаны его «рычаги»:

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалить
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет [18, т. 2, кн. 1, с. 71].

В поле пушкинского внимания — как невербальные (акустические, визуальные, телесные), так и вербальные средства воздействия, используемые светской красавицей для достижения своих обманных целей. Этот арсенал включает особую одежду («нескромный наряд»), окраску голоса и взгляда («умильную»), просчитанные движения («томные», «небрежные»), а также намеренное создание особой атмосферы страсти (Пушкин подчеркнул ее высокую «температуру»: глагол с корнем «пал», существительное «жар»). Желание красавицы притворно воспользоваться формой общения «от сердца к сердцу» лексически фиксируется словами «умильность», «сладостность», «нежность», «трепетность», «стыдливость». Пушкинское неприятие лживости ясно выражено троекратным указанием на различные формы неправды — в переживаниях, внешности и действиях героини: «обманчивая нежность», «притворный вид», «хитрые старанья». Осуждение обмана в заключительных строках первой части завершается афористическим высказыванием о смертоносности порока («Напрасны хитрые старанья: / В порочном сердце жизни нет»).

Во второй части произведения структура образа притворного обольщения приобретает иную форму. Если в первом отрезке текста

фабульная составляющая, развиваясь, сжималась в формулу-обобщение, то вторая, напротив, открывается сжатым обобщением — «роковым ответом» («Невольный хлад негодованья / Тебе мой роковой ответ»), который затем получает фабульную ретроспективу:

Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?

Заметим, во второй части стихотворения появляется еще один отрицательно окрашенный мотив — мотив торга («у двери оцененной»), который связывает стихотворение с обличительной традицией русской литературы XVIII века.

Переходя к фабульной части, отметим, что словом «прелесть» в XIX веке обозначали то, что «обольщает в высшей мере», что не лишено «обаянья» и поэтому «пленяет, привлекая, увлекает, манит, покоряет, обольщает». Концепт «прелесть» включал и губительное начало. «Прелесть» провоцировала «морок», «обман», «соблазн» и, наконец, то, что «сворачивает от злого духа» [7, т. 3, с. 393]. Таким образом, в изображаемом явлении скрыта возможность эстетически уникального, что заявлено в самом названии стихотворения. Вместе с тем авторское отношение к концепту «прелесть» не совпадает с оценкой его персонажем-адресатом — «прелестницей», чья ценностная позиция просматривается в словосочетании «прелесть надменная». Конечно, кичливое обращение с собственной «прелестью» может и не исключать, а скорее предполагает ту или иную степень уникальности объекта. Пушкин же обращает внимание на тиражирование «прелестницей» обольстительного эффекта общения. И это в создаваемой художественной системе как раз и вызывает приведенную выше отрицательную характеристику обаятельности. В тексте она также подкрепляется достаточно прозрачной оценкой места обитания «прелестницы» — «твоей обители презренной».

В третьей части стихотворения на передний план выдвигается указание на драматическую истощенность («завялость») ситуации пребывания в «объятиях порока»: «Нет, нет, другому свой завялый / Неси, прелестница, венок; / Ласкай неопытный порок, / В твоих объятиях усталый...» Ранее, во второй части стихотворения, местоименное обозначение произносимого «ответа» («тебе» — «мой») делало обращенные к прелестнице пушкинские слова субъектно окрашенными.

Подобный ракурс диалога провоцирует в читательском восприятии возможность установления «биографической» причастности автора к ретроспективно разворачивающемуся сюжету. Данная сторона решения темы получает продолжение в третьей части стихотворения. Здесь, обличая порок, автор парадоксально апеллирует к личному «опыту», который и дает ему возможность «распознать» обман: «Ласкай неопытный порок, в твоих объятиях усталый».

Некоторый свет на содержание и характер «личного» опыта героя бросают страницы воспоминаний лицейского однокашника Пушкина Модеста Корфа: «Начав еще в Лицее, он после, в свете, предался всем возможным распутствам и проводил дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий, с первыми и самыми отъявленными тогдашними повесами. <...> Пушкин не был создан ни для службы, ни для света, ни даже — думаю — для истинной дружбы. <...> Он полагал даже какое-то хвастовство в высшем цинизме по этим предметам: злые насмешки, часто в самых отвратительных картинах, над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над всеми связями общественными и семейными, все это было ему нипочем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил даже более и хуже, нежели думал и чувствовал... Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда и без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всеми трактирщиками и девками, Пушкин представлял тип самого грязного разврата...» [9, с. 250—251]¹.

Автор вышеприведенных строк явно ошибался. Корф не может отделить *биографического* автора от *автора-творца*. Вместе с тем очевидно, что перед последним нешуточной оказывалась задача поэтического обуздания («сдерживания») страстей, сжигавших натуру его героя. Близкий друг Пушкина П. А. Вяземский был уверен, что таким нравственно-прекрасным, внутренне-поэтическим началом сдерживания для Пушкина был труд, труд художника прежде всего: «В нем глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила. Еще в разгаре самой заносчивой и тревоженной молодости, в вихре и разливе разнородных страстей, он нередко отрезвлялся и успокаивался на лоне этой спасительной силы. Эта сила была любовь к труду, потреб-

¹ В своих воспоминаниях М. Корф обвиняет поэта и в лицемерии: «Ни несчастье, ни благотворения императора Николая его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары монарха, он другою омокал перо для злобной эпиграммы!» [Там же, с. 250].

ность труда, неодолимая потребность творчески выразить, вытеснить из себя ощущения, образы, чувства, которые из груди его просились на свет Божий и облекались в звуки, краски, в глаголы очаровательные и поучительные. Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы, обретали бодрость и свежесть немошь умения, восстанавливались расслабленные силы. Когда чуял он налет вдохновения, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался» [5, с. 373].

Придавая сюжету субъективную окрашенность, Пушкин-автор стремится примерить к нему особый ценностный критерий, благодаря которому действие приобретает ярко выраженное надбытовое, онтологически нацеленное звучание. Конфликт, сознательно введенный в орбиту авторской, то есть поэтической, биографии, одновременно как бы очищается от пут земного притяжения: то позитивное, что утверждается в стихотворении в целом и преимущественно в третьей его части, связано с особым героем, противопоставленным «другим». При этом выделенность героя определена не по линии, привычной для художественной литературы XVIII века, стратифицирующей биографическую и нравственную исключительность (правильность), но благодаря наделению его «роковым» даром творчества. Авторское негодование против притворства в третьей части стихотворения опирается уже не только на чувства, исходящие из «чистого сердца», но в большей степени на идею неподкупности поэтического вдохновения: «Но гордый замысел забудь: / Не привлечешь питомца музы / Ты на предательскую грудь».

Заметим, что проблема «сдерживания» осознается Пушкиным не только как феноменально-эстетическая, но и — в плане коммуникативно-этологическом — как особая традиция общения, связанная с традициями этикета. Поэтому в стихотворении «Прелестнице» наряду с разработкой мотивов откровения, искренности, открытости и раскрепощения как контрпозиции лицемерию заявлен и другой подход к интересующему нас смысловому узлу. Он просматривается в краткой формуле «рокового ответа» — «невольный хлад негодованья». Художественное решение здесь опирается на выразительную природу оксюморонного сочетания («невольный хлад», с одной стороны, и «негодованье» как обозначение страсти, высокой по своей «температуре», — с другой). С помощью оксюморонной выразительности Пушкин (согласно собственным представлениям и в силу принимаемых традиций приличия) как раз и означает задачу сдерживания внутренних страстей.

В 1820 году из-под его пера появляется небольшое произведение «Дориде», которое также посвящено обольстительности женского поведения, признанного, в отличие от обольщения в «Прелестнице», нелицемерным.

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность [18, т. 2, кн. 1, с. 137].

Арсенал общения, представленный в «Дориде», аналогичен средствам, описанным в «Прелестнице». Здесь, как и двумя годами ранее, названа атмосфера, в которой обозначена повышенная «температура» страсти («желаний томный жар»), подчеркнут особый характер вербальных и невербальных жестов. Однако картина общения в «Дориде», совпадающая с приведенной выше по составу элементов, отличается от нее оценками. В «Прелестнице» «наряд» — невербальный сигнал возможного раскрепощения атмосферы общения — квалифицируется как «нескромный», в «Дориде» — как «приятно небрежный». Выделив неформальные аспекты общения («нескромный», «небрежный»), Пушкин в первом случае стремится к отрицательной оценке, а во втором — к положительной. В «Дориде» позитивная аксиология создается благодаря использованию парадоксального словосочетания — «приятная небрежность», где «небрежный», согласно словарю В. Даля, означает «нерадивый, беспечный, делающий дело как-нибудь, зря, как ни попало» [7, т. 2, с. 504]. В этом же направлении организовано описание и оценка речевой составляющей общения: она, как и наряд, признается «приятно небрежной». В вербальной части картины дополнительно выделен момент интимизации личностных обращений («ласковых имен младенческая нежность»). В «Прелестнице» визуальный и вербальный ряды общения обозначаются как «умильные», но «распалаяющие». В «Дориде» констатирующее указание на «томный жар желаний» уравнивается, сдерживается (!) сообщением о «стыдливости робкой».

Если в «Прелестнице» лирический герой в профессиональном плане напрямую соотнесен с поэтом, то в «Дориде» эта сопричастность выражена лишь имплицативно. Но здесь важно другое: в «Дориде» сама искренность переживания, наличность и очевидность «жела-

ний», «жара страстного томления» и «робкой стыдливости» — все это дополнительно подтверждается апелляцией к *вере* как способу перехода в сферу сверхъестественного, а именно — к вере в любовь как необходимую потребность сердца («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...»). Именно этот гибкий, двунаправленный подход к неличному переживанию, в котором, с одной стороны, учтена *сердечность* (человеческая душевность) пережитых чувств, а с другой — их *иррациональность*, и будет постепенно утверждаться в творчестве поэта.

Итак, можно констатировать, что уже в начале своих творческих исканий Пушкин наряду с осознанием необходимости последовательной многоплановой борьбы против лицемерия ставит перед собой и другую задачу — «сдерживания» чувств. Она вскоре будет сформулирована и более конкретно — как рационально осознанная необходимость жить в рамках *приличия*: «Я стал умен, я лицемерю...» Проследим, в каком же направлении шло у Пушкина становление и взаимодействие концептов лицемерия и приличия.

Новые моменты в лирике послелицейского периода связаны с пониманием феномена *открытости*, который пока еще в романтическом русле интимизируется и противостоит жизни в социуме.

Позволь душе моей открыться пред тобою
И в дружбе сладостной отраду почерпнуть.
Скучая жизнью, томимый суетою,
Я жажду близ тебя, друг нежный, отдохнуть [18, т. 2, кн. 1, с. 81].

В контексте подобного переживания острее осознается потребность в истинном знании («священной истине»), путь к которому лежит через открытое, доверительное общение, где голос друга звучит:

...для немногих,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей («Жуковскому») [Там же, с. 59].

Свет, распространяющий скуку, предстает в художественной системе Пушкина как источник и «генератор» лжи и лицемерия. В связи со сказанным констатируем, что в начале своего пути, в первые послелицейские годы, поэт, исследуя коммуникативную модель, определенное время продолжает традиции XVIII — начала XIX века, разработанные Батюшковым и Жуковским.

Вместе с тем ценностные характеристики отвергаемой Пушкиным модели стремительно приближаются к некоему пределу. В «Послании к кн. Горчакову» пребывание в свете поэтом сопоставляется с бытовой ситуацией отравления угарным газом. Образ тяжелого состояния *физического удушья* от жары и чада Пушкин композиционно накладывает на картину общения в большом свете, добиваясь, чтобы в сознании читателя сделалось ощутимым предельно отрицательное отношение к практике общения, опустошающей душу. Это впечатление достигается и композиционным противопоставлением двух пространств: «светского» и «домашнего» — иначе говоря, чужого и своего, безжизненного и живого. Автор «в неопытные лета», как и Горчаков, которого поэт называет «питомцем мод» и другом большого света, был вовлечен в круговорот светского общения:

Опасною прельщенный суетой,
Терял я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорел в чаду большого света
И отдохнуть убрался я домой
<...>

(«Послание к кн. Горчакову») [Там же, с. 114].

Разработка мотива бегства поэта за пределы чуждого, чужого пространства, как и у романтиков, символизирует освобождение от оков, от заблуждений, от пелены, эмблематически представляющих различные грани «скучного», то есть равнодушного, недеятельного, нетворческого, не внимающего, отгороженного от других, формализованного, закрытого поведения.

Противопоставляя светской модели общения «отдых», Пушкин, в отличие от романтиков, сближает личную свободу с игрой как таковой, а также с «игрой с жизнью». Пушкинский пространственный эскапизм предстает в органическом соединении с духовным. Но это уже не только удаление в интимизированные и высокие содержательные сферы, как у Батюшкова и Жуковского, но и демонстративный уход поэта от «серьезного», что ознаменовано и одновременным «возвратом» (переходом) к типу детского времени, когда разрешается «шалить». И здесь можно зафиксировать границу, с которой у Пушкина начинается постепенное преодоление эскапизма как такового. Эта граница определена попытками выделить особую временную лакуну, в которой, по убеждению поэта, *можно* с «жизнью шалить». И она, эта лакуна, поначалу тяготеет только к детству или молодости. Отсюда особый смысл признания:

...мне во сто крат милее

Младых повес счастливая семья

<...>

чем вялые бездушные собрань

<...>

Где Шепшинг — царь, а скука — председатель,

Где глупостью единой все равны.

Я помню их, детей самолюбивых,

Злых без ума, без гордости спесивых,

И, разглядев тиранов модных зал,

Чуждаюсь их укоров и похвал!.. [Там же]

Тема бегства и мотив освобождения в их прежних семантических объемах еще присутствуют в стихотворении «N. N. (В. В. Энгельгардту)»:

От суеты столицы праздной,

От хладных прелестей Невы,

От вредной сплетницы молвы,

От скуки, столь разнообразной,

Меня зовут холмы, луга,

Тенисты клены огорода,

Пустынной речки берега

И деревенская свобода [Там же, с. 83].

Те же мотивы звучат в послании «Орлову» и в стихотворении «Деревня». В послании «Всевожскому» обличение света приобретает более причудливую форму. Оно вплетается в восторженный монолог, посвященный Москве, куда Всевожский удаляется из Петербурга. В Москве,

Где наслажденьям знают цену,

Беспечно дремлют на яву

И в жизни любят перемену

<...>

в городе, который

... пленяет пестротой,

старинной роскошью, пирами,

Невестами, колоколами,

Забавной, легкой суетой,

Невинной прозой и стихами

<...>

там в свете можно увидеть

Жеманство в тонких кружевах

И Глупость в золотых очках,

И тяжелой Знатности веселье,

И Скуку с картами в руках.

Повидав такое,

Оставишь круг большого света

И жить решишься для себя.

Уже в приюте отдаленном
Я вижу мысленно тебя [Там же, с. 101 – 102].

Рассматривая внутреннюю динамику обличительных мотивов, мы можем увидеть, как в их развитие постепенно все шире и шире вплетается *игровое* начало. В послании «К Каверину» серьезное и развлеченье, неотложный труд и игра, а также веселье определены уже как равнозначимые мотивы творчества. Но и здесь, заметим, уравнивание мотивов осознается через временные параметры: «Всему свое время!» [Там же, т. 1, с. 76].

Именно во временной перспективе у Пушкина начинается ценностная переакцентуация моделей общения и жизнеповедения. По уверению поэта, в этой перспективе концепты игры и суеты могут обмениваться качественными показателями семантики:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнию играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отыmem
Все, что отыmemся у ней.

(«Добрый совет») [Там же, т. 2, кн. 1, с. 129].

Обратим внимание на мотив сокрытия, композиционно завершающий стихотворение «Добрый совет». Его симптоматичность — в появлении пока еще шутиwego, чисто игрового маскового раздвоения. Поэт убежден, что

...ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.
(«К Каверину») [Там же, т. 1, с. 238].

Тема игры у Пушкина также органически связана с темой базара, торгова, то есть с теми моделями существования, которые не только оценивают накал переживаемых чувств, но и означивают многосоставность жизни¹. Очень важно также отметить, что топика базара у Пушкина противостоит топике уютного уединенья за городом:

¹ На актуальность для Пушкина топики рынка и темы торгова обращает внимание С. А. Фомичев, рассматривая вопрос с точки зрения выработки поэтом методологически осознаваемого принципа «гибкости и правильности» в подходе к древнерусской литературе и русскому литературному языку [23, с. 18 – 19].

«Куда вы? за город конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей Музой мечтать
Уединенно и беспечно?»

— Нет, я собираюсь на базар

<...>

(«Чиновник и поэт») [Там же, т. 2, кн. 1, с. 282], —

а мотивы торга по-своему развивают тему свободы, увлеченности, поглощенности страстью:

Люблю базарное волненье,
Скуфьи жидов, усы болгар
И спор и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стесненье.
Люблю толпу, лохмотья, шум —
И жадной черни [лай <?>] свободный [Там же].

Нельзя не согласиться с выводом В. Э. Вацуро о том, что в рассматриваемый период «игровое начало проникало в глубинные сферы духовной жизни... теряя свой салонно-ритуальный характер и становясь самой жизнью» [3, с. 34]. Игра, на наш взгляд, становится тем необходимым звеном, благодаря которому Пушкин осваивает амбивалентность мотива притворства. Первый шаг в этом направлении — принятие притворства как своего рода шутки:

Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!
(«Признание. К Александре Ивановне Осиповой»)
[18, т. 3, кн. 1, с. 29].

Мотив розыгрыша в соединении с концептом притворства присутствует и в более сложной ситуации, развитие которой приводит к внешне благопристойной позиции, однако очевидно, что в ней шутка уже практически неотделима от иронии:

Сначала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!

Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Все хорошо, благопристойно.
(«Кокетке») [Там же, т. 2, кн. 1, с. 224].

Истинное отношение автора к концепту притворства выявляется в развязке сюжета, где герои передают пыл страстей младшему поколению, которому пришло время «с жизнью шалить».

Особенно ярко мотив притворно-игрового (лицемерного) поведения задействован в стихотворении «В. Л. Давыдову» (1821):

Я стал умен, [я] лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что Бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи [Там же, с. 178—179].

Однако пост как ритуальная (то есть предписанная) форма поведения вызывает упорное сопротивление природы героя: *желудок ненабожный* протестует против причастия «молдавским вином», разбавленным водой, — вот если бы причащаться хотя бы «лафитом» или «кло-д-вужо»! Сюжетное действие, пройдя по определенному кругу (разумное ограничение — голос природы — требования приличия), возвращается к задаче «умного поведения», то есть к смиренному посту. Однако в сфере переживаний, как, впрочем, и в структуре образа, итоги те же — обе демонстрируют раздвоение:

Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатане...
И все *неволью вспоминаю*,
Давыдов, о твоём вине... (курсив наш. — С. И.) [Там же].

Требования природы не утверждены автором прямо. Тем не менее скрытое торжество естественных человеческих стремлений в пушкинском подходе к лицемерию так или иначе просматривается. Пародийно-игровое исследование мотивов лицемерия обнажало природу человеческой страсти и человеческих желаний, которые выплескивались человеком в сферу публичного поведения. С одной стороны, как, например, в послании «Алексееву», автор подчеркивает успокоенность и свободу от страстных метаний:

Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно [Там же, с. 228].

С другой, как в стихотворении «Дионея», поэт рисует так называемую произвольную, но как бы «сдержанную» реакцию:

Хромид в тебя влюблен; он молод и не раз
Украдкою вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;
Твой взор потупленный желанием горит,
И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твоё хранит [Там же, с. 200].

Одной из форм, отражающей настойчивые попытки общества найти в сфере общения некие границы между тем, что допустимо, и тем, что запрещено, становится этикетное понятие *приличия*. В современном языке это слово означает поведение по правилам, «принятым данной общественной средой, вежливость, благопристойность» [17, с. 582]. В начале XIX века, как указывает В. В. Виноградов, в слове *приличный* выделялись и другие значения: 1) унаследованный истари; 2) соответствующий приличиям, пристойный; благопристойный, вполне пристойный, добропорядочный; 3) хороший, удовлетворительный, изрядный, вполне достойный [4, с. 563].

В творчестве Пушкина зрелого периода слово *приличие* неразрывно связано с осмыслением основ человеческого общения. В «Евгении Онегине» приличия названы «законом света», передаваемым от поколения к поколению:

Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приговляется шутя
К приличию, закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей [18, т. 6, с. 43].

В отдельных сторонах этого суждения Пушкин близок к общепринятому. Так же или почти так же высказываются о приличиях и его идеологический противник Булгарин, и близкий друг Жуковский. Пушкин, как и его современники, подчеркивает неюридическую законодательную силу приличий, помогающих соотнести заявляемые

типы современного поведения с традиционными. В «Скупом рыцаре» эта мысль выражена в субъектной форме, но словами персонажа, который *восстанавливает права сына*, попираемые скупым отцом:

Зачем его я при себе не вижу?
Вам двор наскучил, но ему прилично
В его летах и званьи быть при нас.

И здесь же словами того же персонажа:

...назначьте сыну
Приличное по званью содержание [Там же, т. 7, с. 116].

Типы приличного поведения видятся Пушкину выстроенными не только в социальной, но, как правило, и в гендерной проекциях: «Нашли, что Вольская не имеет никакого чувства приличия, свойственного ее полу» («Гости съезжались на дачу») [Там же, т. 8, кн. 1, с. 39]; об этом же в «Метели»: «Он имел именно тот ум, который нравился женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый» [Там же, с. 84].

Вместе с тем Пушкин вводит в контекст мотива приличий и более сложный комплекс переживаний, считая возможным и необходимым учитывать в оценках, регулирующих публичное поведение, критерий красоты (женской и мужской) и эстетического совершенства: «Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красою» (Письмо Н. Н. Пушкиной от 6 ноября 1833 года).

В «Дубровском» мысль о регулирующей, предписывающей силе приличий объективирована в словах повествователя и, видимо, достаточно близка к авторскому видению вопроса: «Владимир Дубровский воспитывался в кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать» [Там же, с. 172].

И в «Скупом рыцаре», и в «Дубровском» сила приличий настолько велика, что *освобождает* молодых людей от стеснительных условий жизни, но она же оказывается губительной, смертельной для тех, кто предписываемое приличиями неукоснительно выполняет или же должен выполнить: Скупой рыцарь, понимая, что не может послушаться требований герцога, умирает от сердечного приступа; отец Дубровского, не щадя себя ради приличий, воспитал в сыне чувство чести и собственного достоинства, но по той же причине он передал сыну «по наследству» — как продолжение приличий — чувство гордыни, погубившее и самого отца, и его потомка.

Остановимся на губительной силе мотива приличий подробнее. В «Словаре Академии Российской» слово *приличный* разъясняется как «пристойный, соответственный, сообразный»: «Прилично чину место», «Сочинить на какой-либо случай приличную речь». Эти же оттенки значения фиксируются и словарем великорусского языка Даля. «Приличный», согласно Далю, значит «пристойный, обычливый», соответственно, «приличие» — «пристойность, благопристойность» [7, т. 3, с. 423].

Приличия в значении *пристойность* к началу XIX века по существу потеряли следы пространственного обозначения социальной стратификации. Требование «пристойности», вероятно, восходит к практике XVI—XVII веков, когда по утвердившимся к этому времени правилам, воспринятым от обычаев византийского двора, принято было в присутствии сидящего государя *стоять*, опустив лицо вниз. Пристойность однозначно субординировала отношения соответственно «чину». Но по исконно существовавшему на Руси этикету, опирающемуся на обряд, приветствующий сидя не только не отдавал вошедшему гостю или встречному дань уважения, но вольно или невольно желал ему недоброго. С изменением обычаев, с введением новых правил поведения обнаружилось, что *благопристойные* отношения, образовав новые *сообразные* социальному положению общающихся формы этикета, привели к охлаждению межчеловеческих контактов.

Характерно, что мотив приличий у Пушкина имплицитно (а иногда и эксплицитно) сопровождается разнообразными художественными деталями, указывающими на ограничение свободы:

Врагу стеснительных условий и оков,
Не трудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет,
И правду пылкую приличий хлад объемлет
<...>

(«Чедаеву») [18, т. 2, кн. 1, с. 187].

В системе аллегорических и эмблематических сопоставлений послания, внешне напоминающих поэтику XVIII столетия, «приличия» поставлены поэтом в один ряд с определенно негативным образом — «оковами». Переосмысливается в послании и второй важнейший контекстуальный образ общения — пир. Его композиционное положение также способствует формированию негативного взгляда на приличия. Пир, на котором праздность не поддержана блеском ума и деятельностью сердца, провоцирует дистанцированность от древней античной традиции и традиции русского гостеприимства — задушевного за-

стольного общения. И наконец, остановимся на мотиве правды, который в тексте наиболее тесно соприкасается с образом приличий. «Правда пылкая» — образ-клише. С художественной точки зрения он схож с точно таким же клишированным образом «холода приличий». Первый позиционирует несколько видоизмененную Пушкиным аксиологическую аллегория, второй — сферу этикета. В анализируемом тексте слово «правда» обозначает внутреннее переживание справедливости, а слово «приличия» — внешнюю форму должного поведения. Конфликт между «правдой пылкой» и «холодом приличий» эстетически оформлен как физический природный процесс, в котором происходит оплотнение не того, что скрыто в общении под внешними благопристойно выстроенными поступками, но есть окостенение этого внешнего. Внешнее объемлет, «оковывает», гасит огонь. Конфликт динамичен, но в своей динамике физически-телесен. Внешне образу «холода приличий» дано развитие, но его обволакивающее движение отталкивающее воздействует на эстетическое чувство, поскольку приличия продуцируют холод и статику. Мифология *статусности приличий* в произведениях Пушкина только спроектирована. Холод приличий конфликтно соотносим со стихией огня в разных ее проявлениях и, в частности, огня страстей.

Приличия призваны разрешить конфликт между внешним и внутренним. Раскрываемые Пушкиным ситуации, стягивающие воедино «приличий хлад» и «правду пылкую» страстей, становятся в его произведениях источником неподдельного драматизма, внутреннего напряжения, душевных борений, — словом, конфликта, который оказывается тем напряженнее, чем правдивее рассказ о силе переживаемых чувств.

В стихотворении «Десятая заповедь» (1821) поэт ведет речь о необходимости внутренних самоограничений. Сюжет стихотворения, и это знаменательно, строится по канве двух библейских заповедей. С одной из них, касающейся материальных ценностей, внутреннее чувство справляется без особых трудностей. Здесь самоограничение принимается просто и естественно: герою не надо чужого добра, ни сел, ни вдов друга. Иное дело — самоограничения, связанные с восприятием человеческой красоты. Здесь поэту видится более сложная задача. Сдерживать восторг, вызванный прекрасной рабыней друга или его прелестной подругой, гораздо труднее: «О боже праведный! Прости / Мне зависть ко блаженству друга...»

Касаясь этой стороны дела, поэт конструирует модель, которая держится на раздвоении: с одной стороны, в тексте утверждается факт

неодолимости человеческих стремлений к живой красоте, а с другой — говорится о необходимости сокрытия этих, может быть, наиболее естественных и сильных желаний. Поэтическое разрешение конфликта — глубоко нравственно и, что очевидно, глубоко драматично:

Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?..

<...>

Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.

(«Десятая заповедь») [18, т. 2, кн. 1, с. 231].

Таким образом, «тайные (!) страдания» являются и неизбежным, и неожиданным следствием «разыгрываемой» поэтом карты приличия. Муки, скрывающиеся во имя «строгости долга», становятся у Пушкина парадоксальным символом полноты жизни человеческой души. Художественное исследование этих мук преобразует аксиологию лирического сюжета, связанного с сокрытием, а в сфере поэтики придает новое художественное звучание одной из форм литературной маски.

Список литературы

1. Батюшков К. Н. Соч.: в 2 т. М., 1989.
2. Бойко М. Н. Авторские миры в русской культуре первой половины XIX века. СПб., 2005.
3. Вацуро В. Э. С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.
4. Виноградов В. В. История слов. М., 1999.
5. Вяземский П. А. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина. 1847 // Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб., 1878—1896. Т. 2.
6. Георгиева Т. С. Культура повседневности: в 3 кн. Кн. 2: Частная жизнь и нравы от Средневековья до наших дней. М., 2006.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978.
8. Жуковский В. А. Соч.: в 3 т. М., 1980.
9. Записка графа М. А. Корфа. 1854 // Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы Я. Грота. СПб., 1899.
10. Исаев С. Г. Лицо и лицемерие: становление концептов от Древней Руси к XVIII веку // Вестник НовГУ. Серия «История. Филология». Великий Новгород, 2007. № 41.
11. Кони А. Ф. Нравственный облик Пушкина (Речь, посвященная 100-летию со дня рождения Пушкина, прочитанная 26 мая 1899 на торжественном заседании Академии Наук). Подольск, 1999.

12. Куницын А. П. Наставление воспитанникам, читанное при открытии Императорского Царскосельского лицея, в присутствии его Императорского величества и августейшей фамилии октября 19 дня 1811 года. СПб., 1811.
13. Куницын А. П. Право естественное, сочиненное профессором Императорского лицея Александром Куницыным. СПб., 1818. Ч. 1.
14. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1.
15. Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998.
16. Марченко Н. Быт и нравы пушкинского времени. СПб., 2005.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2006.
18. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1937–1959.
19. Скотов Н. Н. Пушкин. Русский гений. М., 1999.
20. Томашевский Б. В. Пушкин: в 2 т. М., 1990.
21. Удодов Б. Т. Пушкин: Художественная антропология. Воронеж, 1999.
22. Фаустов А. А. Авторское поведение Пушкина: Очерки. Воронеж, 2000.
23. Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007.
24. Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М., 2006.

*Наталья Жилина
(Калининград)*

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ Ф. Н. ГЛИНКИ

Творчество Федора Николаевича Глинки (1786–1880) у современного читателя, как правило, не вызывает особого интереса, однако в литературном процессе первой трети XIX века его имя было хорошо известно; общепризнанным является и тот факт, что его произведения оставили свой след в истории русской поэзии. Неслучайно, публикуя рецензию на одну из его поэм в «Литературной газете», А. С. Пушкин писал: «Из всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный» [4, с. 119].

Современников и потомков не меньше, чем художественное творчество, привлекала и сама личность этого человека, близко знакомого с Пушкиным, дружившего с Вяземским и другими известными литераторами, прожившего очень долгую жизнь и ставшего активным участником многих исторических событий, среди которых поход 1805–1806 годов, Аустерлицкое сражение, битвы Отечественной войны 1812 года. Будучи деятельным организатором декабристского движения, Ф. Н. Глинка был твердо убежден, что основанием для общего блага может быть только любовь, но не вражда, и как противник вооруженного восстания он «пытался отговорить декабристов от выступления на Сенатской площади, считая, что преобразование общества должно идти изнутри, через нравственное обновление граждан» [2, с. 19]. Задачу своей поэзии он видел в том, чтобы сеять в душах людей добрые и светлые чувства, что и стремился воплотить в своих произведениях.

Поэма «Дева Карельских лесов» (1828) была написана Глинкой в период ссылки: после 14 декабря 1825 года поэт был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен из военной службы в гражданскую и выслан в Олонецкую губернию. По авторитетному мнению современного исследователя, «именно в это время окончательно формируется духовно-эстетический стержень Глинки как писателя, склонного к религиозной тематике и масштабному лиро-эпическому повествованию» [3, с. 65]. Основную сюжетную линию в поэме составляет судьба человека, как поясняется во введении, «уклонявшегося от преследования закона» [1, с. 315], — причины этого остаются в тексте поэмы необъясненными и как будто неизвестными самому автору: «Он... видите ль... он обвиненный... / За что и как?.. Не знаю я...» [Там же, с. 321]. Скрываясь на протяжении семнадцати лет в карельских лесах, герой пережил смерть жены и нашел единственную отраду в подрастающей дочери — простодушной и невинной, не знающей соблазнов цивилизованного мира. Главное, что поддерживает скитальцев в лесной жизни, полной опасностей, — упование на Бога, чью защиту и любовь они постоянно ощущают. Отдельные эпизоды минувшей жизни предстают перед читателем в воспоминаниях немолодого уже героя, рассказывающего повзрослевшей дочери о событиях прошлого. Привычное течение их жизни неожиданно нарушается появлением неизвестного, которого девушка встречает на лесной тропинке. Как становится понятно в дальнейшем, именно этому герою и отведено центральное место в сюжете поэмы.

Отвечая на вопрос девушки о причинах своего появления в лесу, незнакомец уносится воспоминаниями в родные для него места Средней России и в те чужие страны, в которых он успел побывать и которых она никогда не видела. При этом в его речах звучит и хорошо известное читателям-современникам Глинки противопоставление пороков цивилизации и чистоты природной жизни:

Но не грусти! Ты не болела
Враждебным недугом страстей;
Не испытала ты томленья
От жажды злата и честей,
Ни злой обиды и гоненья.
О дева! дева! Ты напрасно
Грустишь... Когда б ты знала их,
Сынов разврата и коварства,
Тоскливых, бурных в их страстях!
Я был в далеких сторонах,
И дивные я видел царства... [Там же, с. 338].

Явная и совершенно определенная реминисценция из пушкинских поэм воспроизводит очень распространенный к этому времени сюжет встречи «цивилизованного» героя и воспитанной в природных условиях «естественной» девы. Однако в поэме Глинки этот сюжет кардинально видоизменяется и переосмысливается: его герой не только способен оценить по достоинству прекрасную душу «девы карельских лесов», но и сам не утратил способности горячо и верно любить — очень ярко это показано в дальнейших событиях. Уже в описании внешности хорошо видно, насколько герой Глинки отличается от разочарованных и душевно опустошенных романтических персонажей:

Рост средний, грудь взвилась высоко,
Осанист, кудри на плечах,
Веселый, свежий, черноокий,
С огнем души в больших глазах [Там же, с. 334—335].

Неслучайно даже по первому впечатлению героиня делает вывод, поддержанный автором:

В нем быть не может вероломства,
Его так тих и весел взгляд!.. [Там же, с. 335].

О характере молодого человека свидетельствует и его поведение во время первой встречи с неожиданно появившимся отцом героини: хотя тот обнаружил готовность к нападению, но незнакомец, имевший при себе оружие, проявляет кротость, обратившись к нему со словами, снявшими возникшее было напряжение:

На что гроза, пустынный житель!
И я несчастный человек!
Меня сюда мой рок загнал,
Когда ты зол... будь мой губитель! [Там же, с. 339].

По всей видимости, для автора имеет большое значение сходство судеб обоих героев, которые при первом же знакомстве делают друг другу признание одними и теми же словами: «Я чист! Я кровь не проливал, / Невинен пред царем и Богом!» [Там же]. Отличие молодого героя поэмы Глинки от типичных романтических персонажей проявляется и в его целомудрии, обнаруживающем прекрасные качества его души и столь редко встречающемся в это время: «Он с девою живет как брат» [Там же, с. 340], — отмечает автор.

Верность молодого человека своим жизненным принципам проявляется и в кульминационной ситуации поэмы: когда из долины стал доноситься непонятный гул, похожий на шум начавшегося боя, юноша принял решение объявиться властям, чтобы солдатом принять участие в защите родины. Он уходит из леса и отсутствует в течение нескольких недель, оставляя в сильном волнении отца и дочь, но, возвратившись, приносит известие о манифесте с дарованием свободы: «Молитесь, милые!.. Свобода! / Скорей из сих несчастных мест!» [Там же, с. 355]. Теперь все трое не могут удержаться от ликования при мысли о возможности возвращения на родину. Эпилог рисует в идиллических тонах счастливую жизнь бывших отшельников: вернувшегося в свое имение «с страдальцем тестем и с женою» [Там же, с. 357] молодого хозяина, радостно встреченного и «соседством», и крестьянами:

И шла молва о манифесте,
И у святого алтаря
С крестьянами помещик вместе
Молебны правил за царя... [Там же].

В этом финальном эпизоде, содержащем своеобразную «подсказку» линии поведения реальному царю, особенно отчетливо звучит мысль, которая определяла весь творческий путь Глинки: главной ценностью в мире является любовь, проявляющая себя прежде всего в доброте и милосердии.

Список литературы

1. Глинка Ф. Н. Дева Карельских лесов // Русская романтическая поэма. М., 1985.
2. Зверев В. П. Русские поэты первой половины XIX века: Очерки жизни и творчества с приложением избранных стихов и библиографических справок. М., 2002.
3. Зверев В. П. Федор Глинка — русский духовный писатель. М., 2002.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 7.

Наталья Соловьева
(Москва)

ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Проблема перевода с одного языка на другой видится по-разному лингвисту, переводчику, литературоведу, культурологу. Мне представляется необходимым высказать несколько наблюдений по поводу новых тенденций в переводе классической русской поэзии на английский язык, которые показались мне ценными и перспективными.

Разумеется, русская переводческая школа имеет богатейшие и давние традиции. Интерес к русской культуре и литературе у англичан тоже имеет свою традицию и существует в разных историко-культурных контекстах. И с этой точки зрения судьба двух выдающихся поэтов — Пушкина и Байрона — отражает общую проблему, связанную с переводом, потому что они в большой степени сформированы национальным характером и средой.

Неслучайно поэма Байрона «Дон Жуан» на протяжении XIX века переводилась на русский язык в прозаическом варианте, и то с разными сокращениями (в частности, это касалось русских эпизодов), а полный поэтический перевод появился лишь в XX веке. Пушкин также переводился на английский язык неоднократно с большим или меньшим успехом, а «Евгений Онегин» имел несколько сценических версий и киноверсий.

В двух известных мне случаях перевод сопровождался внесением собственного видения текста и содержания. Так, в моноспектакле в лондонском пабе «Королевская голова» первая часть «Онегина», тепло воспринятая публикой, состоящей в основном из актеров, по виртуоз-

ности и изяществу, а также по прозрачности текста весьма напоминала «Дон Жуана». Я думаю, что через знакомое национальное легче воспринимался на слух чужой текст, хотя и известный. Вторая, петербургская, часть в переводе уже другого поэта была несколько искажена по смыслу (отсутствовало письмо Онегина к Татьяне), а введение галлицизмов уже воспринималось прохладнее, поскольку они хоть и подчеркивали инаковость пушкинского текста, но одновременно усложняли простой текст подлинника.

В киноверсии «Онегина» на первый план выступила тема, своеобразно передающая специфику характера героя — его невозможность любить, что и составило трагедию души героя. Режиссер также использовал «маргиналии» текста пушкинского романа. Отсюда мизансцены с разговором соседей о замене «барщины старинной» оброком, о поведении Онегина в обществе — все это свидетельствовало о тонкости прочтения текста. Но диссонансом звучала песня «Ой, цветет калина в поле у ручья», прозвучавшая в сцене бала у Лариных, что может быть объяснено желанием создателей фильма подчеркнуть чуждость Онегину общества, раздражавшего героя своими пустыми разговорами и сплетнями.

Теперь о собственно переводах и о новых тенденциях. В течение 1990-х годов в Лондоне готовилось пятнадцатитомное собрание сочинений Пушкина, в котором было представлено несколько удачных, на мой взгляд, переводов «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказки о попе и о работнике его Балде», поэмы «Граф Нулин» и ряда лирических произведений, сделанных Мэри Хобсон, большим знатоком, переводчиком и интерпретатором Грибоедова. В 2005 году ею был опубликован перевод комедии «Горе от ума», а также вступительная статья и комментарии, составившие отдельный большой том. Об этом событии я уже писала и говорила в докладе на международной конференции «Русский язык в современном мире» [1], обратив внимание аудитории на удачное и перспективное использование историзмов при переводе на английский язык. Именно такие историзмы, как *верста*, *барин*, а также ссылки на значимые для москвичей места (например, Кузнецкий мост) сделали перевод Мэри Хобсон особенно живым, сочным, наполненным местным колоритом; это воспроизводило определенную московскую среду, в которой действуют герой и его оппоненты. По счастливой случайности мне удалось познакомиться с переводчицей и пригласить ее выступить перед студенческой аудиторией МГУ им. М. В. Ломоносова.

Отдельно следует сказать о переводчице и ее поистине героическом труде и миссии, с которой связаны переводы в пушкинском многотомнике, который является единственным полным зарубежным изданием сочинений Пушкина. В нем были напечатаны только лучшие переводы, и участвовать в этом проекте было большой честью и удачей для переводчиков. Мэри Хобсон имеет большой опыт перевода на английский язык комедии Грибоедова и его писем, она прекрасно знает пушкинскую эпоху и перевела две главы «Евгения Онегина». В первом томе опубликованы 24 ее перевода, в том числе таких известных произведений, как «Наполеон на Эльбе», дружеские послания Каверину, Жуковскому, Пушкину, во втором томе — 29 переводов небольших по объему лирических произведений, включающих дружеские обращения к князю Голицыну, Давыдову, Анне Вульф, в третьем томе — «Утопленник», в пятом томе — пять произведений, в том числе поэмы «Вадим» и «Граф Нулин», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о попе и о работнике его Балде». Ее переводы отличаются необыкновенной простотой, изяществом, легкостью в передаче пушкинского стиха, постижимые только с помощью музыки. А Мэри Хобсон еще и отличный музыкант — она получила музыкальное образование в Королевской академии музыки.

Но есть и еще одно неоценимое качество переводчицы — ее неустанные поиски наиболее адекватного переложения на английский язык реалий русского быта и особенностей языка оригинала. По свидетельству самой Мэри Хобсон, ей долго не удавалось найти точного перевода слова «дешевизна» в поэме «Сказка о попе и о работнике его Балде», и наконец она нашла семантически подходящее слово в йоркширском диалекте. Получилось, по-моему, очень колоритно:

At the first crack
The priest bounces to the ceiling and back;
At the second crack
The priest loses his clack;
At the third crack
The old man's mind is knocked clean off its track
While Balda, reproachfully, keeps pointing out
"A priest shouldn't be chasing after owt for nowt" [2, c. 329].

В английском варианте нетрудно увидеть замену русского прошедшего времени на английское настоящее, что усиливает драматизм и одновременно комизм финала, который выражен сказанными с укоризною словами Балды: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною». Сохраняется ритмический строй подлинника с начальными словами:

«От первого щелчка... от второго щелчка... от третьего щелчка». Найдено сильное английское выражение "The old man's mind is knocked clean off its track", семантически аналогичное русскому «вышибло ум у старика». И даже увеличение числа слов в строке не повлияло, благодаря их краткости, на общее распределение рифм, а внутренняя музыкальность пушкинского стиха сохранилась в английском переводе.

Интересный поиск был осуществлен при переводе начала «Графа Нулина», где удалось, нисколько не изменяя смысла и динамики происходящего, передать начальные слова «Пора, пора, рога трубят» использованием звукоподражательного трубного клича охотников: "Tarantara! It's time to start" [2, с. 199]. Весь стиль поэмы Пушкина «Граф Нулин» весьма напоминает «Бешпо» Байрона. Есть даже сходные сюжетные мотивы — отсутствие мужа, появление галантного кавалера, рассеянно перелистывающего «Айвенго» В. Скотта, неожиданно вернувшийся после длительного отсутствия муж Лауры — и общий финал примирения мужа и любовника за чашкой кофе. После неудачного ухаживания и несостоявшегося соблазнения граф Нулин уезжает, когда приехавший с охоты муж Натальи Павловны приглашает его остаться отобедать. Верная жена рассказывает все мужу, а потом все соседи передают эту историю. Доверительные разговоры с читателем у Пушкина в английском переводе звучат также комично:

The Count leaves... That's how the tale
Might well have ended, friends, it's true
But I will add a word or two [2, p. 202].

Еще одно отличительное свойство переводчицы — умение вписаться в антураж прошедшей эпохи. Мэри исполняет музыкальные произведения Грибоедова в его доме. Видимо, желание пожить какое-то время со своими любимыми поэтами и почувствовать стиль жизни того времени привносит необходимый русский колорит в ее переводы. Хотелось бы сказать в связи с этим об английских эквивалентах русского оригинала, когда Пушкин доверительно общается со своим читателем, приближая его к своему кругу знакомых, а следовательно, отлично понимающих его людей:

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

В переводе — те же четыре строчки заключения и тот же шуточный и даже ироничный тон. Но в русском оригинале акцентирована верность эпохе («в наши времена»), а в английском варианте подчеркивается временная остротность (“those days”) — это тонкое различие необходимо английскому читателю:

The just conclusion here, arising
From our brief tale of country life
Those days, my friends, a faithful wife
Is really nothing so surprising [2, p. 203].

«Граф Нулин» по своему сюжету, структуре и шутовскому повествовательному тону весьма напоминает комедию положений. В переводе Мэри Хобсон отличительные признаки пушкинского произведения точно соблюдены. Вся начальная сцена отлично воспроизведена в английском варианте. Не забыта ни одна деталь: верная жена в чепчике с сонным лицом провожает мужа, довольный собой и сборами хозяин, свора собак, рвущихся на сворках. Психологические детали тоже верно переданы при характеристике персонажей:

The huntsmen in their riding breeches
Are mounted, ready to depart,
The hounds are straining at their leashes
Out comes the master. Takes his place
And, hands on hips, prepares for action,
A pleasant glow on his face
Of self-important satisfaction,
A jacket strained about his chest,
His sash and Turkish knife — the best —
A flask of rum stuffed in his breast,
A fine bronze chain with horn suspended
In shawl and nightcap, much offended,
His wife looks out. Still drowsy, she
Surveys the tumult angrily [Ibid, p. 199].

Отлично очерчены характеры жены и мужа. Муж выезжает на охоту, как на войну, — отсюда слово “action”, имеющее несколько смыслов, в том числе и «дело» (в значении «военное сражение»). Подготовившись со всей серьезностью к охоте, граф доволен собой. А жена, вставшая слишком рано, воспринимает все сердито и раздраженно — для нее это все “tumult”. Таким образом, даже в лексике подчеркивается драматургическое противопоставление довольства и раздражения, важного дела и беспокойства: для одного это развлечение и

спорт, для другой — лишние хлопоты и недовольство от того, что пришлось провожать мужа в такую раннюю пору.

Стихи трудно переводить — их нужно чувствовать и транспонировать на чужой язык, сохраняя при этом фактуру текста, колорит нации и эпохи, и это редко удается. Мэри Хобсон — счастливое исключение из общего правила. Ее переводы пушкинских поэм и лирических стихотворений в полном собрании сочинений поэта, вышедшем в Лондоне, подтверждают возможность восприятия поэзии и культуры чужой языковой и культурной средой.

Список литературы

1. Соловьева Н. «Горе от ума» А. С. Грибоедова в переводе М. Хобсон // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы. М., 2007.
2. *Pushkin A. S. The Complete Works: in 15 vol. L., 2004. Vol. 5.*

ИКОНА

В разной форме к теме иконы обращались Пушкин, Лермонтов, Тоголь, Бестужев-Марлинский, Полевой, Погодин, Писемский, Крестовский, Глинка, Майков, Мей, Достоевский, А. К. Толстой, Случевский, А. Толстой, Бунин, Куприн, Короленко, Боборыкин, Ремизов, Вяч. Иванов, Мережковский, Горький, а в XX веке — Волошин, Клюев, Есенин, Ахматова, Цветаева, Замятин, Платонов, Булгаков, Пастернак, Солоухин и другие писатели и поэты. <...> Икона присутствует в творчестве Пушкина в самых разнообразных формах: это красный угол с иконами, молитва и молебен перед иконой, сияние иконных окладов в свете лампад в храме, благословение иконами новобрачных, икона на кладбищенском кресте, крестный ход с иконой, воинская присяга перед иконой, уничтожение икон и кощунство над ними, иконопочитание и его особенности в петровские времена, икона и образ Божий в человеке, наконец, икона и картина или восприятие религиозной живописи сквозь призму русской иконы.

В. Лепяхин

ИКОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

О разнообразии и многосторонности взаимосвязей иконописи с древнерусской литературой убедительно свидетельствуют два выпуска «Трудов Отдела древнерусской литературы» Пушкинского дома в 1966 и 1985 годах [11; 12]. Но икона занимала на Руси такое заметное место в церковной жизни, в православном быту, в русском искусстве, что это не могло не отразиться и позже — в художественной литературе XIX века. Общеизвестные примеры Лескова и Мельникова-Печерского говорят сами за себя, но они далеко не единственные. В разной форме к теме иконы обращались Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Бестужев-Марлинский, Полевой, Погодин, Писемский, Крестовский, Глинка, Майков, Мей, Достоевский, А. К. Толстой, Случевский, Л. Толстой, Бунин, Куприн, Короленко, Боборыкин, Ремизов, Вяч. Иванов, Мережковский, Горький, а в XX веке — Волошин, Клюев, Есенин, Ахматова, Цветаева, Замятин, Платонов, Булгаков, Пастернак, Солоухин и другие писатели и поэты. Просмотрим выборочно произведения некоторых писателей XIX века, в которых затрагивается тема иконы.

В 1833 году в «Московском телеграфе» появилась повесть Н. Полевого «Живописец» [3]. Возможно, это первое произведение русской литературы XIX века, в котором создан образ иконописца и описывается его мастерская. Подросток Аркадий из семьи чиновника испытывает сильную тягу к рисованию, и его отдают в ученики к старому иконописцу.

Отметим несколько интересных мотивов, связанных с иконой. На Руси был известен и нередко соблюдался обычай, имеющий еще библейское происхождение: во время болезни ребенка родители дают

обет в случае выздоровления чада посвятить его Богу (обычно по достижении определенного возраста отдать в монастырь). В повести же мы находим уникальный случай: мать младенца дает обет перед иконой Богородицы научить ребенка иконописи, чтобы он со временем написал икону Ахтырской Божией Матери¹. Итак, мотив посвящения Богу преобразован: с ребенком это происходит не прямо, а косвенно, через святое художество иконописания. Другой тесно связанный с этим мотив — забвение обета. Мать забывает о своем обещании, но мальчик, едва научившись рисовать, сам начинает срисовывать икону Ахтырской Богоматери, стоящую в красном углу, как бы напоминая матери об обете. После этого она решает отдать его учиться иконописи.

Мы находим у Полевого одну черту, ярко характеризующую отношение к иконописи в ту эпоху. Отцу Аркадия даже побоялись сказать о занятиях подростка иконописью. Писатель называет *неслыханным* и *невозможным* делом, чтобы сын титулярного советника² учился иконописанию у цехового иконописца. Если у него есть талант, настаивает отец, пусть учится живописи — это еще приемлемо. И герой повести берет уроки втайне от отца.

Полевой называет русское иконописание «греческим», или «византийским», что характерно для первой половины XIX столетия. Византийским его считали не только писатели, например современник Полевого Гоголь, но и историки искусства. Какие же особенности «греческого» иконописания бросаются в глаза Аркадию? Прежде всего «неестественные цвета» и «рельефный очерк». Что значит «неестественные цвета»? Возможно, краски неестественны для него своим темным колоритом. Но во времена Полевого еще не совсем отчетливо осознавали, что «смутные иконные лики» — результат потемнения олифы, которой покрывали икону. Когда в конце XIX века расчистили и отреставрировали иконы XIV и XV веков, то все были поражены яркими, звучными, радостными и светоносными красками древней иконописи³.

¹ Явление чудотворной иконы Ахтырской Божией Матери произошло в 1739 году в с. Ахтырка Харьковской губернии.

² Напомним, что титулярными советниками были, например, Акакий Акакиевич у Гоголя и Поприщин у Достоевского.

³ Но тогда опять заговорили о «неестественных» цветах, только в противоположном смысле: икону по ее цветовой гамме приравнивали и к детским рисункам, и к примитивам, и к народной вышивке, и даже к раскрашенной детской игрушке. И лишь спустя некоторое время пришло верное понимание роли цвета в иконе. Иконопись изображает иной мир, Царство Божие, и краски иконы должны помочь человеку оторваться от мира сего с его «естественными» красками, погрузить в мир неведомый, но реальный, в тот мир, где «живут» и молятся о мире сем святые.

Полевой подробно объясняет читателю, что такое «иконописцы русские». Они имеют: а) свою теорию живописи; б) свою манеру писать; в) свои способы составлять краски; г) свои приемы покрывать изображение лаком (олифой); д) «свою письменную книгу» (очевидно, писатель имеет в виду лицевой или толковый подлинник); е) свои иконописные школы; ж) свои предания и поверья. Полевой называет три иконописных школы: *курсунскую*, *строгановскую* и *вологодскую*. Так называемую курсунскую школу иконописи большинство исследователей в настоящее время считает мифической. Во всяком случае выделить группу икон, принадлежащих к этой школе, определить их особенности и стилевое единство не удастся. О вологодской же школе начали говорить только в последнее время (первый серьезный альбом, посвященный вологодской иконе, вышел в 1995 году). Интересно поэтому, откуда писатель почерпнул свои сведения об иконописных школах.

Иконопись, согласно Полевому, — искусство «таинственное», это художество, соединенное с молитвой. Писатель сравнивает его с *литьем колоколов* (!) как делом таким же священным и более знакомым русскому читателю. Иконопись не терпит не только дурной нравственности, но даже одной «злой мысли»: иконописцы стараются не допускать в свой «цех» человека сомнительной репутации. На иконописцах лежит великая ответственность: они, по словам писателя, помнят, что первую икону — Свой Нерукотворный образ — создал Сам Спаситель, Который есть «Образ Бога невидимого», как пишет св. апостол Павел (2 Кор 4:4; ср.: Кол 1:15). Они также помнят, что являются наследниками и продолжателями дела св. апостола и первого иконописца — евангелиста Луки и святителя Петра, Московского чудотворца.

Герой Полевого попадает в мастерскую настоящего иконописца, человека «добродетельного и богобоязненного», как не забывает отметить писатель. Полевой называет его «изображением» Алимпия Печерского и Андрея Рублева. Для характеристики иконописца писатель выбрал два имени. Преп. Алимпий (правильно Алипий) — первый древнерусский и первый святой иконописец Древней Руси, ученик знаменитых греческих мастеров. Его прекрасное и вдохновенное житие — одно из лучших в Киево-Печерском патерике [5, с. 425—429, 587—599]. Примечательно упоминание Полевым преп. Андрея Рублева, имя которого в светской литературе было забыто в течение всего XVIII века. Первым в XIX веке напомнил читателям о великом мастере писатель и историк Н. М. Карамзин [4, с. 387]. Возможно, Полевой стал вторым писателем своего века, для которого преп. Андрей — идеал

русского иконописца. Впрочем, это не удивительно: как историк Полевой хорошо знал «Стоглав», где встречается имя «пресловущего иконописца» Рублева, а его икона Пресвятой Троицы предлагается другим мастерам в качестве образца.

Аркадия покоряет мастерская старого иконописца, но описывает он ее в двух словах: она чистая, светлая и в ней — множество икон. Главное впечатление подростка — не собственно мастерская, а ее патриархальный строй, ее высокий молитвенный дух, ясно говоривший, что иконопись не обычное ремесло, а «великое, святое занятие», и это был для героя новый «очарованный мир». Искусство, художество должно было сливаться здесь с добродетельной жизнью. Иконописец возрастал в своем художестве лишь по мере духовного роста во Христе, в Боге. Старый иконник радовался, глядя на Аркадия, но радовался не его совершенствованию в искусстве иконописания, а его кротости, набожности. Желание и заботы старика состояли не только в том, чтобы вырастить хорошего мастера-иконаписца, но и в том, чтобы «водворить древнее благочестие» в способного ученика. В этом он следовал рекомендациям «Стоглава», который обязывал мастеров **«прїимати оучениковъ и ихъ разсматривати во всѣмъ, и оучити ихъ всакомъ благочестїю и чистотѣ»** [10, с. 151].

Иконописец Полевого делится своими опасениями относительно состояния иконописного дела в России. Он жалуется матери Аркадия на упадок «чистой иконописи», вероятно, в подтексте противопоставляя ее иконописанию как средству зарабатывать деньги. Он сетует также на развращение нравов среди современных иконописцев, ставя им в пример прежних иконников, которые допускались к святому занятию только после испытания их художественных способностей и «нрава» — религиозно-нравственных качеств; иконы же они писали по благословению епископов. Даже цари приглашали их во дворец и молились перед их иконами. Нетрудно заметить, что тут иконописец рисует идеальный образ «прежнего иконописца», ссылаясь на 43-е соборное постановление «Стоглава».

Полевой описывает конфликт между старым иконописцем и его молодым учеником. Расхождения между ними начинаются на почве противопоставления живописи и иконописи¹. Подросток не удовлетворен красками икон, он хочет передать на иконе, например, Преображения всю нестерпимую силу Божественного света, явленного на

¹ Кажется, в повести впервые в русской литературе описан конфликт между иконописью и живописью в душе художника.

Фаворе Христом. Старый иконописец резонно замечает, что икона идет не по пути иллюзионизма, а по пути символизма: она не изображает Фаворский свет, а символизирует его; сущность же нетварного Света неизобразима.

Подросток не внял увещаниям учителя. Однажды в доме губернатора он увидел «Святую ночь» Корреджо, которая настолько покорила его, что он навсегда оставил иконопись, забыл свое искреннее желание стать иконописцем и обещание написать икону Божией Матери Ахтырской, даровавшей ему жизнь. Он становится художником, пишет картины на мифологические, легендарные и евангельские сюжеты, переживает несчастную любовь, уезжает в Италию и там умирает еще молодым. Об иконописи, об иконах, о неисполненном обете в повести нет больше ни слова. Но это уже воля автора. Читатель и искусствовед в любом случае должен быть благодарен Николаю Полевому за первый в русской изящной словесности XIX века образ иконописца.

Жизнь и творчество Пушкина также связаны с иконой. Святые образа были на всех квартирах Пушкина в Петербурге и Москве, в Михайловском¹, Болдине, Петровском и Тригорском, в которых он жил или которые многократно посещал. Поэт постоянно видел их в храмах во время богослужений как в детстве, так и позже, в Лицее. Проживая в Михайловском, Пушкин, как известно, посещал богослужения в находившемся в нескольких верстах от Михайловского Святогорском монастыре. Там находились две чудотворные иконы — Одигитрии и Умиления.

Икона Одигитрии Святогорской в XIX веке пользовалась большим почитанием в окрестностях монастыря, и летом ее торжественно носили по близлежащим селам, оставляя ее там на время, служа молебны и читая перед ней акафисты. Пушкин знал предания, связанные с явленной иконой, не раз видел ее в монастырском храме, был свидетелем крестных ходов. Весной 1836 года в Петербурге умерла Надежда Осиповна — мать поэта. Пушкин, согласно завещанию, привез тело покойной в Святогорский монастырь. В день возвращения в Петербург он зашел в монастырь и с каким-то тайным предчувствием купил место для своей могилы. Игумен Геннадий в книге доходов и расходов пометил: «Получено от г-на Пушкина за место на кладбище 10 рублей.

¹ Иконы встречали всех приезжавших в Михайловское: в начале Еловой аллеи стояла часовня, фундамент которой после войны обнаружил С. С. Гейченко (см. [7, с. 129—130]). Иконы стояли во всех комнатах дома в Михайловском (Пушкин проживал там в 1817, 1819, 1824, 1827, 1835 и 1836 годах): в кабинете Пушкина, в гостиной, в девичьей и, конечно, в домике Арины Родионовны.

Сделан г-ном Пушкиным обители вклад — шандал бронзовый с малахитом и икона Богородицы — пядичная, в серебряном окладе с жемчугом» [7, с. 332]. Икона стала вкладом по усопшей родительнице, но также и залогом собственного упокоения поэта в освященной земле Святогорской обители.

Икона встречается во многих произведениях Пушкина, начиная с самых ранних. У поэта остались детские впечатления, связанные с иконами. В отрывке «Сон» он вспоминает свою бабушку Марию Алексеевну Ганнибал, которая перед сном рассказывала ему сказки:

От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец... [8, т. 1, с. 168].

Иконы и красный угол есть в домах у многих героев Пушкина. В известной повести гробовщик переезжает на новую квартиру на Никитской улице. Там он начинает обустраиваться: «Вскоре порядок установился; *кивот с образами*, шкаф с посудой, стол, диван и кровать заняли им определенные углы в задней комнате; в кухне и гостиной поместились изделия хозяина: гробы всех цветов и всякого размера, также шкапы с траурными шляпами, мантиями и факелами (здесь и далее в цитатах курсив наш. — В. Л.)» [Там же, т. 6, с. 81]. Обратим внимание, что «порядок» у Пушкина начинается с красного угла, с киота, и лишь потом следует мебель, а за ней изделия хозяина.

В «Пиковой даме» Пушкин описывает, как Германн пробирается в квартиру старой графини: «Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освещала их из передней. Германн вошел в спальню. *Перед кивотом, наполненным старинными образами, теплилась золотая лампада*. Полянные штофные кресла и диваны с пуховыми подушками, с сошедшей позолотою, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями» [Там же, с. 224]. Потом, пишет Пушкин, «свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою» [Там же, с. 225]. И именно тогда — в свете золотой лампады — Германн появляется перед графиней.

А вот светелка больной Наташи из «Арапа Петра Великого»: «Тихо теплилась лампада *перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон*. Дрожащий свет ее слабо озарял занавешенную кровать и столик, уставленный склянками с ярлыками»

[Там же, с. 35]. И здесь, как видим, взгляд писателя движется от икон к лекарствам. Может быть, в этой последовательности заключена уверенность: если Бог не поможет, то никакие лекарства не спасут.

В красном углу возле икон обычно хранили маленькие домашние святыньки: просфоры, освященный елей, церковные свечи, ладан, засохшие благовещенские прутьики вербы. В одном отрывке у поэта есть описание красного угла:

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними вербная лоза
С иссохшей просвирой и свечкой... [Там же, т. 2, с. 217].

Можно заметить по поводу этих строк, что иконы стоят на особой полочке, ибо их нельзя «вешать», а можно только ставить. Просфора же иссохшая, поскольку ее хранят дома долгое время и принимают маленький кусочек только в случае болезни.

В поэме «Монах», написанной поэтом в четырнадцатилетнем возрасте, к иконе заставляет обратиться сама тема: невозможно представить себе келью монаха без иконы.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно Монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны [Там же, т. 1, с. 14].

Красный угол с любимыми иконами, как бы окно в небо, в Царство Небесное, — это место всегдашней молитвы. Когда приходит искушение, Панкратий опять ищет спасения под иконами:

Ни жив, ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками [Там же, с. 20].

И именно под иконами Панкратий находит «противоядие» против бесовского искушения: встав из-под образов, он окропляет юбку святой водой, и бес является в своем истинном безобразном виде. Эта поэма интересна и присутствием в ней темы живописи. Когда поэт описывает келью Панкратия, он замечает: «Там не висел Рафаэль на стенах» [Там же, с. 13]. В красном же углу, как известно, были иконы.

Так у Пушкина возникает тема противопоставления иконописи и живописи, иконы и картины, которая по существу есть проблема соотношения святости и красоты.

В поэме «Бахчисарайский фонтан» Пушкин описывает комнату заключенной в гарем полячки Марии как монашескую келью:

Гарема в дальнем отделенье
Позволено ей жить одной:
И, мнится, в том уединенье
Сокрылся некто неземной.
Там день и ночь горит лампада
Пред ликом Девы Пресвятой...
И между тем, как всё вокруг
В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасенный чудом уголок... [Там же, т. 4, с. 137].

Этот уголок поэт описывает еще раз, но уже глазами Заремы. Он производит сильное впечатление на грузинку, которая ночью пробирается в комнату невольной соперницы:

Вошла, взирает с изумленьем...
И тайный страх в нее проник.
Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой Девы кроткий Лик
И крест, любви символ священный,
Грузинка! Всё в душе твоей
Родное что-то пробудило... [Там же, с. 139].

Икона в комнате Марии и теплящаяся перед ней лампада — символ живой веры — служат неожиданным упреком Зареме, ведь она, в противоположность полячке, «между невольницами хана забыла веру прежних дней» [Там же, с. 141]. Однако именно перед иконой она просит Марию о клятве христианской верой.

Икона у Пушкина защищает человека от нечистой силы. Причем важно, чтобы перед ней горела лампада, как у Марии, или свеча. Тогда икона обретает особую чудодейственную силу. В «Русалке» княгиня, опасаясь за мужа, призывает мамку:

Ах боже мой! в лесу ночной порою
И дикий зверь и лютый человек
И леший бродит — долго ль до беды.
Скорей зажги свечу перед иконой [Там же, т. 5, с. 377].

Иконы помогают героям Пушкина в самых разных ситуациях. Как Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» находит в Петербурге свою Дунюшку? Когда на второй раз ротмистр Минский не принял старика и тот отчаялся увидеть дочь, станционный смотритель пошел в церковь и заказал молебен перед чудотворной иконой Божией Матери *Всех Скорбящих Радость*. И Богородица через свой чудотворный образ помогла ему: в тот момент, когда Самсон Вырин шел из церкви по Литейному проспекту, он увидел Минского, последовал за ним и так попал в квартиру, где проживала его дочь.

Красный угол с иконами есть у Пушкина и в другом произведении — «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях». Поэт называет их богатырями, но занимаются они «молодецким разбоем». Напомним эпизод, в котором царевна, оставшись одна, получила от старушки золотое, наливное яблочко и, не выдержав, откусила кусочек. И вот что случилось:

Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала... [Там же, т. 4, с. 353].

Обратим внимание, что царевна падает в красный угол — самое святое место в избе. Там стояли лавки и накрытый скатертью стол, туда сажали почетного гостя. То, что героиня упала именно под иконы, служит залогом ее пробуждения от смертного сна. Сказочные и христианские мотивы у Пушкина здесь переплетаются.

У поэта встречается скрытая характеристика героя через его отношение к иконам. В сказке «Жених» невеста видит сон:

Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая [Там же, с. 303].

Так во сне героиня по поведению двенадцати молодцов поняла, что это разбойники. Интересно, что даже в разбойной избе все же были иконы, что соответствует действительности.

Иконы в окладах и без окладов, в иконостасе и на стенах являются главным украшением церкви; они призывают к молитве, к покаянию, мерцающие в свете лампад и свечей оклады создают таинственную атмосферу общения с Богом. В стихотворении «Вечерня отошла давно» поэт описывает вечерний храм:

Кругом и сон и тишина,
Но церкви дверь открыта;
Трепет луч лампы
И тускло озаряет он
И темну живопись икон
И позлащенные оклады [Там же, т. 2, с. 154].

Как и большинство писателей XIX века, Пушкин называет иконную живопись «темной». Действительно, до конца столетия потемневший слой олифы, которая покрывала иконы, не умели удалять. Поэтому многие писатели и поэты вплоть до начала века (например, А. Белый, М. Кузмин, М. Цветаева) воспринимали икону как контраст темной живописи и золотых или серебряных окладов, таинственно переливавшихся в желтом свете свечей или красных, зеленых, синих огоньков лампад.

Иконы также упоминаются и в шуточных стихотворениях Пушкина. В марте 1816 года был арестован по обвинению в нескольких убийствах и грабежах К. Сазонов, работавший «дядькой» в Лицее. Это событие запечатлено в следующем стихотворении:

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим [Там же, т. 1, с. 157]¹.

Грошова свечка здесь не указывает на пренебрежение — просто это самая распространенная тонкая церковная свеча, которая называлась так по своей цене. Характерно, что даже лирический герой шуточного стихотворения хочет принести свою благодарность Богу, поставив перед Его иконой свечу.

¹ Ф. М. Пешель — лицейский доктор.

Важное место занимают иконы в свадебном обряде. В отрывке «Участь моя решена. Я женюсь...», имеющем автобиографический характер¹, Пушкин описывает такое благословение иконами: «Позвали Надиньку — она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая Чудотворца и Казанской Богоматери. Нас благословили. Надинька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених» [Там же, т. 6, с. 390].

Биографический характер имеет у Пушкина и еще одно благословение иконами. В наброске «Начало автобиографии» Пушкин рассказывает о том, как его предок Ганнибал долгое время не хотел возвращаться из Парижа в Россию. Вернулся он лишь после адресованного ему специального письма царя Петра. Далее Пушкин пишет: «Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей» [Там же, т. 8, с. 57]. Здесь благословение образом — знак примирения, любви и благословения на жизнь в России. Не случайно Петр выбрал и икону: в честь св. апостола Петра был крещен сам царь, но, главное, в 1707 году царь крестил Ибрагима, и в крещении тот стал также Петром. Благословенная икона Петра и Павла долгое время находилась в имении Петровском². В «Начале автобиографии» Пушкин сообщает, что он пытался разыскать ее у потомков Ганнибала, но безуспешно [Там же].

Вспомним драматичное благословение Маши в повести «Дубровский»: «С Богом, — отвечал Кирила Петрович и, *взяв со стола образ*, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала» [Там

¹ Набросок сделан 12–13 мая 1830 года, т. е. через неделю после помолвки Пушкина с Н. Н. Гончаровой.

² Упоминавшийся настоятель Святогорского Успенского монастыря Иона, которому было поручено встречаться и беседовать со ссыльным Пушкиным, вел дневник. Вот что значит в записи от 2 июля 1824 года: «Вчера в святой обители и по всей ворончанщине праздновался день святых отец наших, апостолов Петра и Павла. Обедню в Успенском соборе служил сам преосвященный епископ Псковский Евгений... После службы я и вся моя братия — общим числом пятнадцать персон — были приглашены епископом к генералу-маэру Петру Абрамовичу Аннибалу в его сельцо Петровское... В красном углу перед святыми (т. е. перед иконами. — В. Л.) возжены были все лампы, особая большая горела пред образом святых апостолов Петра и Павла. Тут не премину приписать историческое известие. Икона сия была подарена в 1719 году родителю сего Аннибала самим Императорским Величеством Петром Великим Всероссийским, о чем на ризе крупно и написано» [7, с. 323].

же, т. 6, с. 205]. Маша рыдает, потому что родительское благословение иконами — это Божие благословение. Венчание еще не состоялось, но до него остался один шаг, исправить ничего нельзя и отступать уже поздно, что и показывают дальнейшие события в повести.

Благословение молодой четы иконами имеет у Пушкина и собственно обрядовые, и исторические, и автобиографические корни. Поэтому образами благословляют молодых у поэта даже в сказках. В упоминавшемся уже «Женихе» к родителям Наташи приходит сваха, рассказывает о женихе и сразу приступает к делу:

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами? [Там же, т. 4, с. 300].

И в «Сказке о царе Салтане», когда князь Гвидон решает взять в жены царевну Лебедь, он обращается сначала за благословением к матери:

«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит» [Там же, с. 332].

Здесь, как видим, мать благословляет одной иконой (поскольку нет отца), но зато икона эта чудотворная.

Икона сопровождала человека всю его жизнь, вплоть до самой смерти. Икону клали в гроб на грудь умершему. И на могильном кресте обычно в маленьком киоте ставили икону, а перед ней зажигали лампаду в стеклянном фонарике. Часто для этой цели использовали не писанные на дереве, а литые медные иконы. Такая иконка есть у Пушкина на кресте покойного Самсона Вырина в «Станционном смотрителе». Устами Белкина Пушкин повествует: «— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на грудь песку, в которую врыт был черный крест с медным образом» [Там же, т. 6, с. 98].

Икона играла важную роль не только в личной и церковной жизни, но и в жизни общественной, государственной. Формы этого «участия» исключительно многообразны. В «Борисе Годунове» Пушкин описывает призвание Бориса на царство:

Заутра вновь святейший Патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигнется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сиротою Москвою
И на венец благословит Бориса [Там же, т. 5, с. 192–193].

Иконы Богоматери — особенно Владимирская, Донская, Смоленская, Феодоровская — прославились не только чудотворениями, но своим участием в важнейших внутривластных и внешнеполитических государственных событиях. Пушкин хорошо знал и часто использовал в своей поэзии и прозе знаменитую «Историю...» Н. М. Карамзина, который так описывает торжественное шествие из Кремля в Новодевичий монастырь для призвания Бориса: «Патриарх и владыки несли иконы, знаменитые славными воспоминаниями: Владимирскую и Донскую, как святые знамена Отечества» [4, с. 682]. Упоминание Пушкиным двух икон, как видим, не случайно, оно свидетельствует о стремлении поэта к исторической точности в этом произведении.

Таким образом, икона присутствует в творчестве Пушкина в самых разнообразных формах: это красный угол с иконами, молитва и молебен перед иконой, сияние иконных окладов в свете лампад в храме, благословение иконами новобрачных, икона на кладбищенском кресте, крестный ход с иконой, воинская присяга перед иконой, уничтожение икон и кощунство над ними («История пугачевского бунта»), иконопочитание и его особенности в петровские времена, икона и образ Божий в человеке, наконец, икона и картина или восприятие религиозной живописи сквозь призму русской иконы.

Полевой и Пушкин затронули такие проблемы, связанные с иконописью, к которым впоследствии обращались многие русские писатели. Одним из них был Гоголь. В теме «Гоголь и икона» можно выделить три аспекта: а) икона в личной жизни писателя; б) непосредственные,

прямые высказывания Гоголя об иконах и иконописи; в) роль иконы в художественных произведениях писателя.

Жизнь Гоголя была отдана под покровительство чудотворной иконы еще до рождения писателя. Мать в ожидании чада дала обет перед чудотворным образом свт. Николая Угодника, именуемого Диканьковским, назвать сына Николаем. Позже писатель ездил в Диканьку поклониться этому образу. У Гоголя были любимые иконы, которые он возил с собой, например две иконы свт. Николая: одна — писанная на доске, она была с ним в паломничестве на Святую Землю; другая — медная, украшенная финифтью — подарок преп. Антония Оптинского (Путилова). Гоголь дорожил также образом Спасителя, это был дар епископа Харьковского Иннокентия.

Гоголь делал выписки из сочинений Святых Отцов, посвященные эпохе иконоборства, его занимали вопросы соотношения религиозной живописи и иконописи. Он посылал Александру Иванову в Рим иконы, которые тот просил. Для Иванова же Гоголь делал кальки по книге Дидрона «Христианская иконография». Скончался писатель, как известно, перед иконами с четками в руках. Над его смертным одром стояла большая икона Богородицы (см.: [2, т. 9, с. 159, 429, 517; 1, с. 6, 71, 74, 86]).

Высказывания Гоголя об иконах немногочисленны, но глубоки. XIX век заново открыл для себя красоту иконописных ликов, что произошло, конечно, не сразу. На это, как нам кажется, было три причины: во-первых, эстетический вкус не только простого православного человека, но и иконописцев был испорчен двухвековым лицезнением живоподобных лиц, которые в заметно ухудшенном варианте перекочевали на иконы с картин итальянского и частично немецкого и голландского Возрождения; во-вторых, блеск и роскошь окладов иногда совершенно подавляли собственно иконопись; в-третьих, темневшая со временем олифа делала лики почти неразличимыми. Однако Гоголь еще в 1849 году писал: «В древней иконописи, украшающей старинные наши церкви, есть удивительные лики и на ликах удивительные выражения» [2, т. 9, с. 454]. Иконописный лик — главное, что видит православный человек в образе, именно к нему предстоящий обращается с молитвой. Святые, по словам о. Павла Флоренского, «являясь восхищенному умному взору... свидетельствуют о Божием таинстве... своими *лика*ми» [14, с. 61]. Вся духовная литература в защиту икон и иконопочитания — жития, проповеди, популярная литература на благочестивые темы — свидетельствуют, что главное в иконе —

Лик. И Гоголь отметил это одним из первых в XIX веке¹. Возможно, особым вниманием писателя к иконописным ликам объясняется следующее его высказывание: «Все это (итальянская живопись позднего Возрождения. — В. Л.) не может сравниться с нашими византийцами, у которых краска ничего, а все в выражении и чувстве» [2, т. 3/4, с. 493]. Утверждая, что краска в иконе «ничего», Гоголь, как и Полевой, высказывал распространенное в начале XIX века мнение о свойственном иконе темном колорите, хотя против него выступали еще в XVII веке Симеон Полоцкий и особенно Иосиф Владимиров в своем знаменитом трактате [6, с. 26, 57]. Но интересно, что Гоголь отметил «выражение и чувство» на иконе, что опять отсылает нас к иконописным ликам и, конечно, строгим и светлым очам святых.

У Гоголя есть высказывание, касающееся иконографии, точнее канона, по которому пишется и должна писаться икона: «Икона только тогда может назваться иконой, когда она удержала в себе весь свой первобытный тип» [2, т. 3/4, с. 493]. Очевидно, писатель имеет в виду сохранение иконописного предания, верность древним иконографическим переводам, подлинникам или иконам знаменитых мастеров, к чему призывал иконописцев еще «Стоглав».

Гоголю были не чужды и проблемы иконопочитания. В одной из статей он писал: «И земной любви он [человек] поклонится не так, как грубый человек поклоняется образу, считая образ за самого Бога, но так, как поклоняется образу просвещенный верою человек, считающий его за одно бледное художественное произведение, поставленное только для напоминания, что нужно возноситься к Тому, Чьего образа невозможно увидеть нашими бранными глазами» [Там же, т. 6, с. 287]. Отметим в этом высказывании несколько принципиальных моментов:

- икона не Бог, только «грубый» человек может отождествлять изображение и изображаемое (это мы видим в идолопоклонстве);
- икона нужна для «напоминания» (святоотеческий термин, который встречается в материалах VII Вселенского Собора: это напоминание-воспоминание, которое *возводит* к тому, о ком вспоминают);

¹ Небесными ликами святых явлено столько откровений, им посвящено так много глубоких богословских построений и искусствоведческих страниц, им пропеты настоящие поэтические гимны! Именно лики святых создают молитвенное настроение, именно к ним прибегают с молением и прошениями. Верующее сознание умеет не останавливаться вниманием на окладе, каким бы богатым и сверкающим он ни был, но проходит мимо него, сквозь него и припадает с мольбой и благоговением к Лику. Лик Спасителя, Богоматери или святого — главный, хотя и не единственный, источник и объект молитвы.

— почитание иконы не относится к доске, краскам, эстетике произведения, а восходит к Богу и возводит человека к Отцу;

— Бога увидеть *бранными* глазами невозможно.

В этом отрывке Гоголь излагает хорошо знакомое ему церковное учение об иконопочитании. В «Риме» он показал тесную взаимосвязь иконы и храма, литургическую функцию иконы: «Иконы вынесли из храма — и храм уже не храм; летучие мыши и злые духи обитают в нем» [Там же, с. 181]. Обратимся теперь к художественным произведениям писателя.

В повести «Тарас Бульба» кошевой атаман осторожно намекает казакам о необходимости военного похода. При этом он называет три причины, по которым следовало бы взяться за оружие: долги, необстрелянная молодежь, но также — что очень важно — то, что в церкви запорожской образа́ без всякого убранства. «Хотя бы серебряную ризу кто догадался им выковать», — жалуется атаман [Там же, т. 1/2, с. 244]. Так почитание икон косвенно становится одной из причин воинского похода.

В повести «Страшная месть» речь идет о свадьбе и родительском благословении: «...старый есаул вынес две иконы благословить молодых. Те иконы достались ему от честного схимника, старца Варфоломея. Не богата на них утварь, не горит ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмеет прикоснуться к тому, у кого они в доме. Приподняв иконы вверх, есаул готовился сказать короткую молитву... как вдруг закричали, перепугавшись, дети». На глазах у всех отец Катерины, увидев иконы, стал превращаться в уродливого колдуна. И тогда «величаво и сановито выступил вперед есаул и сказал громким голосом, выставив против него иконы: — Пропади, образ сатаны, тут тебе нет места! — И, зашипев и щелкнув, как волк, зубами, пропал чудный старик» [Там же, с. 130—131]. В этом эпизоде иконы показывают свою силу, даже могущество в разоблачении нечистой силы и ограждении человека от нее.

Но всесильна ли икона? На первый взгляд, повесть «Вий» отвечает на этот вопрос отрицательно. Хома остается в церкви один, ему страшно. «Свечи теплились пред темными образами, — пишет Гоголь. — Свет от них освещал только иконостас и слегка середину церкви... Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами... Лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно» [Там же, с. 344]. Присмотримся к тому, как ведет себя Хома, оказавшись в непрестом положении: он пьет горилку, закусывает сви-

ниной, нюхает табак, надеется на магический круг (а не на Бога и святые иконы), читает молитвы «как попало». Поднимается вихрь, иконы падают на пол, является Вий, и Хома вслед за иконами падает бездыханным на пол. Иконы его не спасли. Но вспомним, как выступил с иконами против колдуна есаул Горобець: с твердой верой, «величаво и сановито». Хома же теплой и искренней веры в Бога не показывает¹; пребывая в храме, не прибегает к Спасителю, к заступничеству святых и даже, по описанию Гоголя, как-то побаивается темных ликов икон. И иконы оставляют его². Собственными силами, без помощи Божьей невозможно одолеть нечистую силу.

Герой повести «Ночь перед Рождеством» кузнец Вакула в «досужее время» писал иконы, причем «слыл лучшим живописцем во всем окрестке» и был нечистому противнее проповедей отца Кондрата. Вакула написал икону Страшного Суда. На ней он средствами натурализма и иронии хотел снять страх перед нечистой силой, показать всемогущество Божие. На этой почве и возникает у него конфликт с бесом. Выйдя из него победителем, кузнец пишет еще одну икону Страшного Суда на западной стене храма. Но если в первом случае он стремился вызвать у верующего улыбку и даже насмешку над нечистым, то теперь — отвращение, так что все проходящие «плевали» в него [Там же, с. 129] — плевали в западную сторону, повторяя отречение от сатаны из обряда крещения (точнее, оглашения).

При описании портрета в одноименной повести Гоголь не раз прибегает к скрытому сопоставлению его с иконой, описывает его как антиикону. По редакции «Арабесок» Чартков видел, «как поверхность старика отделялась и сходила с портрета», по второй же редакции «старик пошевелился», «уперся в рамку обеими руками» и, «высунув обе ноги, выпрыгнул из рам» [Там же, т. 7, с. 272; т. 3/4, с. 69]. Здесь Гоголем отмечена явная антииконичность портрета.

¹ И самим «говорящим» именем героя Гоголь подчеркнул главный недостаток Философа: Хома — «Фома неверующий» — в народном благочестии стал символом слабой веры.

² А. Ремизов любил повесть «Вий» и не раз писал о ней. В книге «Огонь вещей» в присущей ему манере — «сны и предсонье в литературе» — он сделал себя очевидцем происходящего в повести на третью ночь: «Весь охваченный жгучим вийным веем я вдруг увидел себя забившимся за иконостас алтаря, невидимым для подземных чудовищ с отвратительными липкими залупленными хвостами. Я различаю из-за своей засады в трепещущей от свечей, облитой светом трутовой ветхой церкви в третью и последнюю ночь философа Хому Брута» [9, с. 541]. Характерно, что писатель даже во сне не забывает спрятаться от чудищ в алтаре за иконостасом.

Икона не нуждается в раме. Выполненное в обратной перспективе, плоскостное, как бы двухмерное изображение на иконе подчеркивает, что у края иконы кончается видимое физическое трехмерное пространство и начинается другое — духовное, небесное, ведь Спаситель, Богородица или святые, изображенные на иконе, пребывают в Царстве Божием. В сказаниях о чудотворных иконах они «действуют», как правило, в своей материально-духовной целостности; святому нет нужды «сходить» со своей иконы. Портрет же не может действовать как икона — в целостности изображения и изображенного, что связано, в частности, с особенностями прямой перспективы, характерной для живописи. Изображение должно «сойти» с картины, у Гоголя даже «вылезти» из картины, как из окна. Чартков в конце своего разговора со стариком «заметил, как он [ростовщик] ушел в свои рамы» [Там же, т. 7, с. 273]. Во время же их беседы рама оставалась *пустой* (!) — это была дыра, символ небытия и *само небытие*, как выясняется в конце повести.

Самый яркий, пожалуй, антииконный мотив встречается во второй части повести. Чувствуя свою вину, автор злополучного полотна хочет уничтожить портрет и сжигает «проклятое произведение рук своих»¹. Когда портрет на глазах художника превратился в кучку золы, тот почувствовал облегчение. «С чувством выздоровевшего от продолжительной болезни, — повествует Гоголь, — оборотился он к углу комнаты, где висел писанный им образ, чтобы принести чистое покаяние, и с ужасом увидел, что перед ним стоял тот же портрет Петромихали, которого глаза, казалось, еще более получили живости...» [Там же, т. 3/4, с. 296]. После сожжения портрет оказывается не просто на своем месте, на стене, а *в красном углу*, где могут находиться только иконы. Он недвусмысленно намеревается вытеснить икону из красного угла, хочет занять место иконы, заместить ее. Напомним, что первое значение приставки «анти-» в греческом языке — «вместо», а не «против». Портрет является *антииконой* именно в этом смысле: он не воюет против

¹ «Рукописи не горят», — говорит у М. Булгакова Воланд. Но задолго до Булгакова Гоголь открыл, что не поддаются огню и живописные произведения, исполненные демонического духа. Характерно, что на Руси обветшавшие иконы не предавали огню, «обыкновенно их пускали по воде или иногда зарывали на кладбище, однако ни в коем случае не сжигали», — пишет Б. А. Успенский. Икона «как бы и не может гореть в силу своей сакральной природы» [13, с. 185]. Видимо, мысль Гоголя (а позже М. Булгакова) состояла в том, что не могут сгореть и выступающие в функции сакральных предметы «с отрицательным зарядом».

иконы, что вызвало бы протест со стороны человека, но хочет закрыть ее, предлагает себя *вместо* иконы, хочет, чтобы ему поклонились.

В повести Чартков позволяет себе два антииконных выпада. Первый связан как раз со спецификой изображения пространства на иконе. Став модным живописцем, он начал резко высказываться обо всех художниках, творивших до Рафаэля, с насмешкой утверждая, что они писали «не фигуры, а селедки». Очевидно, Чартков имеет в виду именно плоскостную манеру письма, характерную для византийской иконы, печать которой долгое время лежала на живописи Возрождения. Сам Гоголь положительно оценивал влияние византийской традиции, например, на Чимабуэ, а через него на Треченто и все последующее развитие искусства [Там же, т. 8, с. 29].

Второй выпад Чарткова связан не с техникой, а с самой сущностью иконы, он утверждает, что «существует только в воображении рассматривателей мысль, будто бы видно в них присутствие какой-то святости» [Там же, т. 3/4, с. 84]. Чартков в этом заявлении имеет в виду дорафаэлевскую религиозную живопись вообще, а не собственно иконопись; но надо учитывать, что произведения итальянской живописи (которые с точки зрения византийского богословия иконы и иконопочитания не могли считаться иконами) использовались католической Церковью в качестве икон, алтарных образов. Отрицание им святости в картинах дорафаэлевских есть скрытое иконоборство, во-первых, потому, что оно ставит святость образа в зависимость от новейших достижений в области техники живописи; во-вторых, потому, что оно основано на явном непонимании специфики иконописной техники и ее неразрывной взаимосвязи с богословием иконы и иконопочитанием; в-третьих, потому, что фактически отбрасывает всю многовековую традицию почитания этих изображений; наконец, в-четвертых, потому, что святость иконы в этом случае становится лишь плодом человеческого воображения, икона лишается подлинной онтологичности, реального антиномичного единства в ней образа и Первообраза.

Можно отметить также следующие типичные иконные мотивы в повести: а) в монастыре иконописец вначале отказывается писать иконы, потому что его кисть «осквернена»; б) после долгих подвигов иконописец возвращается к святому художеству и пишет икону Рождества Христова (поклонение волхвов), по первой же редакции — Покров Богоматери, и только после этого злополучный портрет исчезает; в) сын иконописца при встрече с ним в монастыре изображает своего отца как живую икону. Один из главных уроков повести Гоголя состоит в том, что иконопись «побеждает» живопись, а икона все же вытесняет картину, портрет.

Продолжение следует.

Список литературы

1. Воронаев В. Духом схимник сокрушенный. М., 1994.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. М., 1994.
3. Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века. Л., 1989.
4. Карамзин Н. М. Предания веков. М., 1987.
5. Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
6. Послание некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1974.
7. Приют, сияньем муз одетый. М., 1979.
8. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. Л., 1977 – 1979.
9. Ремизов А. Неумный бубен. Кишинев, 1988.
10. Стоглав. СПб., 1863.
11. Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1966. Т. 22.
12. Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 38.
13. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
14. Флоренский П. А. Иконостас. М., 1994.

**ДОКУМЕНТЫ
ВРЕМЕНИ**

В этом разделе будут публиковаться документы времени (архивные тексты, рисунки, фотографии, другие источники), которые помогут современному читателю самостоятельно — без комментирующих вторжений в них исследователей — знакомиться с фактами истории. Погружаясь в атмосферу документальных источников, мы становимся активными творцами самой связи времен. Наше присутствие в Настоящем и преодоление пространственных координат создают неповторимый личностный диалог с Прошлым, собственное понимание ушедшего времени, которое помогает осмыслить быстротекущее Сегодня.

На страницах номера читатель увидит фото женщин XX века, которые молчаливо говорят о своем Времени, о своих радостях и заботах, о счастье жизни. Эпиграфом к этим фотодокументам могли бы стать слова немецкого философа Вальтера Шубарта из его книги «Европа и душа Востока» (1938):

«Разные народы дали разные образцы человеческих идеалов. У китайцев это мудрец, у индусов — аскет, у римлян — властитель, у англичан и испанцев — аристократ, у немцев — солдат, Россия же предстает идеалом своей женщины. <...> У нас есть серьезные основания для надежды, что русский народ спасет именно русская женщина. <...> Никакая другая женщина, по сравнению с русской, не может быть одновременно возлюбленной, матерью и спутницей жизни. Она объединяет все преимущества своих западных сестер».

ФИЛОСОФСКИЕ
СТРАНИЦЫ

Для Т. А. Ландау гибель культурного организма — не следствие его внешней слабости, а проявление внутренней силы. Он исходит из того, что расцвету организма должна соответствовать предельно интегрированная и функционально дифференцированная структура, однако именно в такой неустойчивой и предельно связанной системе сбой одной функции способен спровоцировать общий коллапс. И напротив, чем менее связан организм, чем менее он органичен, тем больше у него шансов безболезненно пережить те неразрешимые конфликты, которые присущи самой жизни. По существу, мы имеем дело с утверждением имманентности трагического самой природе истории...

В. Повилайтис

Владас Повилайтис
(Калининград)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Г. А. ЛАНДАУ

Григорий Адольфович Ландау (1877 – 1941) даже для богатой талантами русской эмиграции был человеком удивительным. Нельзя сказать, что его биография известна нам досконально, однако благодаря воспоминаниям¹ и ряду современных исследований² мы имеем довольно полное представление об основных этапах жизни мыслителя. Родился Ландау в обеспеченной еврейской семье. В. Гессен указывает, что отец будущего философа Адольф Ефимович был купцом второй гильдии, издавал журнал «Восход» и владел небольшой типографией. С 1906 года Ландау активно занялся политической и культурно-просветительской деятельностью. По по-

¹ Современниками о Ландау написано не так много, и это при том, что отдельные деятели эмиграции (к примеру, П. Струве) оценили его высоко. Наиболее известны небольшие, но написанные с большим чувством воспоминания о философе, принадлежащие Ф. Степуну, и ставшая популярной с подачи Р. Гуля история-анекдот «об ответственном еврее»: «В еврейско-русских кругах нашумел доклад выдающегося мыслителя и писателя... Григория Ландау — "Россия и русское еврейство". Помню, после этого доклада в "Петрополисе" Я. Н. Блох мне, смеясь, сказал: "Знаете, как теперь называется Григорий Ландау?" — "Как?" — "Ответственный еврей!" — "Почему?" — "Да ведь он же считает евреев в большой мере ответственными за революцию..."»

² Особо отметим статьи, в которых не только уточнены обстоятельства жизни и смерти Ландау, но и исправлены фактические ошибки, допущенные Степуну и Гулем [1; 2].

литическим убеждениям он был кадетом. Еще до революции Ландау опубликовал статью «Сумерки Европы», сделавшую его довольно известным¹. Уже в эмиграции эта статья стала введением к одноименной книге [3] — самому значительному сочинению философа. Почти двадцать лет (1919—1938) он прожил в Германии, после чего перебрался в Латвию. В 1940 году был арестован советскими властями и погиб в лагере в 1941 году. Похоронен около поселка Сурмог недалеко от Соликамска.

В мемуарной литературе о Ландау чаще всего вспоминают в связи с его *афоризмами*. Нередко его называют *русским Шпенглером*, одиноким мыслителем, опередившим время². Во многом так оно и было, однако рисовать *философский* портрет только этими двумя красками не следует, и вот почему.

Конечно, Ландау имел вкус к парадоксальному мышлению и обладал способностью видеть обычные вещи в неожиданном свете: поражает его умение простой перестановкой акцентов обновить какой-нибудь изрядно подзатертый философский сюжет, дать ему вторую жизнь. Человек исключительно ясного ума, он тонко чувствовал русский язык — для многих и сегодня Ландау в первую очередь автор острых и точных афоризмов, которые и в России, еще до революции, и в эмиграции имели самое широкое хождение³. Собранные вместе (книга «Эпиграфы» [4] была опубликована в Берлине в 1927 году), они

¹ А. В. Липский, к примеру, указывает на то, что П. Сорокин познакомился с этой статьей во время подготовки к магистерскому экзамену и позже частично заимствовал ее название для одной из своих публичных лекций [6, с. 159].

² Мысль о том, что Ландау опередил О. Шпенглера, есть и у Гуля, и у Степуна. Кроме того, именно Степун одним из первых со всем свойственным ему литературным талантом сказал о незаслуженном забвении этого имени, о злой, несправедливой судьбе, постигшей Ландау: «...природа наделила Григория Адольфовича блестящими дарованиями, но жизнь жестоко насмеялась над его даровитостью: то небольшое, что он написал, мало до кого дошло и мало на кого произвело впечатление» [5, с. 148].

³ О том, что афоризмы составили Ландау довольно большую известность, можно судить и по упоминаниям в мемуаристике (к примеру, в «Нездешнем вечере» об одном из его выступлений вспоминает Марина Цветаева), и по тому, что многие из них действительно вошли в жизнь и приписывались куда более известным авторам (от Осипа Мандельштама до Зинаиды Гippiус).

надолго закрепили за автором репутацию мастера короткой хлесткой фразы. Как говорил сам Ландау, «афоризм — это все то, что в конце концов остается от мыслителя, если от него что-нибудь остается». Но афоризм не просто краток — он фрагментарен; соблазняя читателя, побуждая его к самостоятельному мышлению, он в большей степени принадлежит литературе. Для философии здесь слишком многое вынесено за скобки. Вот почему философу было ясно и другое: «...в сборнике афоризмов, пожалуй, и можно выжать сок человеческой мысли; но сок вовсе и не составляет наиболее драгоценной ее части».

К вопросу о *русском Шпенглере*. Высокие оценки, которых удостоиваются работы Ландау, нередко выставались теми, кто, рискуя предположить, был мало знаком с их содержанием. К примеру Р. Гуль, называя Ландау выдающимся мыслителем, утверждает, что его книга «Сумерки Европы» была написана раньше книги Шпенглера и только революция помешала опубликовать ее в России. В действительности же сам Ландау в предисловии указывает, что над книгой он работал урывками, на протяжении восьми лет, в том числе и в эмиграции. Кроме того, значительная часть труда посвящена обсуждению итогов уже завершившейся мировой войны. Складывается ощущение, что эмиграция скорее слышала о Ландау, чем читала его. Загипнотизированное сходством названий русское зарубежье словно «зацикливается» на этом совпадении, причем иногда кажется, что сам автор этому подыгрывает (вспомним кокетливое утверждение Ландау, что назвать свою книгу 1923 года так же, как и статью 1914, он не просто имеет право, но и *обязан* [3, с. 5]). Но что же было в реальности? Статья действительно содержит интонации и идеи, развитые позже в отдельной книге, — связь здесь очевидна. Однако следует признать, что в статье нет даже эскиза философии или теории культуры — есть лишь настроение. Все это появляется только в книге, где Шпенглер, кстати, довольно часто и с большим уважением цитируется. Но шпенглеровский мотив настолько заворочил публику, что осталось незамеченным главное: несмотря на все переклички и возможные заимствования, Ландау создал оригинальную работу, которая ставила и решала свои собственные задачи.

Дадим краткое описание этого сочинения. Книге предпослано небольшое *предисловие* (с. 5–8), в котором автор пытается объяснить, почему работа получила именно такое название, а также кратко говорит об истории ее создания. В качестве *введения* (с. 9–40) он использует ту

самую статью 1914 года «Сумерки Европы», которая воспроизведена без изменений и дополнений. Ландау поступает так, чтобы придать больше веса своим новым текстам: ему кажется, что его удавшееся предсказание однозначно свидетельствует об истинности тех установок, которыми он руководствовался в собственных рассуждениях. Поэтому если из этих установок сделать верные выводы, то истинность нового, развернутого объяснения будет неоспорима. Отметим сразу, что это хрупкая конструкция, и дело даже не в том, что и из ложных оснований можно сделать истинный вывод. Статья Ландау не научный прогноз, а скорее пророчество, яркое и эмоциональное. Она — *настроение*, из которого невозможно вывести *систему*.

Основная часть работы состоит из трех отделов, каждый из которых имеет более дробную структуру. *Отдел I «Разрушительная идея»* (с. 41—170) посвящен анализу тех мировоззренческих установок, последовательное и настойчивое развертывание которых, по мнению мыслителя, и привело к мировой войне. *Отдел II «Искаженное строение»* (с. 171—298) представляет собой попытку интерпретации политико-социальных последствий мировой войны: Ландау показывает механизм, который позволил набору отвлеченных идей почти до основания разрушить вполне конкретный мир. В этой части он рассуждает о военно-политических итогах войны для основных ее участников и Европы в целом. *Отдел III «Новоевропейская культура»* (с. 299—367) наиболее интересен с философской точки зрения. В этой части Ландау подробно обсуждает вопросы философии истории и культуры. И завершается книга *эпилогом* (с. 368—372).

Особенность позиции Ландау заключается в том, что, отстаивая органический подход к пониманию культуры, он своей работой нарушает определенную традицию в русской историософии. По сути, право на пользование органической установкой было в значительной мере узурпировано сторонниками русского почвенничества и представителями радикального антизападничества. Заданная А. Хомяковым, детализированная Н. Данилевским и К. Леонтьевым позиция, согласно которой характерные черты западной культуры XIX века есть одновременно проявления ее слабости и болезненности, была в ходу и среди эмиграции (евразийцы здесь, видимо, самый яркий, но далеко не единственный пример). Поставив под сомнение обоснованность подобного историософского уравнения, Ландау использует органиче-

ский подход как методологию для своих построений, которые по существу являются апологией Запада.

Ландау в своем определении культуры ослабляет национальный мотив, благодаря чему и появляется возможность говорить о Европе как о *незыблемо спаянном единстве, обладающем глубинным своеобразием*. Это единство, по его мнению, сыграло в истории огромную роль: «...во всякую эпоху живет человек в какой-нибудь культуре, но законченные мощные образования, целостные непреходящие синтезы не часты в истории, и одним из немногих была новая культура Западной Европы — культура самодовлеющей человечности» [3, с. 16].

Но почему Ландау видит расцвет там, где его оппоненты традиционно обнаруживают деградацию и упадок? Дело в принципах, которые лежат в основе оценок, — нередко западной культуре вменяется в вину внутренняя противоречивость, из чего делается вывод о ее неполноценности. Но *культура* для Ландау категория *историческая* [Там же, с. 39]. Видимо, философ прав, когда утверждает, что всякая культура живет противоречиями и в борьбе раскрывает свою сущность: «...как на шершавой грифельной доске, — только распыляясь от сопротивления, мелок истории оставляет письма человеческих деяний»¹.

При этом мыслитель был одним из тех, кто не только осознал неизбежность процессов глобализации, но и приветствовал их. Так, одно из принципиальных расхождений Ландау с евразийцами — вопрос о возможности и необходимости культурно-экономической автаркии. Идее относительно замкнутых геокультурных миров он противопоставляет ожидание нового этапа истории — единого мира, соединенного в *целое* силой науки и техники. Но, несмотря на исключительно высокую оценку европейской культуры, философ не склонен списывать торжество Запада в XIX веке на некую имманентную самой истории неизбежность: для него становление культуры (в том числе и европейской) есть сложный и в значительной мере непредсказуемый процесс; в культуре себя проявляет дух, и потому она немыслима без *свободы, творчества, риска*. И это значит, что ее развитию на любом

¹ Вот почему Ландау считает, что «ни формально логический критерий непротиворечия, ни эстетический критерий внутренне самодовлеющей гармоничности — не предъявимы культуре в ее целом. Ее мерила иные: как в ней жил человек; создан ли ею своеобразно-цельный и самодовлеюще-полный тип человека, синтез общежития, система хотя бы и сталкивающихся запросов и деятельностей; сотворены ли ею ценности, незаменимые и неотъемлемые для всякой грядущей возможной культуры?» [3, с. 17].

этапе угрожает *срыв*. Собственно, таким срывом и стала Первая мировая война, и книга в значительной степени была посвящена выяснению соотношения *случая* и *закономерности* в этих процессах. Его интересует: было ли разрушение довоенной Европы гибелью *достойного жить* или — *достойного умереть*?

Обсуждение этого вопроса, интересное само по себе, требует пояснения и целого ряда чисто историософских тем — и в первую очередь принципов и механизмов, определяющих становление культуры в истории. Выше упоминалось, что Ландау в решении этих вопросов использует органическую модель культуры. Однако принятому им пониманию органичности свойствен *антибиологизм*, на что в тексте указывает и сам автор¹. Культурный организм он определяет как самодовлеюще функционирующую *из себя, в себя и для себя* целостность частей, а само *функционирование*, взятое в широком смысле, отождествляет с *жизнью*. Отметим, что в этой *функциональности* — еще одно значимое отличие построений мыслителя от религиозно-философской традиции русской мысли, для которой жизнь *субстанциальна*.

Выводы, которые делает Ландау на основе органически-функционального подхода, следующие: сложная структура организма, дифференцирование функций приводит к тому, что культурный организм занимается *согласованием внутренних противодействий*. В истории мы имеем дело с воплощением этого процесса в доступных для данной эпохи формах человеческой активности. Но *имманентная противоречивость* является не единственной особенностью рассматриваемого структурно-функционально организма — борьба, гармонизируемая в синтезе целостности, требует сверхнапряжения функций: «...функция может удержать нужный для себя простор против соревнования и давления других, если она напряжена на большее, чем сколько ей нужно. Только будучи сверхнапряжена, она удержит против чужих напряжений свою долю в общеорганической жизни» [Там же, с. 319]. Вот почему *сверхнапряженность* частей является для Ландау конститутивным признаком любого организма, и следовательно — *любой культуры*.

Но из этого вытекает, что организму свойственна конечная неустойчивость, поскольку «органическая устойчивость есть результат вза-

¹ См., например: «...под организмом и органичностью в широком смысле слова я отнюдь не подразумеваю специфически биологического понятия, и потому — хотя и распространяю его, напр., на общество и др., но нисколько не придерживаюсь биологически-органической его теории» [3, с. 314].

имного ограничения и противодействия сил взаимно сверхнапряженных» [Там же, с. 320]. В своем развитии эта идея ставит рамки использованию в историческом объяснении принципов классического детерминизма, который исходит из идеи соразмерности *причины* и *следствия* и из убеждения в существовании между ними жесткой связи, однозначной зависимости, позволяющей из *второго* выводить *первое*. Однако совершаемое Ландау отождествление *неустойчивости* с *непредсказуемостью* и *свободой* рушит целостность детерминационной цепи, поскольку между причиной и следствием, которые в природе неразрывно связаны, в обществе, истории, культуре вклинивается самодовлеющий субъект — перед нами скорее *вызов*, на который нужно *ответить*. Таким образом Ландау обосновывает наличие у субъекта свободы особенностью его структуры.

Для Ландау гибель культурного организма — не следствие его внешней слабости, а проявление внутренней силы. Он исходит из того, что расцвету организма должна соответствовать предельно интегрированная и функционально дифференцированная структура, однако именно в такой неустойчивой и предельно связанной системе сбой одной функции способен спровоцировать общий коллапс. И напротив, чем менее связан организм, чем менее он *органичен*, тем больше у него шансов безболезненно пережить те неразрешимые конфликты, которые присущи самой жизни¹. По существу, мы имеем дело с утверждением имманентности трагического самой природе истории, однако обосновывается этот тезис не религиозно, не эстетически, а функционально, что для философии русского зарубежья действительно необычно².

Одним из ярких проявлений упоминавшейся выше имманентной противоречивости для Ландау является конфликт *духовного* и *физического*. Признавая автономность этих начал, он утверждает, что «соот-

¹ Дело в том, что «в расплывчатой и малосодержательной культуре менее определена органическая жизнь целого и менее значительна численность и настоятельность сталкивающихся функций; в цельной, богатой культуре наоборот — и функций, приходящих в противоречие, больше, и более они настоятельны, и вместе с тем большая связность единства целого представляет большую опасность распада» [3, с. 329].

² Для Ландау «как противоречие есть основополагающая форма органической жизни, так неудовлетворяемость есть основной ее закон» [Там же, с. 327]. Используя эти принципы для анализа культуры, философ вынужден сделать вывод о ее *трагически неизбежной противоречивости*.

ношения духовных содержаний не подчинены реальным соотношениям вещей. И потому, сколько бы ни предполагать взаимодействия между духом и телом, каждая из этих сфер располагается по своим независимым линиям и тем самым уже предопределен неизбежный конфликт между ними. Столь же предопределен конфликт и между разными областями духа» [Там же, с. 325]. На этом основании Ландау делает организующий его теоретические построения вывод о «многолинейности духовной сферы по сравнению с однолинейностью действительности».

Определяя культуру как «состояние подвижного равновесия и динамического претворения противоречивых и согласуемых в органическом единстве сил», философ предлагает свои принципы ее типологизации¹. Он пишет о двух группах культур: «таких, в которых преобладает сверхнапряженность частичных функций, и таких, в которых преобладает центральная функция объединения и сохранения целого» [Там же, с. 330]. На первый взгляд кажется, что Ландау имеет в виду *органические* и *критические* стадии культурного развития и большой оригинальности здесь нет. Однако речь здесь о другом: традиционно указанные стадии *либо* рассматривают в качестве этапов исторического становления одной культуры, *либо* считают некими вневременными и универсальными культурными типами, причем лишь один из них (чаще всего *органический*) признается подлинно *бытийственным*. Особенность позиции Ландау в том и состоит, что он ни хронологически, ни онтологически ни одну из этих стадий не выделяет. Для него *органическая* и *критическая* стадии в равной степени органичны, и потому каждая из них обладает самостоятельной творческой силой и имеет свои особые формы разложения. В итоге он делает следующий вывод: «...культуры обоих подразделений суть положительные состояния культурной жизненности и различаются тем, что в одном ("критическом") преобладает осуществление сверхнапряженных функций, а в другом ("органическом"), наоборот, — преодоление их центральным противодействием. <...> Первые живут под знаком творчества и сво-

¹ Понимаемую таким образом культуру не свести только к национальному началу, религии или особенностям среды — она есть «культурно-исторический более или менее целостный синтез, хотя бы по своему человеческому субстрату и географической среде он не был всецело отделен от всех других культурных синтезов, а являлся в преемственной смене стадий лишь стадией, выросшей из другой и в третью имеющей перейти» [3, с. 330].

боды, вторые под знаком верности и солидарности; первые — под знаком производительности и изобилия, вторые — под знаком самоограничения и законченности. <...> Первые расплываются или взрываются, вторые — костенеют» [Там же, с. 331–332].

Другими факторами, которые наряду со структурой определяют ход культурной истории, являются витальные ресурсы культуры (ее способность к длительному *волевому напряжению*) и некий исходный, лежащий в самом ее основании, *философский мотив*, который находится в *предустановленной связи с психикой*, хотя и не связан с ней однозначно. Для Ландау характерно убеждение, что в истории могут оставить след лишь культуры, различные аспекты которых связаны единством этого основополагающего мотива¹.

В своей работе Ландау упоминает о трех основных мотивах, которые способны к порождению оригинальных и внутренне целостных культурных мирозерцаний, — *формальном, субстанциальном и комплексном*. Для формального мотива, яркими представителями которого были Платон и Аристотель, характерно восприятие предметов в качестве воплощенных форм. Субстанциальному подходу (примеры — Бруно и Спиноза) свойственно видеть в единичном реализованную потенцию. Комплексный мотив, в свою очередь, «предполагает восприятие, понимание, созерцание предметов, явлений и содержаний в их составленности из частей» [Там же, с. 342]. Применяя изложенные выше идеи к европейскому материалу, Ландау называет *комплексный мотив* основой западной культуры², завершая построение собственной философии истории и культуры. Мыслитель создал своеобразную, отчасти противоречивую, но действительно интересную модель, изучение которой, бесспорно, должно быть учтено при рассмотрении духовной жизни русского зарубежья.

¹ По существу, Ландау исходит из позиции культурного холизма, когда утверждает, что «в основу разных мирозерцаний ложатся и разные философские мотивы, определяющие каждый целую совокупность производных от него понятий, идей, созерцаний не одного только чисто философского значения, но и характера научного и технического, религиозного и художественного» [3, с. 341].

² Ландау отмечает две черты, характерные для комплексного мотива, которые и породили европейскую культуру в ее нынешнем виде. Это *глубинный реализм* и *отсутствие образа тотальности*, следствием чего становится *ослабленность религиозного момента*: «...пафос духа обращен не на целое, обращен на реальное, на реальную дробность; в ней естественно первое, исключительное место занимает человек» [Там же, с. 361–362].

Список литературы

1. Гессен В. Г. А. Ландау: арест в Риге и смерть на Урале // Лехаим. 2002. № 4.
2. Гессен В. Г. А. Ландау: необходимые уточнения // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3.
3. Ландау Г. А. Сумерки Европы. Берлин, 1923.
4. Ландау Г. А. Эпиграфы. М., 1997.
5. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX – XX веков: в 3 т. СПб., 2007. Т. 2.
6. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.

ИСТОКИ

Повествовательный ландшафт «Повести о Петре и Февронии» во многом условен, что свидетельствует о громаднейшем художественном потенциале данного произведения. Условная простота ситуаций свидетельствует об их смысловом богатстве, она напоминает нам о средневековом символизме с его развернутыми во времени и пространстве смысловыми напластованиями. И вместе с тем отсылает к искусству XX века, в котором возвращение к простоте естественной условности возводится в ранг эксперимента и почти забыто то, что в далекой истории сложения повести о деяниях человека совершенно естественно использовались неписанные законы родового, символического сознания. Может быть, даже законы дологического мышления, когда мысль выражалась в знаках, жестах, а слово только предполагалось...

В. Грешных

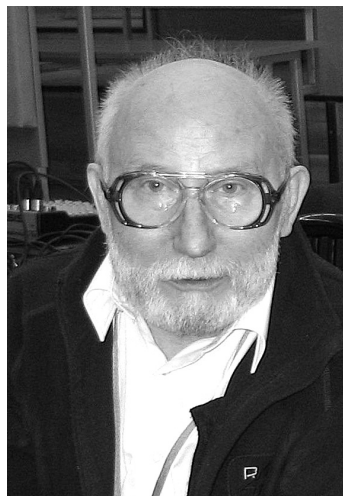
Владимир Грешных
(Калининград)

ДАВНЯЯ, НО ТАКАЯ БЛИЗКАЯ... ЭТА ПОВЕСТЬ

«*П*овесть о Петре и Февронии» — памятник середины XVI столетия, в основе которого, по мнению исследователей древнерусской литературы, лежит история жизни муромских святых Петра и Февронии. Они правили городом Муромом и умерли в 1228 году, 25 июня (8 июля по новому стилю). Этот день теперь считается днем памяти святых Петра и Февронии — покровителей семьи и брака; их союз принимается за образец христианского супружества.

Повесть была написана священником Ермолаем (в монашестве Еразм), пользовалась неподдельным вниманием у русского читателя на протяжении трех с половиной веков, неоднократно переписывалась.

В ней рассказывается, каким был путь Петра и Февронии к браку, как они обрели гармонию супружеской жизни, о драматизме и красоте их поступков, о бесконечном уважении друг друга, наконец о возникшей любви — чистой и светлой. До конца земного существования, навеки. Вряд ли кто из читателей пропустит тот эпизод повести, в котором показано, как Петр на пороге Вечности терпеливо ждет свою супругу, чтобы «вместе отойти к Богу»: «И в третий раз прислал сказать: "Уже умираю и не могу больше ждать!"» И тогда Феврония оставила все свои земные дела и послала сказать Петру, что «умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба свои святые души в руки Божии в двадцать пятый день месяца июня». Кажется, все обыденно и просто. Феврония старается задержать своего любимого здесь, в этой жизни, но у Петра нет больше сил ждать ее. Конечно, это очень печальная повесть, но вместе с тем она рождает настоящее «легкое ды-

хание», ведь читатель переживает чудную историю любви, которую можно бесконечно вспоминать как фантастическое явление чистоты и гармонии в нашем беспокойном мире.

Это простое повествование таит в себе не только воспоминание о каком-то житейском эпизоде, не только архетипы культурного мышления, но и провоцирует современного читателя на поиски в ней модели *опережающего культурного сознания*. Речь идет о том, что в этой повести демонстрируется особая ситуация конструирования семейной жизни, любви. У современного читателя может возникнуть представление о некоторой ветрености князя Петра по отношению к деве из рязанского селения и о необычайном прагматизме самой Февронии. Вспомним, какие условия ставит она перед страдающим страшной болезнью князем: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подobaет мне и лечить его». Петр соглашается, но сначала не выполняет условий Февронии, нарушая их, и не выздоравливает. Конечно, он понимает, что окончательное исцеление наступит только тогда, когда он выполнит свое обещание. И он женится на Февронии, а она становится княгиней.

А где же любовь? Чистая и светлая любовь, о которой говорят все, кто читает эту повесть? И даже вспоминают знаменитую историю о Тристане и Изольде, которые так любили друг друга, что жить в разлуке не могли. Да, все это так, только напомним, что страстная любовь Тристана и Изольды возникла под влиянием «волшебного напитка», который они выпили на корабле. Не буду сейчас комментировать эту историю из средневекового рыцарского романа в целом и данную ситуацию в частности. Хочу только сказать, что «волшебный напиток» в значительной степени предопределяет путь этих героев в другую реальность — реальность безраздельной любви, попасть в которую без него они вряд ли бы смогли. Во всяком случае предлагаемая романная ситуация до этого «волшебного напитка» информирует нас о глубочайшей преданности Тристана своему королю. Мы знаем, что он выполняет серьезную миссию своего дяди, короля Марка, — привести в целостности и сохранности его невесту Изольду. Герой выполняет рыцарский долг, но под действием напитка этот долг нарушает и страстно влюбляется в невесту короля. Он нарушает логику приказа и невольно становится главным участником захватывающей любовной интриги, развивающейся по законам романного повествования. Любовь, истинная, светлая, чистая, должна пройти испытания судьбы и перипетии

реальной жизни. А «любовный напиток» для героев рыцарского романа — это своеобразная индульгенция, во многом объясняющая и оправдывающая их поступки.

Как же разворачивается *любовное действо* в повести о Петре и Февронии?¹ Без *чудес* тут тоже не обходится, ведь Феврония таинственным образом — с помощью «хлебной закваски» — творит не только исцеление Петра, но и новые отношения для него и для себя. И все-таки глубинная суть этих отношений, начало настоящего *любовного* действия в этой повести отличается от рыцарской модели любви. Если в романе о Тристане и Изольде «волшебный напиток» исполняет важную роль объяснения и оправдания поступков героев, их *любви-страсти*, то «хлебная закваска»... Тут я должен остановиться и еще раз обратить внимание читателя на то, что в западном романе и русской повести инструментарии *любовного* катализатора совершенно разные. Там — «волшебный напиток», здесь — «хлебная закваска», которая, прямо скажем, *заквашивает* любовные отношения, провоцирует любовь, становящуюся очищающим фактором. Ведь Петр не только излечивается физически, но он светлеет духом, он *очищается* от скверны обстоятельств. Это очень важно, это в духе христианского православия. Ведь, в конечном счете, болезнь Петра символично отражает воздействие бесовщины, и, излечиваясь от болезненных струпьев, Петр освобождается от скверны. Вот так в один узел увязывается идеология любви и христианства.

В древнерусской повести изображается любовь, которая возникает и кристаллизуется в игровой ситуации. Можно сказать, что здесь моделируется типичная ситуация игры, которая была основополагаю-

¹ Предполагаю вопрос строгого оппонента: «О каком *любовном действе* Вы говорите, читая повесть о Петре и Февронии? Ведь это же древнерусское повествование, в котором достаточно сильно просматривается агиографическое начало, и поэтому говорить о *любовном действе*, наверное, некорректно». Моему оппоненту я отвечаю текстом самой повести и текстом моей небольшой вступительной статьи. В первом (то есть в самой повести) разворачивается элегантно изображение кристаллизации *любовного* чувства Петра и Февронии, во втором (в моей статье) предлагается краткий вариант светского прочтения этого чудного повествования. В конце этой публикации приводится краткий список литературы, которая дает представление о серьезных научных изысканиях в области формы и содержания повести о Петре и Февронии. Я же просто читаю эту повесть, наслаждаюсь ее атмосферой Добра и Света, чудной историей жизни и любви двух моих соотечественников из далекого Прошлого.

щим принципом творчества не только в то самое далекое XVI столетие, но и в классических литературных эпохах (вплоть до постмодернизма XX века). Эта ситуация обусловит в повести развитие логики абсурда, логики первородного хаоса, в котором каждый жест героя символичен и амбивалентен. Она неразрывно связана с традицией народного творчества: во второй главке повествования разыгрывается ситуация сватовства, однако предложение о женитьбе идет не от Петра (он об этом неравном браке даже не помышлял!), а от Февронии — классическая ситуация абсурда, нелепицы с точки зрения традиционной морали, устоявшихся правил!

Не утомляя читателя своими рассуждениями, все-таки скажу о двух важных смысловых линиях сюжета повести. Первая линия связана с европейской традицией художественного представления и исследования роковых обстоятельств в жизни человека. В повести уже в самом начале конструируется роковая ситуация, с самого начала герои идут навстречу друг другу и своей судьбе. И, обретая счастье, они должны преодолеть трудные жизненные испытания. Это традиционно-классическая линия построения художественной ситуации, которая прошла испытание в литературе Античности и европейского Средневековья. А вторая линия связана непосредственно с логикой народного игрового действия. По воле обстоятельств князь Петр прибывает в рязанские земли, где в селе Ласково живет дева Феврония, и узнает, что она может исцелить князя, но только с одним, уже известным нам, условием. Складывается очень сложная психологическая ситуация, ресурсами которой будут пользоваться модернисты XX века. В новелле Дж. Джойса «Сестры» молодой человек узнает о смерти своего наставника. Он хотел бы на него взглянуть, но не может преодолеть страх перед покойниками. И вот герой уходит от дома покойного друга мистера Флинна, однако все его мысли там, в этом доме, но он делает вид, что и этот дом, и покойник ему глубоко безразличны. Он рассматривает афиши и с удивлением обнаруживает, что не ощущает траура, более того, герой почувствовал себя свободным.

Джойс как художник XX столетия демонстрирует читателю свое искусство владения психологией парадокса, которая обнажает чрезвычайно сложную экзистенциальную природу человека. Джойс показывает страх своего молодого героя перед жизнью, смысл его существования состоит в том, чтобы смириться с этим страхом или преодолеть его. Суть этой ситуации состоит в том, чтобы *показать видимое безразличие к предмету внимания*. В европейской ноосфере такая ситуация

повышенного внимания к определенному лицу классически воспроизведена в «Моей жизни» Данте. В автобиографической книге великого итальянца речь идет о даме-ширме, которая помогает автору скрыть от окружающих свой особый интерес к Беатриче.

Сюжет новеллы Джойса ассоциативно отсылает нас к повести о Петре и Февронии, к тому ее эпизоду, в котором Петр, в силу своего княжеского положения, отвергает предложение Февронии. Однако вся прелесть этой художественной ситуации состоит том, что неизвестная дева из рязанского села Ласково совершенно просто, естественно нарушает укоренившиеся реальные традиции. Петру надо либо отвергнуть Февронию навсегда, либо смириться с ее присутствием в качестве жены. После некоторых колебаний он выбирает второе. Да, его поступок обусловлен целительной силой Февронии — но не следует понимать это как своеобразную сделку. Это *игра* в народном духе, это символическое соглашение, в котором условие Февронии — пробный игровой шар, который она бросает в сторону Петра. Примет — прекрасно, нет — тоже трагедии не случится. Возникает знакомое нам *видимое безразличие к предмету внимания*. Игра получает свое развитие и в том, как состязаются в речах, в фантастических заданиях Петр и Феврония. Когда Петр просит ее из пучка льна сотворить ему одежду в самые немыслимые сроки, то она предлагает ему сделать из куска дерева ткацкий станок. Ситуация, прямо скажем, сказочная, но я ведь и говорил о том, что в этой повести органически сплетаются абсурдистская логика фольклора с логикой литературного сказания о двух молодых людях, которые готовы полюбить друг друга, но нужна определенная любовная прелюдия, игра, выдержанная в духе народных традиций.

Есть еще одна примечательная особенность этой повести. То, что ее структура диалогична, понятно с первых строк, с первых эпизодов: спор Добра и Зла, Света и Тени, Любви и Ненависти. Полный набор диалогических категорий, которые можно обнаружить в средневековом моралите или древнерусском моральном повествовании. Но в повести возникает диалог Петра и Февронии, который, в сущности, разворачивается на всю их жизнь и принимает различные формы: молчание, спор, состязание в действии, мыслях, поступках. А начинается этот развернутый диалог и вовсе необычно. Петр поручает своим слугам узнать о лекарях в рязанской местности. Один из слуг попадает в село Ласково, оказывается перед домом, где живет Феврония. Его удивляет то, что в дом можно войти свободно, никто его не спрашивает и не останавливает. У него возникает вопрос, но он его не произно-

сит. Обратим внимание на структуру этого диалога: одна его часть — произнесенный вопрос, вторая — ответ, произнесенный, но полный загадок и уведящий в сторону от вопроса: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спрашивает девушку: «Где хозяин этого дома?» И слышит в ответ: «Отец и мать мои пошли взаимны плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть». Да, Петра здесь нет, но ведь *отсутствующий* Петр *присутствует* здесь: его *представляет* слуга. И мы уже отметили, что и слуга-юноша не произносит вопрос, который созрел у него перед домом Февронии. Это *молчаливый* Петр, пытающийся вовсе не обращать внимания на чудную деву, которая угадывает мысли и предлагает ответ-загадку. Диалогическая игра разворачивается не так уж стремительно, но захватывает в свое поле и героев повествования, и читателей, которые совершенно естественно вовлекаются в решение тех мыслительных шарад, которые предлагает Феврония.

В основе этого диалога — коммуникативная задержка. Это не открытие Еразма, создателя повести, а следование мыслительной анонимной логике, ее условности. Эта логика была хорошо известна в художественных опытах Средневековья. Напомню читателю, как в средневековом театре на глазах у зрителей и при их активном участии создавалось сценическое действие. Поскольку актеры почти не знали своей роли (не было текста), то диалоги рождались сию минуту, на сцене. Они могли быть абсурдны, они могли рождаться сразу, однако сама мысль опаздывала, а потому и создавалось впечатление, что действие исполняется, но события в ней объясняются по принципу «отдаленной причины» (Х.-Л. Борхес). Точно так, как в повести о Петре и Февронии: диалог разворачивается с *задержкой* мысли. Слуга мыслит медленно, а Феврония опережает его. Причина развития диалога действительно далека от этого рязанского села — настоятельная необходимость поиска лекарей для страдающего Петра. Отсюда и парадокс мышления, и диалог, который строится с коммуникативной задержкой. Это очень важно. В повести словно опускается большое информативное поле, из которого можно было бы узнать, что теперь делает тот или другой герой. Создается впечатление, что человек как некое телесное существо вообще-то не интересует автора повести. Его занимают невидимые духовные нити, которые словно пульсируют в тех местах повествования, в которых появляются основные герои. Между ними создается духовное напряжение, показывающее закоулки быта и открывающее всю перспективу морального совершенствования.

Повествовательный ландшафт повести во многом условен (ситуации, диалоги), что свидетельствует о громаднейшем художественном потенциале данного произведения. Условная простота ситуаций свидетельствует об их смысловом богатстве, она напоминает нам о средневековом символизме с его развернутыми во времени и пространстве смысловыми напластованиями. И вместе с тем отсылает к искусству XX века, в котором возвращение к простоте естественной условности возводится в ранг эксперимента и почти забыто то, что в далекой истории сложения повести о деяниях человека совершенно естественно использовались неписанные законы родового, символического сознания. Может быть, даже законы *дологического* мышления, когда мысль выражалась в знаках, жестах, а слово только предполагалось. Но не будем вторгаться в сложную историю развития диалогического сознания, отметим лишь то, что в этой повести тот самый диалог, о котором мы начали говорить, действительно имеет и сложную структуру, и свою историю. Пока прочитаем повесть, насладимся атмосферой *очищения* человека, красотой и твердостью его *утверждающегося* духа, сознания. Здесь, в этой жизни, полной искушений и тревог.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ¹

Повесть о житии новых муромских святых чудотворцев, благоверного, и преподобного, и достойного похвалы князя Петра, названного во иночестве Давидом, и супруги его, благоверной, и преподобной, и достойной похвалы княгини Февронии, названной во иночестве Ефросинией. Благослови, Отче.

I

<...> Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И, волшебством своим, перед ней он являлся таким, будто бы сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала обо всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилиставишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с лстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услышав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему,

¹ Печатается по изданию: *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века.* М., 1984.

о том, что сказал ей змей. Князь же, услышав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать, без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквям. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с Божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжелой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаимны плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаимны плакать, про брата же сказала — "сквозь ноги смерти в глаза смотрит". И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец мой и мать пошли взаимны плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаимны. Про брата же тебе

так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может требовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слышал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супру-

гой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна делает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойдя и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпы по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпами и язвами, как и в первый раз.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, — говорил он, — окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять, которым Бог наградил ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг

помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божиим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!» На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвою». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвою.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Муром, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре

друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда пришло время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время, когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе для соборного храма Пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божии в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви Пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви Святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме Пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви Пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества Святой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

**РУССКИЕ
В КЁНИГСБЕРГЕ**

Когда-то это был достаточно известный многим горожанам «уважаемый дом» в Кёнигсберге. Второй его этаж на протяжении более десяти лет занимала семья профессора Альбертины Николая Сергеевича Арсеньева. Помимо ближайших родственников — постоянных обитателей дома — здесь часто встречались покинувшие свою родину русские соотечественники, и потому дом был известен в Кёнигсберге и как «русский дом»...

А. Лысков

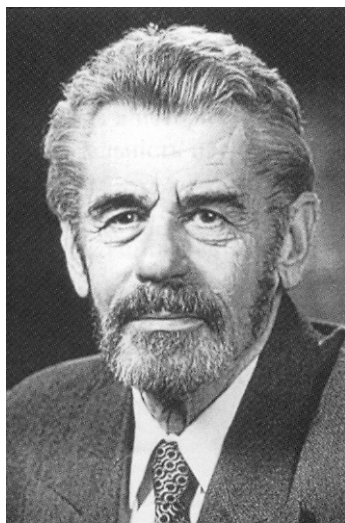
С оказией, направляясь в Российскую империю или возвращаясь с гастролей в Петербурге и Москве, выдающиеся музыканты посещали Кёнигсберг, давали концерты, которые становились заметными событиями в жизни города. Тем самым формировалась особая атмосфера, что и явилось условием обретения Кёнигсбергом славы музыкального города. Эти изменения в духовной жизни Восточной Пруссии привели к тому, что уже не проездом, а специально сюда стали приезжать знаменитости. В 1863 году для участия в фестивале Музыкальной академии в Кёнигсберг прибыл известный русский композитор А. Т. Рубинштейн...

И. Кузнецова

Анатолий Лысков
(Калининград)

ДОМ ПРОФЕССОРА Н. А. АРСЕНЬЕВА

С едалеко от Центрального парка культуры в Калининграде есть тихая зеленая застроенная небольшими коттеджами улица, носящая имя В. Чапаева (почему Чапаева, объяснить, пожалуй, можно только своеобразной «чапаевской атакой» на старые, еще немецкие, названия улиц — раньше она называлась Regentenstrasse). Свернув с проспекта Мира, можно увидеть дом (№ 3, второй слева), мало примечательный в архитектурном плане, но в чем-то еще сохранивший свой былой кёнигсбергский облик (в послевоенные годы вместо характерного для немецкой архитектуры островерхого черепичного конька с мансардой здесь появился третий этаж). Когда-то это был достаточно известный многим горожанам «уважаемый дом» в Кёнигсберге. Второй его этаж на протяжении более десяти лет (с 1933 по 1944 год) занимала семья профессора Альбертины (и некоторое время руководителя православной общины Кёнигсберга) Николая Сергеевича Арсеньева. Помимо ближайших родственников — постоянных обитателей дома — здесь можно было встретить покинувших свою родину (добровольно, принудительно или же «добровольно-принудительно») русских соотечественников, и потому дом был известен в Кёнигсберге и как «русский дом».

Николай Сергеевич Арсеньев

Имя Николая Сергеевича Арсеньева — видного ученого, религиозного мыслителя, философа, культуролога и историка русского культурного развития, а также литературоведа, поэта и переводчика —

достаточно хорошо известно в писательских и философских кругах русского зарубежья. Он автор многочисленных книг, очерков и статей по истории культуры, религии, литературы Античности, Средних веков, эпохи Возрождения и современности, а также по истории русской культуры, национальных особенностей «русского духа», культурной традиции и «насильственных разрывов» в ней. Н. С. Арсеньев обладал поистине энциклопедическими знаниями. Он выступал с лекциями, докладами, сообщениями в университетских городах Европы — Лондоне, Оксфорде, Кембридже, Париже, Берлине, Варшаве, Франкфурте-на-Майне, Берне и др. Многие из его работ были написаны (либо представлены переводами) на немецком, французском, английском, польском языках. Но справедливо замечено: лингвистическое разнообразие его исследований (а Арсеньев владел 12 языками) отражает не только эрудицию, научную культуру и талант автора, но и трудную судьбу русского человека XX столетия, вынужденного покинуть свою родину и испытать участь «странника на чужбине».

Николая Сергеевича Арсеньева называют в ряду выдающихся деятелей русской религиозно-философской мысли. Но по разным политическим и идеологическим причинам творческое наследие русского религиозного мыслителя и литературоведа долгое время было труднодоступно, а его имя оставалось малоизвестным на родине. И лишь в последние годы оно явилось нам из искусственно созданного «небытия».

Как сообщал главный философский журнал современной России, важным событием в жизни российского философского сообщества стал выход в свет четырехтомной «Новой философской энциклопедии». На общественной презентации этого издания в качестве одного из его достоинств отмечалось, что авторы и издатели «разнообразно представили русскую философскую традицию, уйдя от старой крайности, когда искажалась, игнорировалась русская религиозная философия...» [5, с. 15] «Кардинальнейшим образом был изменен словник по истории русской философии: существенно расширен состав персоналий», и среди новых имен — имя замечательного русского религиозного мыслителя Николая Сергеевича Арсеньева [6, с. 7].

Николай Сергеевич Арсеньев родился в Стокгольме в 1888 году в семье русского дипломата, 36 лет проработавшего на этом поприще (его отец был тогда российским генеральным консулом в Швеции). Но детство и юность будущего мыслителя прошли в России. Годы учебы в гимназии и университете Николай Арсеньев провел в Москве, на Садовой, в доме своего деда — действительного тайного советника Василия Сергеевича Арсеньева (1829—1915).

Семья Арсеньевых принадлежала к древнему русскому роду, который вел свое начало еще с первых столетий Московского государства. Из генеалогических записей можно узнать, что в 1389 году знатный татарин из Золотой Орды по имени Аслан-Мурза-Челибей выехал из Орды с 300 татарами ко двору великого князя Дмитрия Донского и, пожелав принять святое крещение, стал православным христианином. Крещеный татарин Аслан-Мурза женился на Марье, дочери стольника Зотика Житова. Один из его пяти сыновей, Арсений, стал родоначальником дворян Арсеньевых. Род был внесен в 6-ю часть дворянских родословных книг Тульской, Московской, Смоленской, Тверской, Орловской, Владимирской, Курской, Самарской и Рязанской губерний.

Один из предков Н. С. Арсеньева — Николай Дмитриевич Арсеньев (1754—1796), боевой генерал, сподвижник Суворова и начальник его штаба, умерший от ран, полученных еще при взятии Измаила, — был воспет Байроном в поэме «Дон Жуан». Юрий Васильевич Арсеньев — брат отца, дядя Николая Сергеевича — хранитель Московской оружейной палаты, известный археолог-историк и генеалог. Другой брат отца — Иван Васильевич Арсеньев — доктор богословия, настоятель храма Христа Спасителя в Москве. К воспроизведению генеалогического древа рода Арсеньевых можно было бы добавить еще много имен, оставивших свой след в российской истории: так, бабушка великого поэта М. Ю. Лермонтова, урожденная Столыпина, была по мужу Арсеньевой.

Арсеньевы славились своими богатыми духовными традициями, свято хранили память о прошлом и «заветы предков». Причастность к России, ее истории была как бы генетически задана будущему ее изгнаннику и патриоту. И совсем неудивительно, что интерес к русской истории, русской культуре зародился у религиозного мыслителя и поэта уже в раннем детстве.

До и после двух революций

В 1910 году Н. С. Арсеньев окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1910—1912 годах для подготовки к профессорскому званию он слушал лекции в университетах Мюнхена, Фрейбурга и Берлина, сдал магистерские экзамены и в 1914 году был избран доцентом Московского университета.

В том же 1914 году под влиянием патриотических чувств Н. С. Арсеньев пытался пойти добровольцем на фронт, однако не был принят на военную службу из-за плохого зрения. И все же с сентября 1914-го

по сентябрь 1916 года он находился на северо-западном фронте — сначала в качестве помощника уполномоченного, а затем и уполномоченного Красного Креста.

В сентябре 1916 года курсом «Мистическая поэзия Средних веков» Н. С. Арсеньев возобновил свою педагогическую деятельность на историко-филологическом факультете Московского университета. Специальные курсы по культуре и литературе Средних веков и эпохи Возрождения одновременно читались им на Московских Высших женских курсах и в Московском Народном университете им. А. Шанявского. Будучи близок правому крылу «октябристов», он с энтузиазмом встретил Февральскую революцию, поддерживал Временное правительство и отдал дань политической публицистике («О нашем Временном правительстве, о свободе и порядке и защите родины», 1917). Но «большевистскую революцию» и становящуюся Советскую власть принять он, естественно, не смог. У нас нет достаточных данных для того, чтобы хоть как-то воспроизвести хронику жизни Н.С Арсеньева этого времени. Известно только, что после Октябрьской революции 1917 года он некоторое время был в Ростове-на-Дону.

Как рассказывает известный русский писатель Борис Зайцев (в дальнейшем, подобно многим другим видным деятелям русской философии, науки и культуры, разделивший горькую участь жизни в эмиграции), «в новом, "волшебном" мире мы все-таки жили, копошились, даже писали кое-что, даже Союз писателей в Москве был у нас без коммунистов! Карабкаясь, кое-как цепляясь, стараясь пребывать независимыми, продолжали путь. <...> В Харькове задержали Ильина, Арсеньева и французского профессора Мазона. Союз хлопотал об освобождении их...» [3, с. 18].

Приведем фрагмент из книги Бориса Зайцева «Улица Святого Николая».

«Однажды вышел случай, что из нашего Союза арестовали двоих членов. Правление послало меня к Каменеву хлопотать. Он считался "либеральным сановником" и даже закрыл на третьем номере "Вестник" Чека за открытый призыв к пыткам на допросах.

...Какие-то дамы, торговцы, приезжие из провинции "товарищи" ждали приема. Пришлось и мне подождать. Потом провели в большой светлый кабинет. Спиной к окнам, за столом сидел бывший молодой человек из Марьиной рощи (Зайцев был знаком с Каменевым в их общие юношеские годы. — А. Л.), сильно пополневший, в пенсне, довольно кудлатый, более похожий сейчас на благополучного московского адвоката. Он курил. Увидев меня, привстал, любезно поздоровался.

...Мы вспомнили нашу встречу. Каменев держался приветливо-небрежно, покровительственно, но вполне прилично.

— Как их фамилии? — спросил он об арестованных.

Я назвал. Он стал водить пальцем по каким-то спискам.

— А за что?

— Насколько знаю, ни за что.

— Посмотрим, посмотрим...

Раздался звонок по телефону. Грузно, несколько устало сидя, поджимая под себя ноги — видимо лениво.

— А? Феликс? Да, да, буду. Насчет чего? Нет, приговор не приводить в исполнение. Буду непременно.

Положив трубку, обратился ко мне:

— Если действительно не виноваты, то отпустим.

Мне повезло, Арсеньева и Ильина удалось на этот раз выудить» [4, с. 360–361].

«В те годы, — замечает писатель, — любое путешествие превращалось в крайне опасное предприятие, так как именно тогда человек представлял из себя, как правило, гораздо более непредсказуемую и разрушительную стихию, чем, например, природные катаклизмы...» Харьков был, по всей видимости, лишь промежуточной станцией до Ростова-на-Дону. Юг России и Северный Кавказ были в числе наиболее крупных очагов антибольшевистского движения. Под руководством генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова начала формироваться офицерская Добровольческая армия, которая стала основой «белого движения». После гибели Л. Г. Корнилова командование армией принял генерал А. И. Деникин. В Особом совещании в Ростове-на-Дону участвовали многие представители интеллигенции, не разделявшие идеи новой Советской власти. В своих воспоминаниях о П. Б. Струве С. Л. Франк пишет: «Позднее я узнал, что в конце 1917 года он (Струве. — А. Л.) был в Ростове, участвуя в Совете Добровольческой армии, и после оставления армией Ростова вернулся вместе с кн. Г. Н. Трубецким и Н. С. Арсеньевым на лошадях в Москву (февраль 1918 года)» [8, с. 489].

Саратов

В 1918 году Н. С. Арсеньев был избран профессором созданного еще Временным правительством Саратовского университета, где деканом историко-философского факультета был С. Л. Франк. Работая на кафедре романо-германской филологии, Н. С. Арсеньев читал несколько курсов по философии и истории русской и европейской культуры. Итогом его непродолжительной деятельности было создание кафедры сравнительной истории религий (которая, однако, уже в

1920 году была закрыта). Секретный документ органов новой власти, разосланный в различные учреждения, призывал «следить за антисоветскими высказываниями и заявлениями в лекциях профессоров и сообщать о них в соответствующие инстанции». В 1919 году Н. С. Арсеньев был дважды арестован, содержался в тюрьме.

В марте 1920 года Н. С. Арсеньев, не дожидаясь очередного ареста, нелегально переходит российско-польскую границу (до последующего ужесточения контроля эти пограничные зоны давали возможность выбраться из Советской России, спастись от подстерегавших там бедствий и опасностей). Он добирается до Восточной Пруссии и в итоге оказывается в Кёнигсберге.

Кёнигсберг

С ноября 1920 года Н. С. Арсеньев преподавал русскую литературу в Кёнигсбергском университете, получил здесь степень доктора философии и должность экстраординарного профессора. Одновременно с этим (с 1927 по 1937 год) был профессором по истории религий и Новому Завету на православном богословском факультете Варшавского университета, а также читал лекции в других европейских университетах. В каникулярное время весной 1921 года Н. С. Арсеньев читает два курса лекций («Древние религии и раннее христианство» и «История мистики») в Рижском университете. А когда в феврале 1923 года в Берлине был открыт Русский научно-исследовательский институт, каждые две недели он ездил туда, а также в Религиозно-философскую академию для чтения аналогичных лекций о религиях Античности и о раннем христианстве. С 1927 по 1937 год он состоял членом Экуменического движения (Всемирный союз христианских церквей) и участвовал в Лозаннской (1927) и Эдинбургской (1937) конференциях.

«Я жил, в общем, "на отлете" — в Восточной Пруссии, в Кёнигсберге...» — писал Н. С. Арсеньев в своей итоговой книге «Дары и встречи жизненного пути» [1, с. 189]. Эта «жизнь на отлете» не мешала ему, однако, принимать достаточно активное участие в жизни центров русской эмиграции (Парижа, Праги, Варшавы, Берлина, Лондона).

Долгие годы в эмиграции Н. С. Арсеньев чувствовал себя одиноким, и ему всегда было ясно (и прежде всего из личного опыта), что семья была и есть та живая сила, та «духовная колыбель, в которой родилось и выросло все, чем каждый из нас живет и дышит».

Дни были наполнены работой, заботами о заработке, а сердце — тревогой о родных, оставшихся в лагерях, и ностальгическими воспоминаниями о родине.

«...И это осталось в душе. Много лет спустя, уже на чужбине, когда я жил один, в северно-германском университетском городе, почти на городской окраине, помню, рано-рано утром, иногда на рассвете, слышал я смутно сквозь сон песни молодежи, уходящей в поля за город по дорожке, вившейся вдоль опушки городского лесочка. Но то, что я видел и ощущал в полусне, вместе с лившимися через широко открытое окно потоками света и утренней свежести, было куда лучше всех подгородных полей и лесочков — это было вроде сияющей сказки, но действительно пережитой мною в моей юности.

Я спал в своей постели. Мне ж казалось,
Что я лежу на трепетном лугу...

Вспомнились "пригретые полуденным солнцем" берега нашей луговой речки Дерновки, заросшей тростниками (приток нашего Неруча)... и сплелись с образами овидиевских богов:

В моих ушах звенит волшебный рог,
Что изредка, меж сонною листвою,
К своим устам подносит водный бог
С увитою цветами головою.

Один, в тени трепещущих осок,
Я здесь прилег меж кашкой луговой,
И тихий звук игривый ветерок
Приносит мне — и шевелит травой.

Я слушаю, а радостные сны
В лучах сияющих, что сходят с вышины,
Теснятся надо мной, невидимые взору.

И тихо все: лишь ветер нежит слух
И в тишине полей стремится вольный дух
К безмолвным небесам и вечному простору» [Там же, с. 24].

Заметим, кстати, что Муза сопровождала Н. С. Арсеньева на протяжении всей его долгой жизни. Самое раннее его стихотворение датировано 1904 годом, самое позднее — 1974-м. Он автор нескольких сборников стихов: «Безбрежное сияние» (Мюнхен, 1955; Нью-Йорк, 1956; Нью-Йорк, 1972); «Девять стихотворений» (Нью-Йорк, 1974); «Отблески» (Франкфурт-на-Майне, 1976); «Близкая даль» (Франкфурт-на-Майне, 1977). Некоторые его стихи положены на музыку. К сожалению, Н. С. Арсеньев не увидел опубликованным своего последнего сборника стихов «Прорывы»: первые экземпляры пришли почтой из Европы в Америку уже после кончины автора.

С 1923 года Н. С. Арсеньев принимает активное участие в работе Русского научно-исследовательского института и Религиозно-философской академии в Берлине. «Особенно близкий контакт, — вспоминает он, — был у меня с русской эмиграцией в Париже, где я жил у близких и дорогих мне друзей, участвовал в ряде съездов русской христианской студенческой молодежи и читал ряд лекций — на русском Монпарнасе, в Сергиевской академии — в самом начале ее основания, и т. д.» [Там же, с. 190].

В Кёнигсберге Н. С. Арсеньев читает курсы лекций «Восточная и западноевропейская мистика» (*Die orientalische und abendlandische Mystik*), «Религиозные течения в русской литературе» (*Die religiösen Stromungen in der russischen Literatur*), «Дух русской церкви» (*Der Geist der russischen Kirche*). Он опубликовал ряд работ, относящихся к этой области, на русском, английском, немецком и французском языках.

«...Кроме того, я много ездил читать лекции в Англию (между 1927 и 1936 годом 20 раз) и в Швейцарию (Лозанну, Женеву, Монтрё, Берн, Базель, Цюрих) и в ряд университетских городов Средней и Южной Германии, а также Восточной Франции (Гренобль, Страсбург)...

Такова внешняя схема этих годов моей жизни, когда я был долгое время совсем один — несколько близких мне и любимых мной русских семей были мне как бы второй семьей. Через многочисленных членов этих семей я особенно близко влился в жизнь русской эмиграции в Париже и переживал ее основные проблемы и задачи. Мне ясно — и из личного опыта: в первую очередь, говоря о значении русской эмиграции, нужно думать о русской семейной — религиозной и культурной — традиции и ее роли в русской эмиграции (и для России вообще)» [Там же, с. 191].

Не приходится удивляться неутомимой деятельности Н. С. Арсеньева, связанной с чтением лекций в различных городах Европы, публичными выступлениями и участием в разных гонорарных изданиях: помимо всего прочего это было связано и с необходимостью оказать помощь оставшимся в России членам семьи и родственникам, а также собрать необходимую сумму, которая требовалась для оплаты выездных виз из СССР (в начале 1930-х годов это еще было возможно — в то время существовала и такая форма эмиграции).

Об этом свидетельствует и письмо, датированное 11.09.1924 года и адресованное профессору М. Здзеховскому: «...как Вы думаете, были ли бы шансы напечатать по-польски мою книжку: "Ostkirche und Mystik"? Меня это оттого особенно интересует, что если бы была такая возможность и нашелся бы издатель, то я смог бы получить за это некоторый гонорар (я условился относит[ельно] этого со своим немец-

ким издателем); а я ищу теперь всякую возможность что-ниб[удь] заработать своим литературным трудом для посылки моей матери и моим сестрам в Россию, ибо они в очень, очень тяжелом материальном положении (нет топлива на зиму!). С глубоким уважением искренно преданный Вам Николай Арсеньев» [2, с. 348].

Мариан Здзеховский — известный польский писатель. Родился в 1861 году в Минской губернии; высшее образование получил в Петербургском, Дерптском и Краковском университетах. В 1921–1922 годах был деканом гуманитарного отделения, в 1925–1927 — ректором Виленского университета. Подобно знаменитому поборнику культурно-гражданского сближения поляков и русских Адаму Мицкевичу, он познал Россию изнутри. Сам М. Здзеховский причислял себя к поклонникам Соловьева и Толстого. Славянофил в идеальном понимании этого слова, Здзеховский много сделал для ознакомления польского общества с литературной, культурной и политической жизнью славянских народов. Многие его труды появлялись одновременно на польском и на русском языках. Поддерживал тесные контакты с русскими общественными деятелями, журналистами, литераторами. Умер в 1938 году.

Воссоединение семьи

«Позднее, — вспоминает Н. С. Арсеньев, — после возвращения моих родителей в 1916 году в Россию (как уже было сказано выше, его отец находился на дипломатической службе за рубежом. — А. Л.), в эпоху величайших испытаний, пришедших во время большевистского террора и беспрестанного гнета, голода, арестов и ссылок, — моя мать некоторое время сидела вместе с моим отцом в большевистской тюрьме и там поддерживала его духовно» [1, с. 79]. После смерти мужа в 1922 году она добровольно отправилась в Архангельск вслед за своими двумя младшими дочерьми, сосланными на Соловки, где пробыла 8 лет, вплоть до их освобождения.

В 1933 году семье Н. С. Арсеньева благодаря помощи правительства Великобритании (сестра матери кн. Лобанова-Ростовская — леди Эджертон — была вдовой великобританского посла в Риме и имела много связей в Англии) и за большой денежный выкуп удалось выехать в Кёнигсберг.

Так в доме на Regentenstrasse, 3 появились новые (постоянные и временные) жильцы:

- мать Н. С. Арсеньева *Екатерина Васильевна*;
- старшая сестра Н. С. Арсеньева *Наталья Сергеевна* (по характеристике близких и родственников — сердобольная, милая, скромная и деликатная);

— ее сын, *Сергей Балув* («симпатичный, открытый и доброжелательный парень» [7, с. 83], поступивший на медицинский факультет университета);

— *старший брат Василий Сергеевич Арсеньев* (известный генеалог);

— его жена *Ольга* (урожденная Нарышкина);

— ее сын *Алексей Нарышкин*;

— *сестра Вера*, впоследствии жившая в Берлине;

— ее муж *Евгений Гагарин*;

— *сестра Анна*.

Вскоре в Кёнигсберг из Парижа приезжает и *младший брат Юрий Сергеевич*, эмигрировавший из России в последние годы гражданской войны (в дальнейшем он устроится на работу техническим секретарем в японском консульстве в Кёнигсберге. По воспоминаниям А. Трубецкого, это «симпатичный, простецкий человек...», «в одном из первых разговоров он, показывая свою несколько изуродованную руку, сказал, улыбаясь: "Это меня красные курсанты под Псковом"» [Там же]).

Продолжение следует.

Список литературы

1. *Арсеньев Н. С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-н/М, 1974.
2. *Балтийский архив.* Русская культура в Прибалтике. IX. Вильнюс, 2005.
3. *Зайцев Б.* Давнее // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 61.
4. *Зайцев Б.* Улица Святого Николая. Повести и рассказы. М., 1989.
5. *К выходу «Новой философской энциклопедии»* // Вопросы философии. 2003. № 4.
6. *Обсуждение «Новой философской энциклопедии»* (материалы заочного «круглого стола») // Вопросы философии. 2003. № 1.
7. *Трубецкой А. В.* Пути неисповедимы (воспоминания 1939–1955 гг.). М., 1997.
8. *Франк С. Л.* Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное. М., 2001.

Ирина Кузнецова

(Калининград)

«РУССКИЙ СЛЕД» В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КЁНИГСБЕРГА

В первой половине XVIII столетия, во времена правления короля Фридриха Вильгельма I, считавшего музыку «вредным искусством», ее можно было услышать только в церкви. Ни домашние праздники, на которых исполнялись специально написанные к этому случаю песни, ни карнавальные шествия в Кёнигсберге времен Фридриха Вильгельма I не проводились. Зато события Семилетней войны и недолгое пребывание Восточной Пруссии под российской короной оставили значимый след в музыкальной жизни этой земли.

Барон Н. А. Корф, назначенный после В. В. Фермора губернатором Пруссии, по свидетельству А. Т. Болотова, «объездил тотчас все наизнатнейшие дома сам; а чтоб со всеми прочими ознакомиться, то чрез несколько времени после своего приезда сделал для всех превеликий пир, а потом дал бал, на который званы были все благородные обоего пола» [1, с. 91]. У Болотова мы находим и красочное описание проходивших в Кёнигсберге балов: «Гостей обоего пола, а особливо дам и девиц, было превеликое множество; и как до того времени мне никогда еще не случалось бывать на собраниях толь многочисленных и знатных, то как самое собрание, так и танцы и музыка пленяли все мои чувства и мысли, и я не мог всему насмотреться и надивиться» [Там же, с. 92]. На этих вечерах исполнялась музыка европейских композиторов, которая ранее была неизвестна в Кёнигсберге. Молодые люди с упоением танцевали менуэты и гавот, находя особое удовольствие в новых музыкальных впечатлениях, в расширившемся обще-

нии, наконец, в свободе от той регламентации общественной жизни, которую культивировал король Фридрих II.

Генерал Корф, будучи любителем театра, выписал в Кёнигсберг из Берлина театральную труппу, или, как ее называли тогда, «банду комедиантов». Этот выбор определялся, конечно, тем, что губернатор заботился о культурной жизни немецкоговорящего населения Кёнигсберга. Причем посещение театра составляло важную часть общественной жизни не только кёнигсбержцев, но и русских офицеров, которые впервые услышали здесь некоторые итальянские и немецкие оперы, увидели ряд драматических постановок. Правление губернатора Корфа было отмечено также многочисленными маскарадами, которые проводились от святок до пасхального поста и пользовались в Кёнигсберге неизменной популярностью. Описания этих маскарадов содержат упоминание о том, что на них танцевали, помимо менуэтов и польских танцев, еще и кадрили. Играли на этих маскарадах как кёнигсбергские музыканты, так и русские оркестры.

В числе особых событий в музыкальной жизни Кёнигсберга того периода, когда город находился под российским правлением, стоит отметить появление вундеркинда Иоганна Фридриха Райхардта (1752 — 1814), дававшего лютневые и клавишинные концерты. Мальчик был сыном учителя музыки, который обучал игре на лютне графиню Кайзерлинг и ее детей. В те времена было исключительно сложно приобрести ноты, особенно если вспомнить об отношении прусского короля Фридриха Вильгельма I к искусству. Русские офицеры подарили музыканту-вундеркинду ноты произведений Гайдна и Генделя, и это значительно обогатило художественные представления будущего известного кёнигсбергского композитора, оказало влияние на его музыкальные интересы.

Итак, за время пребывания Кёнигсберга в составе Российской империи в жизнь горожан вернулась музыка. Здесь вновь зазвучали мелодии, известные прежним поколениям жителей города, а благодаря выписанной бароном Корфом театральной труппе музыкальные впечатления пополнились.

Когда русские покинули Кёнигсберг, строгости, культивировавшиеся Фридрихом II, вернулись. Однако касались они поведения горожан, их нарядов и даже ночных одеяний, но только не музыки, поскольку ее любил сам король. Он был хорошим флейтистом и давал еженедельные концерты вместе со своим концертмейстером Филиппом Эммануэлем Бахом, сыном Иоганна Себастьяна Баха.

По разрешению короля в Кёнигсберге был создан любительский оркестр, которым дирижировал К. Г. Рихтер. Благодаря этому жители Кёнигсберга позже, чем в других европейских городах, но все же услышали музыку В. А. Моцарта и так же, как вся Европа, полюбили ее.

Начало XIX века ознаменовалось оккупацией Кёнигсберга наполеоновскими войсками. Несмотря на все трудности военного времени, на недостаток средств, продолжалось строительство здания городского театра на Парадной площади. Жители, глядя на поднимавшиеся стены театра, верили в силу духа нации, в то, что Кёнигсберг снова будет свободным городом. И 9 марта 1808 года новый городской театр открылся оперой В. А. Моцарта «Милосердие Тита» (другое ее название — «Титус»). Возможно, именно музыка Моцарта должна была напомнить французским оккупантам о милосердии, приличествующем победителям.

Этот театр стал одним из самых больших и современных в Германии. Он был рассчитан на 1500 мест, имел хорошую акустику, что особенно важно для оперных спектаклей. К огромному горю горожан, через два месяца после торжественного открытия театр сгорел.

Однако кёнигсбержцы не бездействовали, и уже 9 декабря 1809 года восстановленное после пожара здание городского театра было вновь открыто. Праздничное представление по этому поводу включало в себя «Посвящение» — кантату, музыку которой написал местный музыкант И. Ф. Дорн на стихи актера театра Ф. Карнье. Кроме того, был исполнен зингшпиль Ф. Г. Химмеля «Косынка». На этом торжестве присутствовали король и королева Луиза, которую в тот вечер на публичном мероприятии в Кёнигсберге видели в последний раз.

После ухода войск Наполеона кантор Георг Фридрих Бишоф предложил провести музыкальный фестиваль, чтобы продемонстрировать высоту и силу немецкого духа. Кёнигсбержцы с одобрением встретили эту идею, и в городе прозвучали оратории великих немецких композиторов — «Времена года» Й. Гайдна и «Мессия» Г. Ф. Генделя. Впечатление, произведенное этой музыкальной акцией, было столь велико, что Э. Т. А. Гофман, не присутствовавший на фестивале, счел необходимым выразить свое мнение о событии, происшедшем в его родном городе, и опубликовал отзыв в «Лейпцигской всеобщей музыкальной газете».

В 1812 году жители города напряженно следили за вестями из России, на которую двинул войска Наполеон. Когда пришло сообщение о том, что французы вошли в Москву, французский губернатор Кё-

нигсберга Луазон потребовал, чтобы в церкви был исполнен хорал «Тебя, Господи, славим», а в городе устроили иллюминацию и играл оркестр. Его приказание исполнили, но церковный хор звучал нестройно, иллюминация представляла собой жалкое зрелище, а ряды оркестра так поредели, что и играть было некому. Таким способом кёнигсбержцы хотели продемонстрировать свое отношение к событиям на театре боевых действий.

Первые слухи об отступлении из России наполеоновской армии появились осенью. В полночь 5 января 1813 года в Кёнигсберг вошли русские казаки, а на следующий день под звуки торжественной музыки при ликовании горожан в город въехал русский генерал граф Витгенштейн. На сей раз русские не задержались в Кёнигсберге, а в свободном от французской армии городе стала налаживаться мирная жизнь.

Еще во время наполеоновского нашествия, в 1810 году, известный в Кёнигсберге ценитель искусства генерал-лейтенант фон Бростель организовал музыкальное общество, которое устраивало концерты хоровой музыки, поддерживая патриотические настроения и внушая жителям Пруссии необходимую веру в то, что конец оккупации непременно придет. Конечно, после освобождения Кёнигсберга музыкальное общество продолжило просветительскую деятельность. Благодаря этой общественной организации в Кёнигсберге были исполнены «Сотворение мира» и «Времена года» Й. Гайдна, «Stabat Mater» Д. Перголези, «Реквием» В. А. Моцарта, то есть произведения давно и хорошо известные в Кёнигсберге. Само перечисление исполненных произведений указывает, что серьезность, печаль и стремление к покою преобладали в настроениях жителей города.

Время шло, и в жизни Кёнигсберга все большую важность приобретали события, связанные не с военными действиями, а с историей и культурой города. Так, в 1824 году здесь отмечали столетие со дня рождения великого сына Старого города — Иммануила Канта. По этому случаю в Кафедральном соборе была исполнена кантата кёнигсбергского композитора И. Ф. Рилля «Чувства преданной народной любви», посвященная юбилею философа. Исполнение этого произведения возродило традицию, появившуюся здесь еще в Средневековье, — заказывать местным композиторам написание музыки к тому или иному событию.

В 1832 году в музыкальной жизни города произошло выдающееся событие: в Лёбенихтской кирхе прозвучала оратория И. С. Баха «Стра-

сти по Матфею». Это грандиозное произведение до того дня было исполнено только один раз в Берлине и один раз во Франкфурте-на-Майне, так что жители Кёнигсберга, присутствовавшие в тот день в церкви, принадлежали к тем немногим почитателям Баха, кому удалось услышать это великое творение композитора¹.

Итак, в Кёнигсберге все чаще звучали великие произведения, все больше жителей города знакомились с музыкой, прежде всего немецких композиторов. Появлялись музыкальные коллективы, проводились музыкальные праздники. Но для того чтобы заслужить славу подлинно музыкального города, Кёнигсбергу надо было привлечь к себе внимание выдающихся музыкантов, знаменитых композиторов, а они блистали в музыкальной столице Европы — Вене или стремились в святую для музыкантов землю — в Италию и обходили стороной Восточную Пруссию, «медвежий угол Европы», как в свое время называл ее Николай Коперник.

И все же Кёнигсберг стал городом, который посетили известные музыканты. По пути в Санкт-Петербург знаменитости останавливались в Кёнигсберге и давали концерты. Именно так в 1819 году сын великого Моцарта Франц Вольфганг прибыл в город. Его учителем, так же, как Бетховена, Шуберта и Листа, был А. Сальери. Подобно этим великим ученикам старого итальянского мастера, Франц Моцарт не только получал уроки игры на фортепьяно, но и посещал занятия по композиции. Он стал замечательным пианистом, обладавшим прекрасной техникой и безупречным художественным вкусом. В Кёнигсберге Франц Моцарт дал несколько концертов, исполняя произведения своего великого отца. Критика отмечала глубину постижения замыслов композитора, чистоту и яркость исполнения. А публика, аплодируя Францу Вольфгангу, в то же время отдавала дань уважения и любви Вольфгангу Амадею Моцарту.

В России концерты Ф. В. Моцарта тоже произвели впечатление, а он увлекся русской и украинской народной музыкой, которую услы-

¹ Стоит сказать, что в 2008 году «Страсти по Матфею» прозвучали в концертном зале культурного центра «Кафедральный собор». В исполнении этого пассиона участвовали калининградские музыканты — симфонический оркестр под управлением А. Фельдмана, органист А. Хачатуров. На клавишине играл заслуженный артист России В. Слободян. Из Германии прибыли четыре великолепных певца, а из Самары — знаменитый театр хоровой музыки. Услышать это из-за сложности редко исполняемое великое произведение приехали слушатели из разных городов России и Германии.

шал от крепостных певцов в домашнем театре графа Шереметева. И в дальнейшем, поселившись во Львове, тогда входившем в состав Австро-Венгрии, Моцарт сочинял музыку на темы украинских и русских песен.

Зимой 1842 года в Кёнигсберг прибыл Ф. Лист, признанный величайшим музыкантом мира. Здесь он давал концерт за концертом. Публика с огромным энтузиазмом принимала его, особый восторг и преклонение вызывало то, что немалые сборы от этих концертов великий пианист и композитор щедро отдавал на всевозможные благотворительные цели. Всеобщее воодушевление, вызванное концертами Листа, сподвигло руководство Кёнигсбергского университета на небывалое действие: Альбертина удостоила композитора звания почетного доктора, что впервые было сделано по отношению к музыканту.

Из Кёнигсберга Лист отправился в Россию, где он познакомился с М. И. Глинкой, стал его горячим почитателем и со всей энергией боролся за признание музыки великого русского композитора. В Европу Лист возвращался снова через Кёнигсберг, где дал еще два концерта. Именно благодаря великому композитору и пианисту, почетному доктору Альбертины в Кёнигсберге стали исполняться некоторые произведения М. И. Глинки, прежде всего «Марш Черномора» в аранжировке Листа. И эти творения русского композитора полюбились на родине Канта.

В 1844 году в Россию пригласили Клару Вик, знаменитую пианистку, супругу выдающегося композитора Р. Шумана. В этой гастрольной поездке Шуман ее сопровождал. Разумеется, они также добирались до Петербурга через Кёнигсберг, где и состоялись запомнившиеся горожанам концерты.

Вот так, с оказией, направляясь в Российскую империю или возвращаясь с гастролей в Петербурге и Москве, выдающиеся музыканты посещали Кёнигсберг, давали концерты, которые становились заметными событиями в жизни города. Тем самым формировалась особая атмосфера, интерес к музыке у разных социальных групп, что и явилось условием обретения Кёнигсбергом славы музыкального города.

Эти изменения в духовной жизни Восточной Пруссии привели к тому, что уже не проездом, а специально сюда стали приезжать знаменитости. В 1863 году для участия в фестивале Музыкальной академии в Кёнигсберг прибыл известный русский композитор А. Г. Рубинштейн. Рубинштейн дружил со своими выдающимися современниками — Ф. Листом, Ф. Мендельсоном. Он нередко выезжал на гастроли в

европейские страны, и тогда его путь лежал через Кёнигсберг, где композитор выступал с концертами. Создатель русской пианистической школы исполнял в Кёнигсберге не только свою музыку и произведения русских композиторов — он поражал слушателей своей виртуозной техникой, играя сочинения Листа. Кёнигсбергская публика всегда с восторгом встречала приезды русского музыканта, а его участие в фестивале Музыкальной академии придало событию международный характер.

Во время фестиваля Рубинштейн дирижировал исполнением своей оратории «Потерянный рай», которая произвела на слушателей сильное впечатление. Надо заметить, что в России эту ораторию еще не знали, ее текст был написан на немецком языке и переведен на русский значительно позже. Можно сказать, что на фестивале Музыкальной академии состоялась премьера оратории Рубинштейна, которая в дальнейшем часто и с большим успехом исполнялась в главных концертных залах Европы. Все это свидетельствовало о большом уважении знаменитого музыканта к проводившемуся в Кёнигсберге фестивалю.

Любители музыки высоко оценили и исполнение Девятой симфонии Л. ван Бетховена оркестром под управлением Рубинштейна. Музыкант придерживался убеждения, что в этой симфонии текст Шиллера для финала в действительности озаглавлен не «К радости» (Freude), а «К свободе» (Freiheit). Именно этот взгляд на смысл симфонии и определил ее трактовку: она прозвучала с ошеломившей слушателей мощью, захватила их могучим стремлением к свободе. С последними звуками публика в едином порыве вскочила с мест и долго аплодировала.

Вполне естественно, что после концертов, данных великим русским музыкантом, с удивительной силой исполнившим бессмертные творения Бетховена, было принято решение посвятить следующий фестиваль творчеству гениального немецкого композитора. На бетховенский фестиваль был приглашен младший брат Рубинштейна — Николай Григорьевич, под чьим руководством кёнигсбергский оркестр великолепно исполнил музыку Бетховена.

В 1870 году А. Г. Рубинштейн снова дирижировал кёнигсбергским оркестром, и, чтобы услышать симфонии Бетховена в его исполнении, сюда приехали поклонники классической музыки и музыкальные критики из всех европейских стран. Благодаря этому Кёнигсберг оказался в самом центре внимания европейской музыкальной общественности.

Рубинштейн считал Бетховена самым современным композитором, он говорил: «*Это наше столетие, наши страсти, наша нервность. Не перестаешь удивляться, как это человек XVIII столетия предчувствовал новое время. В его творениях веет совсем новым духом*» [2, с. 74]. Такое понимание музыки Бетховена Рубинштейном казалось необычным, но всегда привлекало внимание и критиков, и ценителей музыки, и рядовых слушателей.

В 1875 году завершилось строительство четвертой Кнайпхофской биржи на берегу Прегеля. На следующий год после открытия биржи в ее зале начали проходить концерты — и снова выступления Рубинштейна стали большим событием в культурной жизни города. С особым удовольствием он играл произведения Ф. Э. Баха, чью музыку в Кёнигсберге хорошо знали и помнили. Рубинштейн почитал Ф. Э. Баха величайшим клавирным композитором, оказавшим сильнейшее воздействие на развитие музыки. По его мнению, в музыке второго сына великого И. С. Баха мы находим и трогательную наивность Й. Гайдна, и мелодичную сентиментальность В. А. Моцарта, и драматизм Л. ван Бетховена, на которого Ф. Э. Бах оказал особенно заметное влияние. Встречаясь с молодыми кёнигсбергскими музыкантами, Рубинштейн говорил: «Если хотите хорошо узнать и понять новую современную музыку, то изучайте Филиппа Эммануэля Баха, он ее родоначальник. Изучайте также его "Versuch über die wahre Art das Klavier zu spielen" ("Исследование истинного искусства клавирной игры")» [Там же, с. 114].

В том же зале биржи в 1876 году состоялось первое исполнение в Кёнигсберге оратории Рубинштейна «Вавилонское столпотворение», которая еще была не известна на родине композитора. В то время ее начали репетировать в Лейпциге и Гамбурге. Как и в случае с «Потерянным раем», первоначальный текст «Вавилонского столпотворения» был написан на немецком языке и только позже переведен на русский.

Отдавая свое произведение для первого исполнения в Кёнигсберге, Рубинштейн тем самым подчеркивал особое значение, которое он придавал музыкальной жизни города. Это было тем более важно, что оратория прозвучала во время празднования Кёнигсбергом тридцатитрехлетия творческой деятельности К. Г. Земана, известного в Восточной Пруссии музыканта — дирижера и педагога. Участие в этом празднике Рубинштейна, одного из самых известных в Европе музыкантов, акцентировало значение Земана в духовной жизни Кёнигсберга.

Развитию музыкальной культуры города способствовало и создание учебных заведений. В 1881 году скрипач Ю. Гебаур открыл здесь консерваторию. Фортепьяно преподавал пианист-виртуоз Э. Хабербир, получивший образование в Петербургской консерватории, созданной А. Г. Рубинштейном. Он стал инициатором встречи молодых музыкантов с Рубинштейном, когда тот остановился в Кёнигсберге по пути в Берлин в январе 1881 года.

Выдающийся русский композитор провел, как бы сейчас сказали, мастер-класс. Он беседовал с молодежью, сидя за роялем и поясняя свою мысль исполнением произведений. Рассуждая о музыке Бетховена, Антон Григорьевич подчеркнул, что для оценки крупного музыканта необходимо также изучить деятельность его предшественников и окружавших его современников. Поэтому, несмотря на то, что он считал Бетховена прямым наследником Ф. Э. Баха, Рубинштейн отдельно остановился на клавирной музыке Гайдна и Моцарта. Можно сказать, что для молодых музыкантов, которые в тот год пришли в консерваторию Гебаура, встреча с русским композитором стала первым настоящим консерваторским занятием, повлиявшим на их мировоззрение. Предполагалось, что в следующем году, когда Рубинштейн приедет в Кёнигсберг для постановки своей оперы «Демон», он снова встретится со студентами консерватории. Однако этот оперный спектакль появился на кёнигсбергской сцене позже, в 1883 году, и у нас нет сведений, встречался ли тогда композитор с молодыми пианистами.

Разумеется, как и во всем мире, в Кёнигсберге звучала музыка П. И. Чайковского, М. Мусоргского. А в 1930 году здесь прошел музыкальный праздник, посвященный творчеству И. Ф. Стравинского, — тогда в Кёнигсберге состоялись премьеры его балетов «Петрушка» и «Аполлон Мусaget».

«Аполлон Мусaget» в то время был почти неизвестен публике, и его постановка в Кёнигсберге оказалась событием далеко не местного масштаба. Балет ярко обнаружил увлечения начала века, особенно эксперименты русского искусства 1920-х годов. Прошедшая на страницах газет дискуссия об «Аполлоне Мусagете» касалась как музыки, так и характера балетного спектакля.

В программу музыкального праздника вошли многие произведения Стравинского. Так, в Кёнигсбергском оперном театре поставили его «Царя Эдипа», оперу, созданную в 1927 году. Пресса доброжелательно встретила музыку русского композитора, и в дальнейшем она часто звучала по радио.

Завершая краткий экскурс в историю музыкальной жизни Кёнигсберга, еще раз отметим, что влияние наших соотечественников на нее было весьма заметным начиная уже с XVIII века.

Список литературы

1. *А. Т. Болотов в Кёнигсберге: Из записок А. Т. Болотова, написанных им самим для своих потомков.* Калининград, 1990.
2. *Рубинштейн А. Г. Статьи и письма.* М., 1959.

ПОБЕРЕЖЬЕ

Опустошает смерть и леса, и мелкий кустарник,
Исподволь их красоту обрывают бури и ливни.
Ветви, где только недавно под листьями выводки птичьи
В гнездах своих пищали и плакали, как в колыбелях,
Где оперились потом и, крылья расправив, резвились,
Мошек ловить на лету принимались без матери милой, —
Нынче совсем оголились и стали как высохший хворост,
Бьются, стучат друг о друга, когда разыграются ветры...

Ж. Донелайтис. Времена года
(пер. Д. Бродского)

Смерть пронеслась по кустарникам и малым рощам;
Всю красоту их помяли, предали забвению дикие бури.
Ветви, под чьею листвой недавно птенцы уродились,
В гнездах пища и рыдая, как дети в своих колыбельках,
Где оперились и после резвились, носясь в поднебесье,
Пищу себе добывая без помощи матушки родной, —
Нынче ветвей не узнать: без листочков зеленых, как хворост,
Бьются они друг о друга, стучат, когда ветер взывает...

Ж. Донелайтис. Времена года
(пер. Clandestinus'a)

НОВЫЙ ПЕРЕВОД «ВРЕМЕН ГОДА» К. ДОНЕЛАЙТИСА

Волею исторических судеб начинатель литовской литературы Кристионас Донелайтис (1714–1780) сопричастен трем культурам — литовской, немецкой и русской. Поэт, чью эпическую поэму «Времена года» И. В. Гёте ставил в один ряд с шедеврами античной литературы, родился неподалеку от местечка Гумбиннен (ныне г. Гусев Калининградской области), изучал теологию в Кёнигсбергском университете, служил пастором лютеранской церкви в деревне Тольминкемис (ныне Чистые Пруды Калининградской

области, где действует музей Донелайтиса — филиал Калининградского историко-художественного музея). Первое (со значительными сокращениями и параллельным переводом на немецкий язык) издание поэмы «Времена года» осуществил в 1818 году в Кёнигсберге Людвиг Реза, а первое полное издание произведений Донелайтиса приняла в 1865 году Российская академия наук в Санкт-Петербурге — его подготовил известный лингвист, профессор Йенского университета Август Шлейхер.

Русскоязычному читателю эпическая поэма «Времена года», наиболее значительное произведение Донелайтиса, и его басни до настоящего времени были известны по единственному переводу, выполненному Д. Бродским. Значимость этого перевода сложно переоценить: Д. Бродский не только представил на русском языке первый литовский эпос, но и на многие десятилетия задал вектор читательского восприятия Донелайтиса в России, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания его произведений в переводе Д. Бродского с 1946 по 2005 год. Казалось бы, преодолеть столь весомый авторитет переводчика уже невозможно... Тем интереснее взглянуть на новейший опыт перевода поэмы, басен и писем Донелайтиса, который в настоящее время готовит к публикации клайпедский писатель и переводчик Clandestinus.

Задача, которую ставит перед собой современный автор, не из легких — в максимальной степени сохранить и донести до русскоязычного читателя исторический и культурный контекст, стоящий за произведениями Донелайтиса, а также особенности его поэтического языка. Последнее обстоятельство имеет особое значение: не впадая в «буквализм», переводчик сумел найти и использовать те оптимальные языковые ресурсы, которые приближают читателя к самому процессу становления литовской национальной поэзии — поиска ею собственных средств выразительности, своего слова, своих поэтических форм. Насколько это удалось автору, читатель может судить по представляемому фрагменту третьей части поэмы — «Блага осени».

О переводчике. Clandestinus (Сергей Исаев) — поэт, прозаик, драматург, переводчик. Родился в 1973 году в Клайпеде. Изучал философию в Вильнюсской духовной семинарии Святого Иосифа и богословие в Сан-Жодаре (Франция). Более семи лет был монахом католических орденов иоаннитов и францисканцев. Работал редактором литературной страницы «Капли янтаря» городской газеты «Клайпеда», главным редактором литературно-культурного ежемесячника «Слово», в настоящее время — главный редактор городского еженедельника «Причал — Клайпеда». В 2002 году создал международный литературный клуб/издательство «ARS MAGNA», в который входят более 40 членов на территории Литвы и за ее пределами. Организатор ежегодного русского литературно-музыкального фестиваля «Весна Поэзии» (Клайпеда).

Автор поэтических сборников «В глубинах скорби и радости» (2001), «Светлые и темные размышления» (2002), «Speculum Saeculorum / Зеркало Веков» (2002), книги эссе и афоризмов «Избранные афоризмы» (2003), сборника новелл и рассказов «Смерть иллюзии» (2004), антологии современной литовской поэзии и прозы «По стопам литовских волхвов» (2005). Перевел и издал на русском языке произведения Р. Черняускаса («Истории про Густаса и Учителя», 2006), Д. Молите-Лукаускене («Пересадочные цветы», 2007), Н. Кяпянене-Клюкайте («Между», 2008), Д. Собецкиса («Из тьмы», 2009).

Член Союза русских писателей Германии (2003), Союза российских писателей (2004), Союза писателей Литвы (2006), Международного историко-литературного общества К. Донелайтиса (2006).

Татьяна Цвигун

ВРЕМЕНА ГОДА

Блага осени

Вот уже солнышко вновь, отдаляясь от нас, покатилося по небу,
Нашу покинув сторонку, спешит поскорее на западе скрыться.
Глянь! Ежедневно от нас оно лучик за тучей все более прячет,
Так же и тени: они день-деньской все длиннее на землю ложатся.
Да и крылатые ветры гулять начинают опять понемногу
И, разгоняя остатки тепла, зашумели в лесах и лощинах —
Вот почему и становится воздух все больше прохладным,
Старость седую надеть полушубок торопит скорее.
Дряхлых он бабу и деда к печи раскаленной толкает,
Да и других разгоняет по теплым домам и избушкам —
Скушать горячего, что пожирней, или просто на углях похлебку.

Плачет земля безутешно — бедняга, насквозь вся промокла,
Да еще наши колеса ей спину, дождями омытую, вновь раздирают:
Там, где когда-то легко пара кляч провозила телегу с поклажей,
Нынче тянуть и четверке гнedyх, погляди, удастся насилу.
Да и колеса едва на осях вращаются — стонут со скрипом,
Комья земли из-под них вылетают, и брызгает грязь на идущих.
Всюду поля под водою осенней сокрылись и пашни,
Ливень холодный совсем не щадит спины бедных прохожих;
Лапти с худыми сапожками воду по лужам хлебают,
Топкую грязь на дорогах мяса, словно тесто в кадушке.
Ах, куда ж вы ушли, светлейшие лета денечки,
Когда мы оконца домов отворяли навстречу
Солнышку теплomu, чувствуя радостный трепет душевный?
Словно какой-нибудь сон, что мы видим, глаза закрывая,
После же, по пробуждении, долго о нем и не помним, —
Так вот и радости доброго лета от нас исчезают.
Нынче-то слякоть да грязь булькает только под лаптем,
Словно кисель на огне, с громким чавканьем лишь пузырится.
Все, что летало-резвилось, всю летний праздник справляя,
Иль копошилось в полях, или прыгало с радостным кликом,
Все, что, качая крылами, взмывало аж до поднебесья
И, налетавшись, досыта питалось зерном и жуками —
Все это нынче покинуло нас, улетев схорониться от стужи.

Наши поля теперь в трауре будто глубоком,
Прежних лишившись красот, уподобились древним кладбищам.

Смерть пронеслась по кустарникам и малым роцам;
Всю красоту их помяли, предали забвению дикие бури.
Ветви, под чьею листвой недавно птенцы уродились,
В гнездах пища и рыдая, как дети в своих колыбельках,
Где оперились и после резвились, носясь в поднебесье,
Пищу себе добывая без помощи матушки родной, —
Нынче ветвей не узнать: без листочков зеленых, как хворост,
Бьются они друг о друга, стучат, когда ветер взывает...
Там, где медведь загребал своей лапой медок из колоды,
Там, где медведица, глухо рыча, малых деток питала;
Там, где лоси испуганно вдаль убегают, хищников чуя,
Волки малюток своих грабежу да вытью обучают;
Там, где разбойники ястребы клушек-цыплят поклевали
И черный ворон гусят наших крал без стыда и пощады, —
Там, поглядите, отныне веселие сгинуло напрочь,
Только мерзавки-вороны вовсю прославляют осеннюю слякоть.
Певчие птички с напевом своим попрятались, кто куда может,
И беззаботно затихли, во сне коротая холодную пору.

Ах! Огородов красоты с зелененькой мягкой травкой;
Вы, молодые цветочки, весны неумная гордость, —
Ах, ну куда же пропала краса ваша с благоуханьем?!
Но погляди-ка: что нам показали сперва огороды-садожки,
То зацвело и взросло поздним летом под солнцем лучистым;
Нынче все эти блага мы убрали в амбары, в чуланы —
Варим и жарим теперь, что лишь душеньке будет угодно.

<...>

И страшно слышать, как бабы грохочут своими горшками.
Кремень зубчатый, озабоченно всюду глаза, ищут Грита и Пиме,
Сельмике дует на трут, у печи на коленях склонившись,
Берге с Катрине песком котелки начищают усердно,
И, чтоб огонь заиграл под горшком, бабы, низко пригнувшись,
Выпятив губы, все дуют и дуют с натугою в жерло печурки;
Йеке с Магуже старательно колют на щепки сухие поленья,
Энскис дровишек успел притащить две большие охапки;
Только бездельник Дочис, усевшись у печки горячей,
Спит, облизнувшись во сне, да тихонько еды поджидает —
Ведь на обед петуха расторопная Асте уже оципала,
В печь посадила с десяток лепешек пшеничных...
Сладко зевал наш Дочис, облизнувшись опять в полудреме;
Вдруг верховой объявился посланец, с иголки одетый:
Весть он принес всем соседям, что Кризас зовет их на свадьбу.

Шапки немедля сваты тогда перед ним поснимали,
Благодаря за великую честь, и склонились в поклоне глубоком,
Кризаса дружно почтить и на свадьбу придти обещая.
Вот и неделька прошла — в час назначенный званные гости
Стали на свадьбу готовить одежду да обувь получше:
Степас и Мерчис себе обновить башмаки не поскупились,
Йонас и Лаурас раньше еще сплели по паре лаптишек;
К свадьбе готовясь, коней разукрасили добро соседи;
Более всех и чесал, и купал свою сивку заботливый Энскис,
После ее оседлал, по бокам стремена, как обычно, приладив.
Так своего скакуна расфуфырил, любо-дорого глянуть,
Брюхо лошадке покрепче стянул новым кожаным ремнем
Да натянул пару новых сапог — и на свадьбу поехал...
Женщины сельские милых сынов проводить попросились,
Ибо их также на свадебный пир приглашает хозяин радушный;
И разрядились они в пух и прах, как гостям именитым пристало,
Но не по моде немецкой, как многие нынче прельстились, —
Нет, на литовский манер обрядиться любая из них пожелала.
Знаешь ведь, как наряжаются наши литовки с времен стародавних,
Чтобы при людях иль где на пиру показаться достойно:
Кики да длинные тканые шали замужние женщины носят,
Косы ж и венчик пристало носить только девам-молодкам.
Бабы, желать вам негоже прекрасных веночков девичьих!
Девы, а вам говорю — не гоняйтесь за кикой солидной бабьей!

Вот, как я сказывал, добрый народ, нарядившись по-барски,
К Кризасу в гости идет, безбожно шумя и горлая.
Кризас глубоким поклоном приветствует всякого гостя —
Тут же всех в дом пригласил, рассадив за столами радушно,
Для угощенья гостям приволок он большую бутылку доброй водки
И предложил милым сватам его за столом не стесняться...

Мать же невестина тут же им вынесла многие яства
И приглашенных на свадьбу с такою лихвой накормила,
Что из них кое-кто начал уж грубо шутить по-мужицки;
Некий болван за столом даже громко сболтнул непристойность.

Так, оказав предостойный прием добрым свадебным яствам,
Гости настоль разошлись, что орали вовсю несусветно;
Даже худые лошадки со страху заржали, мечась по сараям.
Глядь, в этот миг к ним опять верховой объявился посланник,
Что, проклиная коня почем зря, шпарил плетью бока его рьяно.
Ах ты, негодник! Почто животину так бьешь беспощадно?
Мало тебе, что конь с барщины еле живым воротился,
Ты ж его тяготы шпорой своею умножить желаешь?

Езжай потихоньку, болван, да не мучь жеребца понапрасну!
Знаешь ведь, завтра ему ехать в лес за дровами придется,
А послезавтра — тащить на себе и огромное барское брюхо...
Вот, как я сказывал, когда хлестал он коня по-мужицки,
Через ворота во двор прикатили тотчас молодые,
Коих святейший епископ венчал пред Престолом Господним,
Как то потребно, союз их скрепляя знаменiem крестным...

Тут же сбежались их родичи, с ними честные соседи,
И ну давай поздравлять жениха и невесту со свадьбой;
И на вкуснейшую трапезу к Кризасу в дом проводили.
Кризас с женою своей, совсем одряхлевшею бабой,
Лишь любовались на дочку, дождавшись свадьбы веселой —
Ибо Ильзбуге-дочурка была у них самой последней,
Но ведь и вышла-то замуж за шульца из Таукяя.

<...>

Много закусок мясных, приготовленных разнообразно,
Кризаса повар для свадьбы усердно да быстро так стряпал,
Что по всем улицам шум от работы стоял невозможный,
Даже Паулукас, сосед его, гомона очень того испугался.
Вот, приготовив похлебку, в котлы черпаки опуская,
Враз из печи вынимая жаркое румяное лихо,
Пятрас — тот повар, как сказано было — сготовил
Да пригласил долгожданных гостей за столом собираться.
Туше достала немедленно тонкую белую скатерть,
Длинный украсила стол, как положено издревле к свадьбе.
Быстрые после посланцы различной еды натаскали:
Вкусной свинины, говядины, также гусятины жирной,
Печеней, окороков — да еще много всяких горшочков...
С благоговением сваты сперва «Отче наш» прочитали,
По-христиански усевшись затем за столом необъятным;
Кризас любезно гостей своих потчевал, увещевая
Сколько угодно душе насыщаться, пить да веселиться.
И тут же Энскис, достав длинный нож из кармана,
Вызвался сочное мясо делить по кускам меж гостями;
Но по-господски с ножом обращаться ему было тяжело —
Грубо, как варвар, хватал он рукой куски сала большие
И, разрывая на части, бросал на тарелки соседям,
Ибо, упившись, как скот, о приличиях вовсе не думал.
Некие гости, хлебнувши чрезмерно винца или водочки доброй,
Так налакались, что больше на яства смотреть не желали;
Много других выпивох, под рукою ножа не имея,
Лапами в сало вцепившись, как звери его пожирали —

Так, что с усов и бород жир стекал, словно реки...
Мыслилось им: коль крестьянин гуляет у Кризаса в доме,
Так, дескать, нечего кланяться или вести себя тут по-господски.

И пока так наслаждались они, по обычаю буров,
Кризас воскликнул — и слуги тотчас пред гостями явились
Да на носилках втащили бочонок отменного пива;
Званные гости сбегались немедля для дела такого —
Кружки за пенистым пивом лишь тянут, лишь тянут;
Пиво густое, известно, легко людям в горло прольется,
Да и насытит собою желудок оно превосходно...

Вот наконец благородные сваты от пуза наелись
Да напились уже пива густого под самое горло,
А о молитве Господней, как нехристи, все позабыли —
И, будто свиньи арендные (стыдно обмолвиться даже!),
Стали визжать и вопить, непристойные песни горланя.
Стяпас вконец изолгался друзьям о раскормленных сивках,
Энскис нахваливал сильных быков своего господина;
Да и другие смеялись, вовсю отпускаючи глупые шутки...
Лаурас играл на дуде, надув покрасневшие щеки,
Йокубас, струну натянув, все пиликал на скрипке.
Знамо, Дочис пуще всех: нажравшись да выпив без меры,
Словно польский мешок, под скамейку внезапно свалился —
Гости сперва испугались, но в чувство пришли понемногу,
И на носилках пьянчугу снесли, чуть живого, на воздух.

Женщины тоже на свадьбе веселия не позабыли —
Ай да хитры! — так на хитрости бабы способны,
Что иногда водят за нос и самого хитрого бура...
Барбе и Пиме, Лаурене да с ней Пакулене
За угощением на водку даже взглянуть не желали,
Только весьма удивлялись, как милая может Кризене
Девушкам также теперь предлагать сей напиток противный.
Ну, а затем — лишь помысли, мой брате, что там учинилось!
Эти негодницы враз забрались в уголок поукромней,
Мигом достали бутылку ими раньше припрятанной водки —
И всего в несколько добрых глотков ее всю осушили!
После ж они без стеснения такие откалывать начали шутки,
Что их соседкам честным от стыда провалиться хотелось;
Барбе и Пиме вовсю голосили про лен на лужайке,
А Пакулене с Лаурене в честь кочета песню орали.
Те, что любезней хозяйки, подальше от них убежали,
Чтоб о семейных делах да хозяйстве болтать потихоньку:
Даке гусей своих хвалит, а Йеке — откормленных уток,

В общем, наврали друг другу о том, что на ум приходило;
Знаешь ведь, бабий обычай трепаться не ведает меры,
Если сойдутся они чего обсудить по хозяйству...

Тут с шумом-гамом ввалилась на свадьбу гурьба музыкантов,
И завели они песни на бурских своих инструментах:
Плицкюс играл на цимбалах, запиливал Кубас на скрипке,
Выпятив губы, напыжившись, дул в свою дудку Жнайрюкас.
Тут же и Энскис, собрав в кружок девушек милых,
Их призывал с пареньками хозяйскими в танец пуститься.
Клишис в дрянных сапогах обхватил захмелевшую Пиме,
Кайрюкас в лаптях хватать в объятья веселую Туше —
И, сотрясая полы, заплясали они по-литовски.
Да и другие — в башмаках ли нарядных плясали
Иль босиком — все дурачились, верхнюю сбросив одежу.
Знаешь ведь сам, что крестьянин, хлебнув через край на пирушке,
Часто глупейшие штуки отвешивать спьяну способен...

Благоволите ж послушать, что далее тут приключилось:
Двое соседей, не званных на свадьбу, внезапно приперлись —
Слункюс один был, другой лиходей прозывался Пеледа.
Кризас ругался, на чем свет стоит, на гостей нежеланных,
Да и старуха его, испугавшись страшного шума,
Тут же стонать да реветь принялась из-за тягостных болей.
Ведь некрасиво, когда человек на пирушку приходит незванным,
Где лишь желанных друзей угощать сам хозяин изволил...
Стой, безобразник! Не лезь, куда лезть не пристало!
Жди, пока Кризас тебя чрез посланника зреть пожелает
И, как соседа любезного, потчевать станет на славу!
А посему даже сваты — и те испугались такой суматохи,
Что и курить табачок уже были от страха не в силах,
Лишь обронули из рук свои добрые трубки-кисеты.
И музыкантишки тоже поддались большому смятенью
Да со своим инструментом звенящим тотчас под скамейки залезли;
Те, кто визжал-гоготал, разошедшись во пляске веселой,
Мигом затихли, немедленно глупые возгласы смолкли;
Песни о курицах, о петухах, о гусах и гусятах,
Речи о серых волках, о медведях, о телках хозяйских
Разом утихли по горнице из-за такого смятенья;
Гости чесали затылки, тихонько о том размышляя,
Что же им делать? Да только никто ничего не надумал,
Покуда Энскис, во злости схвативши полено побольше,
Слункюсу вместе с Пеледой по ребрам как следует вдарил,

После за чубы схватил — и вышвырнул подлых из дома.

И не дивитесь ничуть, коль подобные слышите речи:

Так же и баре, подчас напиваясь по-барски,

Бурские штучки, как мы, вытворяют с таким же бесстыдством.

Буров немало, известно, средь нас, что негодно являются людям,

И особенно на пире веселом таких можно видеть болванов,

Что христианское имя позорят своей болтовнею.

Но не подумаем также, что всяк господин благородный

Только лишь речи святые ведет да во всем поступает достойно —

Нет, сквернословов хватает средь них: когда выпьют чрез меру,

Шутку по-бурски таким отпустить совершенно не стыдно.

«Ах, — молвил Причкус, — я, будучи шульцом немалое время,

Нравы дворян да господ и занятия их изучил в совершенстве;

Много слышал я всего, да увидеть пришлось мне порядком...

Помнится, было недавно: надобно с грамотой барской

Мне поскорей к господину советнику главному съездить;

Много к нему этим днем собралось балаболов да пьяниц...

Я, как слуге подобает, с макушки убогую сдернул шапчонку

И, до земли поклонясь, подал грамоту барину в руки.

Ну а затем я вошел осмотреться в открытую кухню,

Чтобы узнать, каковы для гостей там готовят закуски;

Правда, привык я уже на глазах именитых господ появляться

И, находясь среди бар, не боюсь ни того, ни другого нисколько...

Дюжих троих поваров я мгновенно на кухне приметил —

Ястреба черного первый из них потрошил с ужасающим видом,

Цельную заячью тушку другой рвал ногтями кривыми,

Много живых червячков из желудка зверька доставая;

Третий, схватив две поганого вида посуды в руки,

Кучу противнейших жаб высыпал на широкое блюдо, —

Ведь эту дрянь наши баре теперь обожают безмерно...

От таких зрелищ мне к горлу тотчас тошнота подкатила,

И, ломанувшись за двери, сблевал я под новым забором.

Так, проблевавшись как следует, вновь к господам воротился,

Только о том умолчал, отчего то со мной приключилось —

Знаете ведь, как безбожно глумятся над буром дворяне;

Мало ль чего, так они бы еще меня поколотили.

Вот почему, воротясь, я тихонько засел в уголке,

Дабы оттуда глядеть, как честные дворяне пируют:

Новые блюда такие уже повара приготовить успели,

Что провоняла усадьба насквозь от их запахов мерзких.

Тут же и барские слуги сбежались к столу суетливой толпою:

Все что положено — вилки, тарелки, ножи — в момент притащили,

После усталили стол вареной да жареной снедью.
Я же, крестьянские руки сложив на груди, ожидаю смиренно
Благочестивых молитв перед трапезой... — Вовсе напрасно!
Только гляжу: сотрапезники сели за стол без особой заботы
И, похватав свои ложки, о небе совсем и не вспомнив,
Глупый ведут разговор, уплетая заморские блюда...
Отроду мне безобразья такого видать не случалось!
Так я дивился, что чуть ли вопить от досады не начал;
Лишь поразмыслив, что здесь мне кричать не пристало,
Спрятавшись в месте укромном, я стал втихомолку ругаться,
Так бар словами отделал, что даже собаки на улицах взвыли:
«Ах, вы, безбожники! Ах, вы, тщеславцы! Ах, вы, толстопузы!
Стыдно ли вам свои руки сложить в благочестии добром
Да посмотреть в небеса перед тем, как кусок хватануть пожирнее?
Мы, заскоруждые буры, бедняги в худых лапоточках,
Всяк помыкать нами рад, а мы сносим труды да побои,
Только лишь коркой сухою свое насыщаем мы брюхо
Да захудалым кваском веселим свою бедную душу —
Но и за это Всевышнего мы ежедневно не раз восхваляем!
Вы же, бездельники, жирные яства одни поглощая
Да наполняя рейнвейном свои растолстевшие брюха,
Господа Бога и небо совсем поминать перестали —
Аль не боитесь нисколько икрой за столом подавиться?
Или что ваши дома Громовержец сровняет за это с землею?»
Так поразмыслил я — и, получивши ответ на посланье,
Вылетел в двери стремглав на подворье со страха большого
Да поскорее домой поспешил на коне я оттуда убраться».
«Ах, — молвил Сельмас, — поди, времена наступили лихие:
Всюду одно шельмовство да обман повсеместный гуляют;
Барин большой и слуга его — в пекло все лезут да лезут;
Этот, разважничавшись и по-господски надувшись,
Имя Господне стыдится хоть раз помянуть, а другие,
Чтобы ему угодить, унижают-поносят Творца беззаботно.
Барин и сам-то ослеп, в преисподнюю скачет галопом,
И своих верных он слуг ослеплению учит тому же.
Божий Пресветлый Глагол, украшение наших церквушек,
Набожных наших псалмов и молитв благочестных звучанье
Хуже таким ворогам, чем смердящий навоз перед носом.
Ломбер с театрами так ослепить да завлечь господина сумели,
Что его слуги, надзора не чуя, вконец распустились...
Где же благопристойность времен стародавних!»

Так меж таких разговоров и свадьба к концу подходила...

Перевод Clandestinus'a. Публикуется с согласия переводчика

ПЕРСОНА

Одной из задач первой русской эмиграции и их потомков было именно возвращение русской духовной традиции, православной веры в Россию — желание передать все то, что было разорено и истреблено в советский тоталитарный и антирелигиозный период. <...> Если теперь появляется хоть маленькая возможность своими статьями и публикациями вернуть хоть частицу старой русской культуры в Россию, то я очень рада.

В. Шеншина

«СТАРАЯ РОССИЯ ОСТАЛАСЬ ДЛЯ НАС ЖИВОЙ...» Интервью с Вероникой Шеншиной

Персоной этого номера является Вероника Александровна Шеншина — известный историк русской литературы второй половины XIX века, академик Международной академии наук педагогического образования (2004), почетный профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова (2008), автор книги о своем дальнем родственнике «А. А. Фет-Шенин: поэтическое мирозерцание». Вероника Александровна живет и работает в Хельсинки. Я обратился к ней с несколькими вопросами, ответы на которые помогут читателю представить профиль нашей персоны.

В. Г.: Вероника Александровна, расскажите, пожалуйста, о своем происхождении. Просьбу мою, однако, не понимайте только как дань Вашему знаменитому предку. Не скрою, размышляя о кандидатуре рубрики «Персона», я, конечно, думал о том, чтобы это лицо явилось особым знаком соединения Прошлого с Настоящим, истории России с современностью. Познакомившись с Вами однажды (года три-четыре назад), прочитав Вашу прекрасную книгу об А.А Фете-Шеншине, я, конечно же, подумал о том, что Ваша кандидатура являет собой то, что нас интересует: богатейшие русские корни и славная современная биография человека, *живущего* за рубежом России, но — *живущего* ее проблемами. Вы вдали от России и Вы здесь, с нами. Это очень важно. Мне трудно представить человека, который мог бы навсегда забыть о своей родине, — наверное, это невозможно. Вернемся, однако, к вопросу, который я поставил в самом начале нашей беседы, — о Вашем происхождении.

В. Ш.: Благодарю Вас, Владимир Иванович, за эти теплые слова и постараюсь ответить на Ваши вопросы.

Да, действительно, несмотря на то, что моей родиной является Финляндия (здесь мои родители, здесь я родилась), мои русские корни достаточно глубоки. Надо признаться, что сохранить русский язык, русскую культуру и православную веру в Финляндии было задачей непростой.

Мой дед, Алексей Парменович Шеншин, родился в Орловской губернии в Мценском уезде, а скончался уже в Финляндии на Карельском перешейке. Учебу он начал в Орловском кадетском корпусе имени Бахтина и продолжил в Александровском кадетском корпусе в Петербурге. Затем окончил по первому разряду Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Служил в Кронштадтской крепостной артиллерии и затем в Канцелярии Его Величества. В Первую мировую войну был на фронте. После кронштадтских событий и восстания в 1921 году мой дед эмигрировал в Финляндию. С тех пор мы живем здесь, и Финляндия стала нашей родиной, страной, где мы родились.

Когда я после распада СССР приехала на древнюю родину Шеншиных в Россию, в Орел, то мне совсем случайно представилась возможность участвовать в первом крестном ходе, проходившем в городе. Нас было около 200 человек, мы шли по улицам Орла. Представляете, все вместе: и Божья благодать, и молитва, и церковное пение, а также особое торжественное выражение и удивительно-радостная задумчивость на лицах людей, участвующих в крестном ходе. Разве это можно забыть?

Мой отец, Александр Алексеевич Шеншин, по образованию капитан дальнего плавания, более 30 лет служил капитаном первого ранга в Финляндском государственном ведомстве мореходства в должности начальника I гидрографической экспедиции. В эмиграции мы хотели сохранить память нашего рода и поэтому вступили в общество *Noblesse Russe* в Париже.

Выросла я в Хельсинки — здесь получила начальное образование в шведской школе и лицее, окончила Институт переводчиков в Тампере и Хельсинкский университет. Докторскую диссертацию защитила в Илинойском университете в США.

В. Г.: Итак, Вы окончили шведскую школу, лицей и университет в Хельсинки, получили прекрасное европейское образование, диссертацию защищали в США. Меня интересует Ваше *возвращение* в лоно русской национальной культуры. Оно уже состоялось или вся Ваша жизнь — постепенное возвращение? Может быть, вопрос об этом совершенно не значим для Вас? Может быть, для Вас вопрос о духовной эмиграции не актуален?

В. Ш.: Одной из задач первой русской эмиграции и их потомков было именно возвращение русской духовной традиции, православной веры в Россию — желание передать все то, что было разорено и истреблено в советский тоталитарный и антирелигиозный период.

За рубежом мы сохранили связь с Россией главным образом благодаря рассказам наших родителей, бабушек и дедушек. Старая Россия осталась для нас живой. Ведь мы с упоением читали произведения замечательных русских поэтов и писателей — Батюшкова, Жуковского, Лермонтова, Пушкина, Фета, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Гончарова, Лескова. Этих авторов мы читали в старых дореволюционных изданиях, в которых сохранился старый алфавит. Конечно, это были книги и авторы из *того мира*, из прежней России. Связь поддерживалась также благодаря глубокой вере и церковной традиции, сохраненной нашими родителями.

И если теперь появляется хоть маленькая возможность своими статьями и публикациями возратить частицу старой русской культуры в Россию, то я очень рада. Конечно, задача сложная, ведь, условно говоря, вернуть надо самое ценное — а как это сегодня сделать? Ведь современный мир крайне жесток и отдален от таких понятий, как вера, совесть, доброта, прощение и смирение. Во всяком случае, меня глубоко радуют Ваши слова, Владимир Иванович, о том, что хотя я и нахожусь далеко от Вас, но все же с вами, а самое главное, что поэзию и творчество А. А. Фета ценят и изучают. Мое возвращение в Россию состоялось именно благодаря поэту Фету, и современная Россия мне также открылась благодаря ему. Через отношение к его жизни и творчеству мне раскрываются и ценности современной России, ее читателей, преподавателей и исследователей.

Относительно духовной эмиграции и возвращения в лоно русской культуры могу сказать, что все это уже состоялось. Я радуюсь тому, что православная вера и священники и прихожане в России больше не гонимы. Надеюсь также, что их вера и глубокие знания окажутся востребованными и непременно станут ценным богатством как в университетском, так и в школьном и дошкольном преподавании. Бывая в России, я стараюсь найти время посетить службы и познакомиться с отреставрированными православными храмами.

В. Г.: Вероника Александровна, к сожалению, рамки нашей беседы не позволяют раскрыть некоторые соображения, историко-культурные фрагменты, высказанные Вами, но мне совершенно ясно, что, явившись в этот мир за рубежом России, будучи воспитанной в лоне русской семьи, Вы стремитесь сохранить завещанное, отчасти реконструировать память о Прошлом и обустроить новую дорогу в современную Россию.

Я предлагаю Вам еще один вопрос: в какой степени на Вас повлияла финская культура? Можно ли говорить о том, что под воздействием

обстоятельств Вы на ментальном уровне органично соединяете в себе два начала — русское и финское? Или все-таки в конечном счете Вы идентифицируете себя только как русского человека?

В. Ш.: Очень сложный вопрос. Можно сказать, что у меня три языка, три культуры, которые я ощущаю своими родными: финская, финско-шведская и русская. Такое соединение я считаю естественным, и у меня даже не возникает вопросов по этому поводу. Но мне немного любопытно: как другие воспринимают человека с тремя родными языками? С моей стороны это родное понимание трех культур изнутри, и они никоим образом не мешают друг другу, а наоборот, помогают воспринять разные вопросы с разных сторон.

В. Г.: Вероника Александровна, благодарю Вас за ответы, желаю всего самого доброго и надеюсь на наше дальнейшее сотрудничество. В этом номере с Вашего позволения мы публикуем отрывок из четвертой главы Вашей книги о Фете — *Шеншина В. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание*. М., 2003.

Беседовал Владимир Гребных

Вероника Шеншина
(Финляндия)

А. ФЕТ И СИМВОЛИСТЫ

*К*онстантин Бальмонт, Валерий Брюсов, Александр Блок и личный друг Фета Владимир Соловьев — поэты рубежа XIX—XX веков, принадлежавшие к литературному направлению символистов, — взяли многое от поэзии Фета, от его лирического начала, музыкальности и метафизических воззрений. Их лирика во многом обязана ему своим развитием.

Поэты-символисты не только учились у Фета, они писали о его произведениях критические статьи и тем самым ввели его лирику в русло русской поэзии.

Связав ее с символизмом, они сделали из нее образец для молодых поэтов, которые обнаружили духовное родство с Фетом, уловили сходные черты лирической поэтики. Так, в 1903 году, в десятую годовщину со дня смерти Фета, Брюсов опубликовал в журнале «Мир искусства» статью о месте Фета в русской поэзии [3, с. 25—30]. Бальмонт в своей книге «Горные вершины» (1904) также анализирует поэзию Фета [1, с. 63—71, 81—92].

Бальмонт утверждал, что поэзии Фета, в отличие от Пушкина и Лермонтова, свойственна таинственность, которая является одной из главных отличительных особенностей произведений поэтов-символистов [Там же, с. 63].

Эстетика ранних символистов характеризуется не только красотой и гармонией, но включает в себя также национальные и исторические идеи. Вл. Соловьев и А. Блок, например, в стихотворении «Ex Oriente Lux» (1890) и поэме «Скифы» (1918) развивали геополитические темы.

В своих взглядах символисты во многом сближались с Фетом. Как Фет находил красоту в созерцании вечного, в свете Истины, которая

не омрачена мировым злом, так и Владимир Соловьев создавал утопию, которая была бы одновременно как религиозной, так и этической и тем самым стояла ближе к религиозным идеям Достоевского и этическим — Толстого в том виде, как они воплощены в таких произведениях этих великих писателей, как «Идиот» и «Братья Карамазовы» Достоевского и «Война и мир» Толстого¹.

В то же время Фет во многом расходился с символистами. Так, пессимизм декадентов, с которыми мы сталкиваемся у Федора Сологуба и Брюсова позднего периода, не совпадает со стремлением Фета поднять искусство над уродливостью и убожеством человеческого разума.

По мнению Фета, сущность красоты в искусстве состоит в том, что она обособлена от материального мира. Искусство, с его точки зрения, есть бескорыстное удовлетворение чувства идеальной красоты. Оно присуще нравственной аристократии, колющей глаза нравственному плебею.

В 1888 году он писал: «Конечно, если бы я никогда не любовался тяжеловесной косой и чистым пробормом густых женских волос, то они не возникали бы у меня в стихах, но нет никакой необходимости, чтобы каждый раз мое стихотворение было буквальным сколком пережитого момента» [8, т. 2, с. 179].

Несомненно, что источником творческих импульсов и вдохновения для поэта служит окружающий мир. Однако если перед нами художник-творец, то он начинает с более высокого уровня, а именно с чистого восприятия, отделяя крупницы золота от песка. По мнению Фета, назначение искусства состоит в том, чтобы открывать красоту тому, кто способен ее воспринять, давая ему возможность получить эстетическое наслаждение, а подчас и испытать мистические переживания, освобождаясь от повседневных земных забот. «Искусство, — писал он, — есть высшая нелицемерная правда, беспристрастнейший суд, перед которым нет предметов грязных и низких. Она осуждает только свою преднамеренность, свою грязь, свои цинические наросты. Искусство в этом отношении настолько выше всякой земной мудрости, насколько любовь выше знания. Мудрость судит факты, искусство всецельно угадывает родственную красоту» [6]. Фет находит красоту в любви и гармонии, в стихийных силах и вечной духовной сущности вселенной, отражающей небесное в земном.

Для Владимира Соловьева и Александра Блока духовное единство не было стихийной силой. Оно воплощалось в реальные формы, в «женскую красоту».

¹ Вл. Соловьев был близким другом Достоевского. Считают, что он послужил прототипом Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы».

Вл. Соловьев и А. Фет

Основой философии Владимира Соловьева, проникнутой мистицизмом, является учение о Святой Софии. Критик Константин Мочульский оценивает учение Владимира Соловьева как «искусственную и рациональную попытку объединить западноевропейскую философию с восточным православием. <...> Его часто считают гностиком и теософом, который познакомился с мистицизмом по трудам Якоба Бёма и Филиппа Парацельса. <...> Совершенно очевидно, что в основе учений Соловьева лежит мистический опыт» [5, с. 19].

В поэме «Три свидания» (1898) Соловьев рисует три воображаемых встречи с таинственной подругой, женщиной-призраком — Софией. Первая встреча с ней произошла в русской православной церкви во время литургии. Хор пел «Иже херувимы тайно образующие». Поэту было тогда девять лет. Описывая эту первую встречу, Вл. Соловьев ссылается на стихотворение Фета «Был чудный майский день в Москве...» Так же, как и у Фета, тон здесь задает пение церковного хора, символически подымающее человека в иной, высший мир:

И в первый раз, — о как давно то было! —
Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ощутила
Тоску любви с тревогой сладких снов.

Мне девять лет, она... ей — девять тоже.
«Был майский день в Москве», как молвил Фет.
Признался я. Молчание. О, Боже!
Соперник есть. А! он мне даст ответ.

Дуэль! Дуэль! Обедня в Вознесенье.
Душа кипит в потоке страстных мук.
Житейское... отложим... попеченье —
Тянулся, замирал и замер звук.

Алтарь открыт... Но где священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылась в туман.

Психологической основой мистического переживания, по мнению Соловьева, служит возбуждение: «душа кипит в потоке страстных мук». Однако само по себе это переживание не продолжает мук. Оно представляет собой лишь подготовку к нему, а не его следствие. Напротив, достаточно одного лишь проблеска небесной любви, чтобы отделить мирские страсти от духовных переживаний. Выражения, которыми пользуется здесь Соловьев, явно заимствованы у Фета: «звук тянулся и замирал», «в душе моей пронизана лазурью золотистой» (лазурь — это обычный цвет православных церквей в России). Таинственность видения подчеркивается словами: «цветок нездешних стран» и «скрылася в туман». Юмористический конец стихотворения, относящийся к плохо говорящей по-русски немке-гувернантке, подчеркивает достоверность происходящего.

Вторая встреча с Софией произошла в Британском музее в Лондоне, третья — в песках Египта. София — героиня произведения Владимира Соловьева — воплощение вечной женственности. Ее характер сочетает в себе любовь и доброту, а появление предвещает счастье человечества в будущем [10, с. 384].

Цикл стихов о Прекрасной даме Блока (1905) — «это поэтический дневник его страстного стремления к соединению со святой Софией, что стало наиболее совершенным воплощением религиозных устремлений русского символизма» [9, с. 416]. По мнению Бальмонта, поэзия Фета, в противоположность тютчевской, которую он считает суровой и мужественной, является нежной и женственной. Фет особенно подчеркивает изящество женской красоты, он был влюблен в жизнь, как в женщину [1, с. 89].

В статье «О лирической поэзии по поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (1890) Вл. Соловьев признает влияние лирики Фета на свои произведения [7, с. 210]. К. Мочульский считает, что Соловьева особенно привлекала «телесность и материальность» поэзии Фета [5, с. 158].

С этим, конечно, трудно согласиться, так как метафизическая лирика Фета, его духовное стремление к единению природы и вселенной, к Истине и Красоте создает основу для дальнейшего развития любовной лирики Соловьева и его учения о Софии. Идею единения Соловьев всегда определял как нераздельное триединство: Истины, Доброты и Красоты.

Вл. Соловьев восхищался талантом Фета, его добротой, острым пронизательным умом. Он писал в посвященном своему любимому поэту стихотворении:

А. А. Фету, 19 октября 1884 г.

Перелетев на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков,
Подслушал ты на царственных вершинах
Живую песнь умолкнувших певцов.

И приманил твой сладкозвучный гений
Чужих богов на наши берега,
И под лучом воскресших песнопений
Растаяли сарматские снега,

И пышный лавр средь степи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел,
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел.

Соловьев говорит здесь, что песни Фета преодолевают время и пространство. Под «орлом поэзии» в последней строфе стихотворения он подразумевает Пушкинскую премию, которую Фету вручили в 1884 году.

Дружба Соловьева с Фетом завязалась в 1880-х годах. Он часто навещал его в Воробьевке. Вместе они переводили латинских поэтов. В 1881 году вместе с Н. Н. Страховым и С. А. Толстой Соловьев занялся изданием «Фауста» Гёте в переводе Фета.

Близость Вл. Соловьева к Фету подтверждает и Валерий Брюсов. «Владимир Соловьев, — писал он, — в стихотворстве был учеником Фета. Его ранние стихи до такой степени перенимают внешние приемы учителя, что их можно было бы почти нечувствительно присоединить к сочинениям Фета, как к собраниям стихов Овидия присоединяют его безымянных подражателей. Таковы, например, стихи "Пусть осень ранняя смеется надо мной...", "Нет вопросов давно и не нужно речей..." и т. п. ...Но самобытная, сильная личность Вл. Соловьева не могла не сказаться скоро и в его поэзии. В то время как в поэзии Фета начало художественное преобладало, Вл. Соловьев сознательно предоставил в своих стихах первое место — мысли» [3].

Однако в личном плане у Владимира Соловьева с Фетом было мало общего. Хотя оба они испытывали внутреннюю борьбу между верой и неверием, сердцем и рассудком, взгляды на мир у них были противоположные. В четырнадцатилетнем возрасте религиозные воззрения Владимира Соловьева изменились; проходя период юношеского ате-

изма, он выступил против церковного вероучения, что было вообще характерно для нигилистических взглядов 1860-х годов.

Позже в своих философских сочинениях Владимир Соловьев увлекся мистицизмом и захотел объединить церкви Востока и Запада. Фет же продолжал придерживаться своих взглядов на роль искусства как явления, независимого от общества, и к течениям своего времени не примкнул. А Соловьев в эпиграммах и иронической лирике продолжил тенденции пародирования стихотворений Фета в духе Козьмы Пруткова, подобно тому как в 1860-е годы поэты «Искры» Василий Богданов и Николай Курочкин время от времени осыпали насмешками как самого Фета, так и его философию. Блок назвал этот вид иронии болезнью. «Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь — сродни душевным недугам и может быть названа "иронией"» [2, с. 345].

Блок упрекал Владимира Соловьева за то, что тот болен этой болезнью — разрушительным, бессмысленным и отчаянным смехом одержимых [Там же, с. 346]. В более поздних произведениях Соловьева иронии становится меньше, а в поэме «Три свидания» (1998) она переходит в романтическую самоиронию, выступающую как антоним мистицизму [4, с. 47]. Подобный дуализм был типичен для Соловьева.

Вл. Соловьев ценил музыкальность стихотворений Фета, обилие и разнообразие звуков в его лирике. В 1889 году он написал Фету следующее письмо: «Приветствуют Вас все крылатые звуки и лучезарные образы между небом и землею. Кланяется также вам меньшая братия: слепой жук и вечерние мошки, кричащий коростель и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу. А наконец приветствую Вас и я в виде того серого камня, который Вы помянули добрым словом... Бесценный мой отрезок настоящей, неподдельной радуги, обнимаю Вас мысленно в надежде на скорое свидание» (цит. по: [5, с. 156]).

Мочульский в своей работе свидетельствует о том, что письма Владимира Соловьева к Фету написаны с теплотой и нежностью, говорящей о глубокой дружбе между поэтами. Со своей стороны, Фет посвятил Соловьеву два стихотворения с единым названием: «В. С. Соловьеву». В стихотворении 1885 года Фет раскрывает молодому поэту источники своего вдохновения:

Ты изумляешься, что я еще пою —
Как будто прежняя во храм вступает жрица —
И, чем-то молодым овевая песнь мою,
То ласточка мелькнет, то длинная рясница.

Не всё же был я стар, и жизненных трудов
Не вечно на плеча ложилася обуза:
В беспечные года, в виду ночных пиров,
Огни потешные изготавляла Муза.

Как сожигать тогда отраднo было их
В кругу приятелей, в глазах воздушной феи!
Их было множество, и ярких и цветных...
Но рабский труд прервал веселые затеи.

И вот, когда теперь, поникнув головой
И исподлoбя в даль одну вперяя взгляды,
Раздумье набредет тяжелою ногой
И слышишь выстрел ты, — то старые заряды [8, т. 1, с. 153].

Фет объясняет здесь, почему он в столь преклонном возрасте продолжает писать стихи. Будучи молодым, он имел обыкновение читать свои лирические стихотворения друзьям, которые с удовольствием слушали и ценили искры его музыки. В строке «Но рабский труд прервал веселые затеи...» он говорит о периоде своего вынужденного молчания, но утверждает, что, несмотря на обрушившуюся на него критику, муза его была жива и все эти годы. Теперь, когда он достиг преклонных лет, лирические строки снова звучат свежо и смело, подобно залпам из пушек, заряженных вдохновением дней его юности. Фет написал эти строки за семь лет до смерти, когда он много и плодотворно работал.

После смерти Фета в 1892 году Владимира Соловьева глубоко волновала участь души его друга. В 1895 году он пишет:

С пробудившейся землею
Разлучен в немой стране
Кто-то с тяжкою тоскою
Шепчет: «Вспомни обо мне!»

Кто-то шепчет — «Вспомни обо мне!». Эта строка перекликается с фетовским «Друг мой далекий, // Вспомни обо мне» («Облаком волнистым...», 1843).

В 1897 году Вл. Соловьев опубликовал стихотворение «Памяти А. А. Фета», которое мы приводим ниже:

Он был старик давно больной и хилый;
Дивились все — как долго мог он жить...
Но почему же с этою могилой
Меня не может время помирить?

Не скрыл он в землю дар безумных песен,
Он все сказал, что дух ему велел,
Что ж для меня не стал он бестелесен
И взор его в душе не побледнел?

Здесь тайна есть. Мне слышатся призывы
И скорбный стон с дрожащею мольбой.
Непримиримое вздыхает сиротливо
И одинокое горюет над собой.

Строки этого стихотворения Соловьева говорят о том, что ему трудно примириться с мыслью о смерти великого поэта. Ведь поэзия и дух Фета живы, как живет его образ в сердце Соловьева, которому слышится таинственный голос, грустная и одинокая молитва.

И еще одно стихотворение под заголовком «А. А. Фету» написано Соловьевым в 1897 году, за три года до его собственной смерти. Автор просит благословения у своего умолкнувшего друга:

Все нити порваны, все отклики — молчанье,
Но скрытой радости в душе остался ключ,
И не погаснет в ней до вечного свиданья
Один таинственный и неизменный луч.

И я хочу, средь царства заблуждений,
Войти с лучом в горнило вещей снов,
Чтоб отблеском бессмертных озарений
Вновь увенчать умолкнувших певцов.

Отшедший друг! Твое благословенье
На этот путь заранее со мной.
Неуловимого я слышу приближенье,
И в сердце бьет невидимый прибор.

Вл. Соловьев не только посвящал Фету стихи, но строил саму образную систему этих произведений, следуя фетовским художественным находкам; в его стихах так же возникает переход от света к сумеркам, неизменные и таинственные солнечные лучи и нечто скрытое, например невидимый прибор. В стихотворениях Вл. Соловьева множество метафор, свидетельствующих о существовании трансцендентального, о жизни за пределами нашей вселенной, о вечности. А ведь это все — неотъемлемая часть метафизической поэзии Фета (вспомним его выражения «до вечного свидания», «вещие сны», «бессмерт-

ные озарения», «умолкнувшие певцы», «приближение неуловимого», «отошедший друг»).

В 1898 году Соловьев пишет «Песню моря» — еще одно стихотворение, посвященное Фету. Автор размышляет в нем о том, какая участь постигнет поэтическое творчество Фета:

От кого это теплое южное море
Знает горькие песни холодных морей?
И под небом другим, с неизбежностью споря,
Та же тень все стоит над мечтою моей.

<...>

Брызги жизни сливались в алмазные грезы,
А теперь лишь блеснет лучезарная сеть, —
Жемчуг песен твоих расплывается в слезы,
Чтобы вместе с пучиной роптать и скорбеть.

Эту песню одну знает южное море.
Как и бурные волны холодных морей —
Про чужое, далекое, мертвое горе,
Что, как тень, неразлучно с душою моей.

Итак, тень Фета неотделима от его собственной души. Эта тень печали одинаково знакома как теплым морям юга, так и волнам ледяных северных морей. И здесь Соловьев создает те же образы, которые так часто возникали в стихах Фета: «жемчуг песен твоих расплывается в слезы», мертвая далекая тайна, известная только морю. Аллитерация рифмующихся слов в конце каждой строки: «море, морей, горе, моей» — один из излюбленных приемов Фета.

Можно с уверенностью сказать, что Фет приобщил Соловьева к мастерству стихосложения и музыкальности стиха. Незадолго до смерти (в 1898 году) Соловьев написал еще одно миниатюрное стихотворение, которое так напоминает нам раннего Фета:

Мимо Триады

Что-то здесь осиротело,
Чей-то светоч отсиял,
Чья-то радость отлетела,
Кто-то пел — и замолчал.

Все стихотворение состоит из одного единственного предложения — прием, который впервые использовал в русской поэзии Афанасий Фет в своем знаменитом: «Шепот, робкое дыханье» 1850 года. Местоимения «что-то», «что-то», «кто-то» подчеркивает расплывчатость и неясность сюжета, что также свойственно фетовской поэтической традиции.

Список литературы

1. Бальмонт К. Д. О русских поэтах. Элементарные слова о символической поэзии // Горные вершины: сб. ст. М., 1904. Кн. 1.
2. Блок А. А. Ирония // Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1962. Т. 5.
3. Брюсов В. А. А. Фет. Искусство или жизнь // Мир искусства. 1903. № 1–2.
4. Минц З. Г. Владимир Соловьев — поэт // Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
5. Мочульский К. Владимир Соловьев, жизнь и учение. Париж, 1951.
6. Современник. 1857. № 2.
7. Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990.
8. Фет А. А. Соч.: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
9. Bristol E. Turn of a century: 1895–1925 // The Cambridge History of Russian literature. Cambridge, 1989.
10. Connolly J. The nineteenth century 1880–1990 // The Cambridge History of Russian literature. Cambridge, 1989.

С согласия автора печатается по книге: Шеншина В. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. М., 2003.

**ОБЗОРЫ,
РЕЦЕНЗИИ**

С момента вступления Литвы в Евросоюз выросло поколение русских детей, не видевших Москву и Петербург, зато освоивших все близлежащие европейские столицы. Их родной русский по-эмигрантски беден и убог. Они — поколение Интернета — газет не читают...

Н. Мацкевич

На конференции выступил корреспондент Немецкого радио, журналист доктор Хеннинг фон Левиз оф Менар. «Пушкинистом» он стал с моей легкой руки, поэтому расскажу здесь об этом и о его выступлении...

З. Кузнецова

Профессор Бэй Чуньжэнь, говоря о прошлом и настоящем китайской русистики, отметил, что сегодня значительно ослабло внимание к русской литературе. Он подчеркнул, что литература — это высшее проявление национального языка, подлинный источник познания русской культуры...

Ван Лие

А. К. Толстой в своей родовой истории и творчестве выступает как уникальный феномен русского самосознания и культуры. Сама его жизнь представляется в широчайших личных и творческих связях с деятелями культуры своего времени от Пушкина и Тёте до вершителей русского и мирового искусства...

А. Дмитриевский

Произведение «Ничего кроме правды» русского художника-эмигранта Бориса Жердина — игровой текст с двойным кодом. Компетентный читатель без труда ощущает в подтексте трагические ноты, существующие в ироничной оболочке...

В. Белоусова

*Нина Мацкевич
(Вильнюс)*

ИХ ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО ТРОЕ... **(русскаяязычная пресса Литвы)**

Сегодня русская пресса Литвы представлена немногими ежедневной газетой, на девяносто с лишним процентов состоящей из переводов с литовского оригинала. Попробуем разобраться, как и почему русское информационное пространство сужается не по дням, а по часам.

Взгляд в прошлое

В независимость Литвы русские СМИ вступили бодро: ежедневными газетами с устоявшимся кругом читателей и почитателей. Люди постарше выписывали и покупали «Советскую Литву», ставшую позже «Эхом Литвы», к концу рабочего дня у киосков толпились читатели «Вечерних новостей», сторонники перемен читали русские версии газет «Лиетувос ритас» или «Пирмадиенис», раскупали «Слово», интеллектуалы следили за новыми номерами литературных журналов «Вильнюс» (некогда — «Литва литературная») и «Лад». Связи с Россией рвались, поэтому редакторы публиковали многостраничные дайджесты российской прессы. Номера составлялись с помощью ножниц, а о том, что такое авторское право, в те смутные времена никто не задумывался.

Жизнь дорожала, люди стали выбирать те издания, без которых нельзя было обойтись: прежде всего те, что содержали подробную телевизионную программу. Одна за другой закрывались оригинальные

русские газеты, издатели прекращали выпуск русских версий литовских печатных СМИ. На рынке воцарился «Литовский курьер» — еженедельник, который редактировал самый успешный наш коллега Иосиф Уссер. Секрет его успеха прост: Уссер делает любую газету (а он редактировал три!) под себя. Ему не надо заказывать дорогостоящие социологические исследования читательских чаяний, он публикует то, что важно и интересно ему самому: обзор политических событий с точки зрения человека средних лет, исторические и культурные экскурсии в прошлое, страничку для малышей, рецепты, немного «желтого» из российской печати и, разумеется, телевизионную программу. После «Литовского курьера» И. Уссер создал газету «Обзор», а сейчас (время-то идет, читатель стареет) успешно редактирует газету «Пенсионер».

Сегодня самой популярной в Литве является еженедельная газета «Экспресс-Неделя». Начинаясь она как русский аналог литовского издания “Savaitė su TV” и была по сути дела обширной сводкой телепрограмм. Со временем (благодаря дальновидной политике молодого издателя Александра Мацейны, а особенно после прихода в редакцию талантливого и опытного журналиста Юрия Строганова) «Экспресс-Неделя» превратилась в самое тиражное и авторитетное русскоязычное издание. Важную роль играет и созданный Мацейной сайт www.runet.lt, представляющий себя как единственный независимый русский портал в Литве.

Что и почему читают?

Постепенно рынок СМИ устоялся, с кабельными сетями вернулось российское телевидение, и потребность в перепечатках материалов российской прессы отпала. К тому же читателей становилось все меньше: по последним данным в Литве проживает лишь пять процентов русских. Из верного подписчика читатель перешел в категорию покупателя, который каждый четверг стоит перед выбором, на что потратиться: на «Литовский курьер» (издатель В. Третьяков), «Обзор» или «Экспресс-Неделю»? Журнальный формат и содержание решают дилемму в пользу последних двух.

Русское население Литвы в массе своей небогато. В большинстве своем русскоязычные граждане приехали после войны, а значит, не имели ни своей земли, ни недвижимости, подлежащей по закону о реституции возврату. Крупнейшие предприятия, научно-исследова-

тельские институты союзного подчинения закрылись, инженеры, конструкторы, технологи очутились на диком рынке труда и услуг. У кого была коммерческая жилка, тот ею воспользовался, создав собственную компанию, у остальных выбор был небогатым: таксист, специалист по обслуживанию газовых котлов, сборщик мебели, продавец китайского или турецкого ширпотреба на рынке в Гарюнае и т. д. В любом случае лишних денег у таких читателей не водится, хотя привычка читать не утрачена. Люди покупают одну газету на всю неделю, а скоротать время в пробке и водителю, и пассажиру помогают кроссворды или sudoku, благо, книжечек с головоломками в киосках с российской прессой — пруд пруди. Так, по многим причинам интерес к российским печатным изданиям в современной Литве практически иссяк. Другое дело — русскоязычная художественная, учебная и научно-техническая литература, которую до сих пор покупают не только русские, но и литовцы среднего возраста (те, кто учил в школе русский язык), и иностранцы. Показательно также, что в последние несколько лет резко выросла популярность курсов русского языка. На днях я зашла в библиотеку, где состою читателем, страшно сказать, лет сорок, и библиотекарь попросила меня принести старый русский «Букварь» для девочки, стремящейся самостоятельно изучать русский язык.

Первое десятилетие независимости русские Литвы ощущали ностальгию и острую потребность в контактах с исторической родиной. Не следует забывать, что и межгосударственные отношения были куда лучше: в 2001 году состоялся единственный официальный визит президента Литвы В. Адамкуса в Москву, встреча его с главой РФ В. В. Путиным. Ответного визита не последовало. Литва последовательно шла к европейской интеграции, и с момента вступления в Евросоюз в 2004 году мы очутились в новом геополитическом пространстве. За почти два десятилетия независимости выросло поколение русских детей, никогда не бывавших в России, не видевших Москву и Петербург, зато освоивших все близлежащие европейские столицы, осмотревших памятники архитектуры и музеи Италии, Франции, Германии. Они не мыслят себя вне Европы, собираются поступать в зарубежные вузы, прекрасно говорят на литовском и английском языках, а вот их родной русский по-эмигрантски беден и убог. Они — поколение Интернета — газет не читают. Если где и бывают, то на www.tusovka.lt, www.kvn.lt и www.vsem.org. Последний из названных сайтов принадлежит ассоциации «Молодежная инициативная группа». Эти молодые люди несколько лет издавали газету «Перекресток», адресованную сверстникам — старшеклассникам и студентам. «Перекресток» поль-

зовался спросом, но авторы росли, уезжали за границу, энтузиазм и средства издателей иссякли. Газету постигла участь ее предшественницы — почившей в бозе газеты «Мальчишки + девчонки».

На недавней конференции российских соотечественников, проходившей в Вильнюсе, коллеги обсуждали актуальную проблему упадка русской журналистики. И газетчики, и тележурналисты сетовали на то, что у нас не происходит естественной смены кадров: молодых сотрудников найти сложно, поскольку прагматичные молодые люди не видят перспектив работы в русских СМИ. Выпускники русских школ обучаются журналистике на государственном языке (на родном языке такой возможности у них давно нет), а потом устраиваются на работу в литовские печатные и электронные СМИ, где и гонорары больше, и перспективы профессионального роста привлекательнее. А шаткое финансовое положение русских СМИ ни для кого не является секретом, так что связывать с ними карьеру рискованно. В итоге и читатели русских газет, и пишущие в них журналисты — люди немолодые.

Будущее туманно?

Лет десять назад, исходя из опыта межвоенного периода, я говорила, что когда-нибудь в столице останется одна, но очень хорошая русская гимназия. Тогда такую мысль встретили в штывы не только педагоги, но и представители официальных властей. Сейчас, когда идет так называемая «оптимизация школ» (их сливают из-за отсутствия учеников), подобная перспектива уже не кажется неоправданно пессимистичной. То же и с прессой — время и обстоятельства «оптимизируют» ее количество, и читатель «голосует» за убыль русскоязычных СМИ своим полупустым кошельком.

Русская община Литвы малочисленной латвийской и эстонской. В ней нет крупных предпринимателей, заинтересованных в собственной прессе. Каждый из состоятельных людей не может отбиться от просителей и жертвует по мере сил на литературные издания и театральные постановки. Самый крупный меценатский взнос сделал владелец банка Владимир Романов: он выделил миллион литов на то, чтобы привезти в Вильнюс балет Большого театра. О благотворителе так много пишет литовская пресса, что в русских СМИ бизнесмен не нуждается.

И что же нас ждет? Хотелось бы, чтобы у читателя был выбор, а у журналистов — рабочие места. Поэтому надеюсь, что кризис не станет

причиной гибели очередной газеты. Но не все так печально, как может показаться. Например, в этом году при поддержке фонда «Русский мир» появилось новое, скромное пока (восемь полос, тираж — 250 экз.) издание — «Вестник соотечественника», издатель и редактор которого Инесса Чеколаева надеется с помощью российских фондов организовать Школу молодых, а вернее, начинающих русских журналистов, обеспечить им стажировки в крупных московских и питерских СМИ. У нас есть хорошие и очень хорошие сайты, на которые рекомендую заглянуть, например, www.vilniusksynet.lt, www.russianresources.lt или уже упомянутый выше www.runet.lt. В Интернете читатель давно именуется пользователем (косноязычно, но точно). В мировой паутине можно найти все, что угодно. Все, кроме знакомого с детства упоительного запаха свежей, чуть пачкающей пальцы газеты. Под ворчание мамы «не читай за столом» папа раскрывал ее за завтраком. И для меня без запаха и шелеста свежей газеты на родном языке день начинается неправильно...

Зоя Кузнецова
(Калининград)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (Таллин, 29 мая — 1 июня 2009 года)

В пятницу вечером 29 мая 2009 года в Тарту стартовал праздник песни и танца «Славянский венок», в котором приняли участие коллективы из различных стран. По традиции открытие «Славянского венка» происходит не в столице Эстонии, а в каком-либо другом эстонском городе. Главная идея этого праздника — единение всех, кому дороги славянские языки и культура.

В рамках события в Таллине прошли Третьи пушкинские чтения, организованные Пушкинским обществом в Эстонии. Инициатором и вдохновителем конференции была Валерия Борисовна Бобылева, председатель этого общества.

День 29 мая был посвящен экскурсии по Тарту. Участники конференции посетили первую в Эстонии Пушкинскую гимназию, где трудами учителей Е. Перка и Г. Сазоновой был открыт Пушкинский музей, и Тартуский университет, а также познакомились с достопримечательностями города. Побывали в поместье Раади (ранее — Ратсхоф) и на старом кладбище, где столько дорогих могил: музы В. А. Жуковского Маши Протасовой (М. А. Мойер), С. М. Соллогуб (Виельгорской), Ф. В. Булгарина, К. К. Зейдлица, М. П. Розберга, Е. А. Авдеевой, К. Э. фон Бэра, Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц.

Надо рассказать...

Здесь надо рассказать об истории поместья Раади (мыза Раади), так как некоторые доклады участников конференции были связаны с вла-

дельцами этого места. Кроме того, именно здесь родилась «бедная бабушка» Натальи Николаевны Пушкиной — Ульрика Поссе (Липхардт). Хозяином поместья в XIX веке был Карл Липхардт, один из богатейших землевладельцев Лифляндии. Об Ульрике Поссе мы могли бы ничего и не знать, если бы не письмо Н. Н. Пушкиной от 1849 года к ее второму мужу П. П. Ланскому, который находился вместе с полком в Риге: «Если встретишь где-либо по дороге фамилию Левис, напиши мне об этом, потому что это отпрыски сестры моей матери. В общем, ты и шагу не можешь сделать в Лифляндии, не встретив моих благородных родичей, которые не хотят признавать нас из-за бесчестья, какое им принесла моя бедная бабушка. Я все же хотела бы знать, жива ли тетушка Жаннет Левис, я знаю, что у нее была большая семья. Может быть, случай представит тебе с ними познакомиться» (цит. по: [2, с. 226]).

«Тетушка Жаннет Левис» из письма Натальи Николаевны — это дочь Ульрики Поссе, которую Наталья Николаевна называет «бедной бабушкой». Грустная история Ульрики была представлена в воспоминаниях А. П. Араповой, старшей дочери Н. Н. Пушкиной от второго брака. Мать Натальи Николаевны Пушкиной — Наталья Ивановна Гончарова — происходила из семьи Загряжских, которые очень гордились знатностью своего происхождения и своим влиянием при дворе. Отец Натальи Ивановны, Иван Александрович Загряжский, офицер, служивший в гвардии, был отправлен в Дерпт (Тарту). Его жена с детьми осталась в Яропольце. Стоянка в Дерпте оказалась продолжительной. На одном из балов Загряжский увидел красавицу Ульрику, слывшую самой завидной невестой края. К тому времени Ульрика была уже по невыясненной причине разведена (ее мужем был Морис фон Поссе) и имела маленькую дочь — Жаннет. Загряжский обратился к ее отцу с официальным предложением, причем ни один из его товарищей не проговорился о том, что он уже был женат. Барон Липхардт отказал Загряжскому и закрыл ему доступ в свой дом, а Ульрике даже думать запретил об отвергнутом претенденте. Когда полк должен был выступить обратно в Петербург, Ульрика сделала выбор. Она бежала из отцовского дома, оставив маленькую дочь. Подкупленный священник обвенчал их в православном храме. Ульрика все же написала отцу письмо, в котором молила его о прощении. Липхардт даже не ответил на ее письмо, но уведомил через одного из своих людей, что баронесса Липхардт умерла для него навсегда. Слово свое барон сдержал: Ульрика больше никогда не была в Дерпте и не виделась с дочерью.

Из многочисленных романов Загряжского самым скоротечным был с так нагло обманутой им Ульрикой. Он счел неудобным жить с двумя женами: нельзя было ввести в общество вторую жену при живой первой. Поэтому Загряжский поступил так, что мудрее и не придумаешь. Хорошо зная доброту своей законной жены, он привез к ней беременную Ульрику. Последовала душераздирающая сцена. Загряжский тут же приказал перепрячь лошадей и ускакал в Москву! Жена его поняла всю глубину трагедии Ульрики и приняла ее и вскоре родившуюся дочь Наталью в свою семью. Пережитое горе сказалось на здоровье Ульрики, и она быстро угасла.

Законная жена Загряжского не делала никаких различий в воспитании своих дочерей и маленькой сиротки. При помощи влиятельной родни она приложила все старания, чтобы узаконить рождение Натальи Ивановны, оговорив ее наследственные права, что в то время было сделать нелегко.

Дальнейшая история Натальи Ивановны Загряжской нам известна. Она вышла замуж за Н. А. Гончарова. У них было шестеро детей: три сына и три дочери. Одна из девочек — Наталья Николаевна Гончарова, в замужестве Пушкина (см. подробнее [1]).

Карл Липхардт был одним из самых богатых и уважаемых помещиков Лифляндии. В 1833 году его избрали губернским предводителем дворянства. Его дворец в Ратсхофе превратился в культурный центр Дерпта. Последний владелец майоратного поместья Рейнгольд Липхардт в 1917 году навсегда уехал из Лифляндии.

После 1918 года, когда Эстония стала независимой, дворец Ратсхоф был передан Эстонскому национальному музею. В 1944 году дворец был разрушен и до сегодняшнего дня не восстановлен. На его месте будет построено новое здание Эстонского национального музея, но парк уже живет, проводится его реставрация.

* * *

Конференция была открыта приветствием представителей Таллинского университета, Екатерининского колледжа и председателя Пушкинского общества в Эстонии В. Б. Бобылевой. Валерия Борисовна приветствовала всех собравшихся и поблагодарила тех, кто приехал, чтобы принять участие в этом долгожданном событии: представителей пушкинских обществ из России, Германии, Латвии.

Еще одна история

На конференции выступил корреспондент Немецкого радио, журналист доктор Хеннинг фон Левиз оф Менар. Надо заметить, что

«пушкинистом» он стал с моей легкой руки, поэтому расскажу здесь об этом и о его выступлении.

Впервые я встретила с доктором фон Левиз оф Менаром в 1996 году в Балтийской академии (Травемюнде) на конференции. Когда мне его представили, я обратила его внимание на то, что предки Натальи Николаевны Пушкиной по прибалтийской родословной имели ту же фамилию, что и он. Господин фон Левиз оф Менар ответил мне, что этого не может быть, так как у его семьи совершенно другие корни, а его предки были из Шотландии. Тогда мое предположение основывалось только на письме Н. Н. Пушкиной от 1849 года к ее второму мужу.

В 1999 году в Таллине к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина была издана книга М. Гайнуллиной и В. Бобылевой «Эстонская пушкиниана» [2]. Осенью того же года я получила ее в подарок. В разделе «Прибалтийские родственники Натальи Николаевны» целая глава посвящена фамилии Левиз оф Менар, начало которой дали выходцы из Шотландии. И поскольку теперь я утвердилась в своем предположении, то сообщила об этом господину Левизу оф Менару. Ответа не последовало, но я утешалась мыслью, что старые аристократические семьи обычно очень дорожат историей своего рода и господин Левиз рано или поздно отзовется. Так оно и вышло.

Потом мы увиделись с Левиз оф Менаром на конференции в калининградском Немецко-русском доме осенью 2000 года. Он сообщил мне, что, получив от меня известие, собрал своих родственников, и они совершили путешествие на родину своих предков в Эстонию и Латвию. Там господин Левиз купил книгу «Эстонская пушкиниана», о которой выше я уже говорила. Он рассказал о своем прапрадедушке Фридрихе (Федоре Федоровиче), который состоял на службе российской короны и прошел фронтовыми дорогами против Наполеона от Далена до Таураге и дальше через Тильзит, о другом прадеде — Августе, литейном исследователе, издателе книги «Герои русских сказок».

Корреспондент Немецкого радио доктор фон Левиз оф Менар часто бывает в нашем городе. Калининград — единственная тема, которую он освещает сам от начала до конца, много и объективно рассказывает о городе. «История моей семьи — хороший повод прилагать усилия к тому, чтобы Европа объединялась», — сказал он на этом вечере, выразив надежду на продолжение разговора.

На конференции в Таллине Хеннинг фон Левиз оф Менар рассказал о сохранившемся дневнике своего знаменитого предка Фридриха фон Левиз оф Менара, тысячи листов которого тщательно переписывала его мать. Свое выступление он начал по-русски: «Я снова на ро-

дине! На родине своих предков». Дальнейшее он излагал на немецком языке, а его переводчицей была Алла Самуэль из Пушкинского общества в Германии. Хеннинг в шутку (а может, и не в шутку) сказал, что хочет стать членом этого общества. Он говорил о том, что есть много точек соприкосновения Александра Пушкина и Фридриха фон Левиз оф Менара, хотя они никогда не встречались.

Пушкину было 13 лет, когда фон Левиз оф Менар отправился в армию. Войска проходили мимо Лицея, через Царское Село, и мальчишки-лицеисты приветствовали уходящих на войну. Были опасения, что французы дойдут до Риги, а там и до Петербурга рукой подать; существовал даже план эвакуации, и лицеистам была пошита теплая одежда. Но дело до этого не дошло: войска Наполеона были остановлены в Курляндии.

Доктор Левиз оф Менар читал стихи Пушкина по-немецки, а из зала эти стихи звучали по-русски:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог? [З, с. 180]

Далее доктор Левиз оф Менар привел строки из «Рославлева»: «...никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу» [Там же, с. 141]. Это о нашем народе сказано, о народе России...

Список литературы

1. Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. М., 1994.
2. Гайнуллин М., Бобылева В. Эстонская пушкиниана. Таллин, 1999.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 5.

Ван Лие
(Китай)

УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ

В Пекинском издательстве преподавания и исследования иностранных языков 11–12 июля 2009 года прошла межвузовская конференция «Создание учебных пособий по русскому языку и методика обучения русскому языку», организованная совместно с КАПРЯЛ и Институтом русского языка Пекинского университета иностранных языков. В ней приняли участие около 50 преподавателей из разных вузов Китая. На открытии присутствовали председатель Пекинского комитета образования и председатель КАПРЯЛ Лю Лиминь, заместитель секретаря парткома Пекинского университета иностранных языков Вэнь Цзюнь, секретарь партийной ячейки издательства Сюй Сючжи и генеральный секретарь КАПРЯЛ Ду Гуйчжи. Господин Лю Лиминь во вступительной речи отметил, что эта конференция имеет очень важное значение для изучения русского языка во всем Китае. Он назвал конференцию одним из значимых мероприятий в рамках Года русского языка (2009), подчеркнув, что при подготовке специалистов по русскому языку не обойтись без качественных учебных пособий и современной методики обучения.

На пленарном заседании с программными докладами выступили профессор Бэй Чуньжэнь, Ли Инна, Чжан Цзяньхуа и Ши Тецянь (Пекинский университет иностранных языков), Цзя Сюйцзе (Хэйлунцзянский университет), Ли Лэйжун (Шанхайский университет иностранных языков).

Профессор Бэй Чуньжэнь, говоря о прошлом и настоящем китайской русистики, отметил, что сегодня значительно ослабло внимание к русской литературе. Число интересующихся ею русистов стреми-

тельно уменьшается. По мнению профессора, при составлении учебных пособий и при введении специальных дисциплин необходимо учитывать место литературы в образовательном процессе. Он подчеркнул, что литература — это высшее проявление естественного национального языка, подлинный источник познания русской культуры. Кроме того, ученый поделился своими мыслями о важности повышения теоретического уровня учащихся и обучения их самостоятельному мышлению.

Профессор Чжан Цзяньхуа, сожалея о том, что русская литература в настоящее время отошла на второй план, считает, что ее преподавание должно учитывать четыре фактора: современность (форма и содержание должны отвечать потребностям эпохи), гуманитарность (важно проследить дух и суть классики в ее соотношении с массовой литературой), лингвистичность (уроки чтения произведений должны опираться на лингвистический анализ), развлекательность (на уроках следует создать веселую атмосферу обучения: «весело читать, весело обсуждать, весело экзаменоваться»). Насколько удастся совместить эти четыре фактора, зависит от запаса знаний и личного обаяния самого преподавателя.

Директор Института русского языка Пекинского университета иностранных языков Ши Тецянь представил доклад на тему «Концепция составления пособия "Основной курс русского языка"». Он рассмотрел традицию подготовки пособий по русскому языку в Китае и отметил, что уже долгое время здесь считаются наиболее авторитетными учебники, созданные в Пекинском университете иностранных языков, Хэйлунцзянском университете и Шанхайском университете иностранных языков. Однако подготовка учебных изданий отстает от современных требований к преподаванию — это объективный факт. Учитывая концепции разных пособий по русскому языку в их теоретическом и практическом значении, Ши Тецянь познакомил участников конференции с принципами, на которых основывается новейший учебник «Новый Восток», созданный Пекинским университетом иностранных языков. Профессор Ши, отмечая такие его достоинства, как широту культурного кругозора, активное обращение к ситуациям общения и живому речевому материалу, выразил надежду на то, что учебник заинтересует китайских специалистов, а их рекомендации помогут создать ведущее пособие для преподавания русского языка во всем Китае.

На заседании были также представлены доклады «Строение дисциплины-шедевра и методика обучения», «Новые взгляды на составле-

ние пособия основного курса русского языка в Китае», «Освоение и использование РРТ в преподавании основного курса русского языка» и др.

На секционных заседаниях обсуждались вопросы составления пособий и методики обучения русскому языку. Были представлены учебники «Новый Восток», «Чтение русской культуры», «Художественный анализ шедевров классиков русской литературы», «Курс страноведения России», «Практический курс сочинения на русском языке», «Аудио- и видеокурс русского языка» и др. Преподаватели из разных вузов обратились к проблемам подготовки специалистов по русскому языку, использования РРТ в процессе преподавания основного курса русского языка, обучения переводу, страноведения.

Все участники сошлись во мнении, что конференция прошла крайне плодотворно и будет содействовать совершенствованию методик преподавания русского языка и составлению новых учебных пособий. Они решили использовать результаты конференции в своей практике преподавания и исследованиях.

Алексей Дмитриевский
(Калининград)

А. К. ТОЛСТОЙ И ЕГО МИР

В правду, по одежке встречают, а провожают, уже не расставаясь в дальнейшем, — по уму! Талантливое художественное оформление книги М. Д. Трушкина «А. К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы», выполненное художником С. Ю. Губиным, приковывает заинтересованный взгляд, а захватывающее содержание 656-страничного издания удерживает читательское внимание до последней точки. А. К. Толстой — предмет исключительной жизненной пре-

данности и исследовательского энтузиазма М. Д. Трушкина, коренного жителя толстовского Красного Рога, воспитанника исторического факультета Ленинградского университета, заслуженного работника культуры РФ, лауреата литературной премии «Серебряная лира» им. А. К. Толстого. Труд многих лет, книга всей жизни ее автора «А. К. Толстой и мир дворянской усадьбы» вышла в 2009 году в московском издательстве «Русский мир» двухтысячным тиражом. Разговор о книге следует начать с того, что ее реальное содержание выходит далеко за пределы, обозначенные заглавием: путь авторской мысли ведет нас от расцвета дворянской усадьбы в XVIII — середине XIX в. к вершинам русской и мировой культуры в ее главных центрах: Москве и Петербурге, Риме, Венеции, Неаполе, Флоренции, Париже и Берлине. Это воистину галактика русской культуры в ее уникальном свойстве «пасхальности» и в органических европейских связях, где все составляющие замыкаются на личности, жизни и творчестве Алексея Константиновича Толстого.

Культурно-историческая школа XIX века и вкупе с ней биографический исследовательский метод в литературоведении переживают сейчас новое рождение, причиной чему — наша благодатная тяга к

целостному постижению прародительской культуры и, следовательно, — самих себя, пребывающих в своем исторически-родовом коде со всеми нынешними столь же судьбоносными, сколь и трагическими проблемами. А. К. Толстой в своей родовой истории, в собственной жизни и творчестве выступает как уникальный феномен русского самосознания и культуры. Сама его жизнь представляется в широчайших личных и творческих связях с деятелями культуры своего времени от Пушкина и Гете, которых он видел и знал в свои младенческие годы, до вершителей русского и мирового искусства, среди которых — его троюродный брат Лев Толстой, Николай Гоголь, Карл Брюллов, Ференц Лист, Рихард Вагнер. Причем едва не каждому посвящается специальный сюжет, а само «академическое» значение книги оказывается неотделимым от ее публицистического характера. Четыре ее основные части *сюжетно* озаглавлены по персонажно-биографическому, семейно-родовому принципу, а в *проблематике* — по историко-культурологическому: «Графы Разумовские», «Дворянский род Перовских», «А. К. Толстой и Толстые», «Братья Жемчужниковы». Такой подход позволяет автору тщательно проследить глубинную и целостную генетику феномена А. К. Толстого от «пращуров» (малороссийского казака Григория Розума, жившего в середине XVIII в., и легендарного Индраса) до собственно «золотого» XIX века русского национального самосознания и культуры, а также определить узловые моменты русской культурологической преемственности вплоть до нынешнего XXI — в животворных обретениях и драматических потерях.

Естественно, центральное место в книге занимает раздел «Мировоззренческая и эстетическая позиция А. К. Толстого». Автор чужд отвлеченного теоретизирования. Мировоззрение и эстетика писателя в полюсах провозглашавшегося им самим служения красоте как таковой и искусству как искусству уже сами по себе подтверждают тот вероятный факт, что красота и любовь только тогда и являются подлинными, когда они исполнены жизни во всем ее богатстве и, одновременно, глубочайшим соучастием и искренним состраданием автора. А иначе это лишь фантомы, ничто! Нельзя не заметить, что А. К. Толстой является у нас третьим писателем после Пушкина и Лермонтова, у которого (при общем доминировании поэзии) лирика, эпос и драматургия выступают в едином и целостном балансе.

Можно говорить о положительной «многовекторности» культурологической установки автора, сказывающейся в собственно литературоведческих разделах книги. Так, драматическая трилогия писателя рассматривается по преимуществу с философско-исторических пози-

ций, роман «Князь Серебряный» и сатирическая поэзия — с идеологических позиций того времени, а лирика поэта — целиком в биографических трактовках. В этой связи показательно утверждение автора: «Сатира А. К. Толстого как злой инструмент борьбы с невежеством и косностью, демагогией и либеральным разглагольствованием о тех же, ныне надуманных в России "правах человека" и "общечеловеческих ценностях" не знала лицеприятия».

В книге утверждается и прослеживается важнейшее значение преемственно-родового и демографического факторов в русском национальном и культурологическом самостоянии. Так, узнаем, что у прапрадеда А. К. Толстого по материнской линии Григория Розума было шестеро детей, у его сына графа К. Г. Разумовского — одиннадцать, у внука Алексея Кирилловича, деда поэта, — пятнадцать, а у его прадеда по отцовской линии Андрея Ивановича Толстого, удостоившегося счастливого прозвания «Большое гнездо», детей в семье было 23 (!). Понятно, что в такой энергетически мощной семейно-родовой среде свободно возрастал и совершенствовался генофонд нации и складывались надежные условия для становления национальных талантов и гениев — в литературе и искусстве, государственной и военной службе. Это наглядно прослеживается в поименованных наследственных поколениях, а сход их в конечном счете на нет невозможно расценить иначе, как часть общерусской исторической трагедии XX века. Вспомним также, что уникальный писательский образ Козьмы Прутоква возник в благодатной семейно-родовой среде четырех братьев: родных — Жемчужниковых и двоюродного — А. К. Толстого. И трагически невостребованное чувство отцовства у самого Алексея Константиновича, о чем пишет автор, также говорит само за себя.

Книга написана на громадном архивном материале, и поэтому многие тексты (художественные и мемуарные) и культурные вехи нашего «золотого века» впервые вводятся в поле научного зрения. Причем, наперекор и вопреки расплодившемуся ныне поветрию охаивания родной истории, автор взыскует в отечественной жизни и подает самым крупным планом ее жизнеспособные и перспективные свойства, коренящиеся не в последнюю очередь в личности самих общественных, государственных деятелей и творцов культуры. И мы с интересом и сочувствием читаем, например, о серьезных государственных заслугах А. А. Аракчеева и знакомимся с такими незаслуженно забытыми русскими талантами, как художник А. Е. Егоров, названный в XVIII веке «русским Рафаэлем». В книге происходит давно назре-

шая реабилитация понятия «русское благородство» в его духовно-нравственном и культурологическом смысле, реальным жизненным воплощением которого являлся Алексей Константинович Толстой. Безусловное благородство сказывалось в присущем ему чувстве личной причастности к истории и современности Родины-России, в его нежной и преданной любви к двум уникальным женщинам своей жизни — матери Анне Алексеевне и супруге Софье Андреевне, в его предельной душевной открытости всему прекрасному в родном народе, в друзьях и родных, в русской природе, в Красном Роге — его «малой родине», наконец, — в родном и великом Русском слове. Но столь же благородна и нравственна беспощадность А. К. Толстого к пороку в людях, истории и общественно-государственной жизни.

Текст, по-научному описательный и аналитический, изящно беллетризован, в нем мастерски создан эффект непосредственного авторского и нашего, читательского, соприсутствия. Постоянно ощущается, что автор самолично прошел едва ли не всеми путями и тропами своего благородного кумира (как в России, так и в Европе), поверяя каждое свое суждение. Книга снабжена большим справочным аппаратом, библиографией и именным указателем, расширяющими горизонты исследования. В виде приложения в издание включен «Венок А. К. Толстому», в который сплетены посвященные ему стихи и проза одиннадцати авторов: от современников поэта и его друзей Каролины Павловой, Афанасия Фета, Владимира Соловьева до нынешних поэтов Брянской земли.

Знакомство с книгой вызывает и вопросы. Так, небесспорной представляется трактовка личности Софьи Андреевны Толстой и ее роли в жизни поэта. В этой интимно-личной и потому наиболее деликатной и ответственной сфере жизни и творчества любой литературовед оказывается между Сциллой непрременной научной объективности и Харибдой безусловно решающего для нас мнения самого поэта о своей возлюбленной, жене и друге, поскольку здесь жизнь и поэзия абсолютно заодно. Автор чужд модного ныне копания в чужом белье, но сопоставление супруги, которая являлась музой поэта и была одной из умнейших и образованнейших женщин своего времени (которую, кстати, глубоко уважал и ценил Ф. М. Достоевский), с чеховской «попрыгуньей», на мой взгляд, не имеет достаточных оснований. В некоторых случаях ощущаются недочеты справочной информации. К примеру, мои земляки-почепчане с воодушевлением прочитают, что «Алексей Константинович часто бывал в громадном доме своего деда

А. К. Разумовского в Почепе». Но факты, подтверждающие сказанное, к сожалению, отсутствуют. Недостаточно прояснена родственная связь Софьи Андреевны Толстой и Софьи Хитрово.

В заключение процитирую автора книги: «На встречу к А. К. Толстому в Красный Рог едут отовсюду люди, не безразличные к своему прошлому и родной культуре. Ими движет стремление познать себя в непростое для всех нас время и, разумеется, поиск обогащающих встреч с прошлым». Именно праздник обогащающей встречи с прошлым и дарит читателю замечательная книга М. Д. Трушкина «А. К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы».

Вера Белоусова
(Польша)

И СМЕХ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ...

Если ты пишешь книгу просто для смеха,
то тебе может повезти, и ты заставишь
Духа улыбнуться, тогда тебе снова
может повезти, и Дух откроет
перед тобой маленький кусочек истины —
вот ты засмеешься по-настоящему.

Б. Жердин

Произведение «Ничего кроме правды» русского художника-эмигранта Бориса Жердина, имя которого неизвестно широкому кругу читателей в России, состоит из 19 рассказов, объединенных общей авторской интенцией. В них грустная ирония «искушенного человека» (Б. Парамонов) переплетается с такой веселостью и остроумием, которые можно сравнить разве что с романом И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Это игровой текст с двойным кодом, который одновременно рассчитан и на массового, и на элитарного читателя. Первым сигналом игровой поэтики являются открывающие и завершающие сборник мнимые рецензии и отзывы на произведение, в которых ирония неотделима от самоиронии: «Ситуация в сегодняшней России во многом объясняется отсутствием Бориса Жердина» (М. Горбачев), «Это наш соотечественник. Хотим мы этого или нет» (Н. Михалков), «Как мало хочется сказать! Как много хочется добавить! Жердин, тебе б страну править или при ней консортом стать» (Б. Гусев), «Бене Мунес, зунеле. Ты родился художником, а оказалось, что ты еще и писатель. Как много всего на одну голову...» (тетя Зина) [1, с. 4].

Уже с первых страниц автор погружает читателя в стихию легкой остроумной иронии, заставляющей смеяться, но это смех «заговорщи-

ка, видящего что-то такое, чего... не видели до этого или не видят другие» [2, с. 343–344]; компетентный читатель без труда ощущает в подтексте трагические ноты, существующие в ироничной оболочке.

Вступление к произведению «От автора»: «Перед Вами не обычная книга. Впервые удалось создать то, над чем в течение веков безрезультатно бились ученые всего мира. Явление народу этой книги можно сравнить только с открытием философского камня и изобретением колеса. Это — первая в мире Целебная книга» [1, с. 7] — сразу задает ироничный тон повествования как ключ к декодированию текста.

Следующая глава «Вишенка (Автобиографическое)» — описание эстетической стратегии, новой методологической оптики. Образ дерева, к которому по методу Мичурина прививается груша, яблоня, слива, лимон, апельсин и т. д., — метафора постмодернистской игровой парадигмы, указывающей на полижанровость, эклектизм, многомерность создаваемого текста. В произведении сосуществуют вербальный текст, фотографии из семейного альбома, авторские рисунки, открытки, дневники, отзывы, смешиваются фантастический и детективный жанры, образуя единое игровое поле многозначного художественного смысла. Авторская живопись не только выступает как смешивание различных языков культуры, но и становится средством создания интертекстуальности, служащей осуществлению переоценки ценностей за счет пародирования заимствованных источников. Привитая к вишенке веточка марихуаны — знак, снимающий бинарность «реальное — воображаемое», «рациональное — иррациональное».

Эстетическая стратегия «прочитывается» и в рассказе «Ося», представляющим собой коллаж из литературы и живописи — текстов Куросавы, Басё, пародийно обработанных философских сентенций дзен-буддизма, собственных рисунков. Он не случайно стилизован под японское искусство, главный секрет которого — неоднозначность выражения, простор для догадок и намеков [3, с. 409]. Это и очередное приглашение к игре, и развенчание привычных представлений о времени и пространстве.

Раздел «Вишенка» вводит в повествование образ автора-персонажа, автора-рассказчика. Собственно авторский рассказ, озаглавленный «Целитель», который ведется в автобиографическом пространстве, уже первой строчкой обосновывает фантазийную трансформацию собственной жизни в художественный текст. Автор заявляет: «Хотите верьте, хотите нет, но я вам чистую правду скажу. На сегодняшний день я самый сильный экстрасенс в мире. Я обладаю совершенно нечеловеческой силой — лечу абсолютно любые болезни, воздействуя на

людей посредством смешения сознания и трансформации биополя» [1, с. 11]. Тут и указание на специфический способ восприятия и отражения действительности, и отказ от мимесиса и логической структуры повествования. В рассказе реальность и вероятность фигуры рассказчика образуют единое целое. Реально возможное автор помещает в фантастически-детективный сюжет массового искусства, создавая жанровую пародию на биографию. Целебные способности рассказчика, проявившиеся на зоне, в результате чего жена начальника зоны родила от него здорового ребенка; оживление Кольки Филина, которого охрана отделала так, что «он уже дышать перестал» [Там же, с. 13]; прозвище матери «Матка Хари» (аллюзия на манию шпионажа в 1930-е годы); побеги из зоны, обыгранные в веселом ключе; встреча с вождями в мавзолее; Сталин, похожий на начальника лагеря (аллюзия на страну-лагерь); оживление вождей — Брежнева, Черненко (намек на весьма преклонный возраст советского правительства); веселое обыгрывание почти реальных фактов их биографии; иронические портреты Хрущева, Андропова, Ельцина, Горбачева — все это снимает традиционную оппозицию «в шутку — всерьез». В автобиографическом пространстве автор смешивает реально историческое с небылицами, с фантастически-детективным, балансирует на грани этих начал, создавая тем самым «метафорическую биографию» и «метафорическую историю», где, с одной стороны, реалистическими элементами вымощена дорога к абсурду, а с другой — абсурд прокладывает дорогу к исторической реальности, превращает трагически историческое в анекдотически комедийное.

История об отце героя-рассказчика, которого он никогда не видел и которым оказывается известнейший в 1960-е годы французский киноактер Жан Марэ, озаглавленная «Отец», развенчивает стереотипы массового сознания: именно Марэ в шестидесятые был секс-символом советских женщин. Момент иронии, даже глумления над этим стереотипом для знающих биографию Жана Марэ создается введением имени Жана Кокто. Фильм «Парижские тайны», где главную роль играет Марэ, да и само имя актера — это кинематографический знак, указывающий на автобиографический рассказ как на нечто связанное «кровными узами» с фантастикой. Но за фантастическим сюжетом прочитывается безотцовщина, любовь и доброта родни, окружающей героя-рассказчика.

Смысловым полем, скрепляющим все рассказы, является история еврейского народа. Его «мерцающий» образ — внутренний мотив произведения. Еврейская тема возникает в тексте уже в первом расска-

зе в связи с привязкой к конкретному топосу: «Я родился в Гомеле в пересыльной тюрьме», — говорит рассказчик [Там же, с. 11], что не только указывает на исторический факт — черту оседлости, но и метафорически его характеризует. Уже в детстве герой-рассказчик узнал, что он не такой, как все, услышав: «...уберите жиденка к чертовой матери» [Там же, с. 17] — и выслушав объяснение мамы. Затем появляется многочисленная родня: тети, бабушка, дедушка, наконец дядя Абраша — простодушный, добрый, погруженный в бытовые нужды. Такие черты этого героя подчеркиваются восприятием Парижа: «город как город». Описание метрополии в дневнике дяди Абраши, проникнутое юмором, не только развенчивает Париж как культурную Мекку, но и воссоздает типологические бытовые черты народа в его ироническом варианте: «...таких мелочных врунов и негодяев, как французы, я в жизни не встречал. Все лавочники как будто сговорились, пытались всучить мне гнилые нитки. Они, наверное, думали, что если я из Гомеля, то я полный идиот. Но здесь они просчитались. <...> Они мне вымотали все нервы. <...> Правда, это еще вопрос, кто кому вымотал», — записывает Абраша [Там же, с. 83].

Еврейская тематика маркируется и на уровне речи в ее ироническом варианте («цудрейтер», «шлемазел» и др.), еврейским юмором, мудростью: «Когда я смотрю на двух братьев, избивающих друг друга, я хочу говорить о печали», — любимые слова дяди Соломона, вложенные в уста Абраши [Там же, с. 48]. Перед читателем проходит целый ряд гомельских знакомых автора-рассказчика, описанных с нежностью и любовью и вместе с тем с легкой иронией: «Среди эмигрантов существует мнение, что все гомельские — аферисты. В этом, конечно, есть доля правды, но только очень небольшая. Из Гомеля вышло много хороших и порядочных людей, но, чтобы быть объективным, я сначала должен рассказать о теневых фактах» [Там же, с. 154].

Одним из героев рассказов является М. Шагал. Он представлен как проявление народной души, ее творческого и религиозного начала. Его картины — живописный интертекст, расширяющий многозначность текста. Рядом с ним возникает образ Сутина, гения трагического звучания. Венчает эту пирамиду образ дяди Соломона. Историческое имя (внесемантическая реальность) переводится в план текстового значения, участвует в движении текста как семантическая знаковая единица, реализуя многозначную символику имени.

Книга Жердина глубоко интернациональна: ее герои не только евреи, но и русские, украинцы, цыгане, пакистанцы, добрая ирония в описании которых, несмотря на «рассеивание» однозначных смыслов,

высвечивает этот аспект мироощущения автора. Так, в рассказе «Новогодняя история» (уже само заглавие отправляет к сюжетам добрых сказок) герой, который рожден от еврейки и украинца, но записан русским, попав в аварию, остается прикованным к постели, но отдает свои ноги и руки пакистанской девушке: «Решил я эту историю написать, потому что считаю, что она очень хорошая, праздничная. И на Хануку подходит, и на Рамадан, и на Рождество, и на Новый год. История, можно сказать, интернациональная, и в ней многому можно поучиться, если, конечно, правильно понимать» [Там же, с. 108]. А понимание текста, созданного Жердиным, требует работы ассоциативного мышления, игровой расшифровки, раскодировки текста. Разнообразие смысловых уровней множится за счет того, что словесная усмешка, поддразнивание читателя сопровождаются рисунками автора, а многие рассказы обрамляются воспроизведением «Черного квадрата» К. Малевича, который для автора является пародийной метафорой симулякра — ключевого понятия постмодернизма. Он — текст в тексте — интертекст, символизирующий неоднозначность истины, возможность бесконечных толкований.

Список литературы

1. Жердин Б. Ничего кроме правды. СПб., 2002.
2. Лихачев Д. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 2.
3. Судзуки Д. Основы дзэн-буддизма. Бишкек, 1993.

SUMMARY

This issue of the "Slovo. ru: the Baltic accent" journal begins with a welcoming letter from *His Holiness Kirill Patriarch of Moscow and All Russia*, which emphasises the important humanitarian and spiritual mission of the journal in the development and popularisation of the ideas of Russian world. In his opening address to readers, the rector of the Immanuel Kant State University of Russia, Prof. *Andrei Klemeshev*, focuses on the concept of the "Slovo. ru: the Baltic accent" journal and outlines the information prospects of the new university project.

The **Update** section offers a speech by *His Holiness Kirill Patriarch of Moscow and All Russia* delivered at the congress of compatriots in Moscow in December 2009. "We", stresses His Holiness, "still live in different countries, some were born beyond the borders of Russia, but we have got symbols and values that bring us together and preserve the Russian world... as a unique system of values".

The **Society: the path of polemics** section comprises discussions dedicated to the issues of civilization prospects of the "Slavic world" (*Barbara Krieger*), the unique features of the Königsberg-Kaliningrad phenomenon, which, according to *Vladimir Gilmanov*, has grown into a "paradigm bridge" in both politics and culture in general. The problem of "tolerance as the feeling of life" is considered in the historical framework by *Dr. Mikhail Orekhov*.

The principal topic of the **Language: the pulse of time** section is the changes in the Russian language. Linguists reflect on the imperfections of the current reform in the norms of the Russian language (*Dr. Olga Kochetkova*) and on the influence of new sociocultural environment (*Prof. Maxim Kronhaus*) and the Internet community (*Dr. Yelena Rusakova*) on the formation of the speech image of a contemporary native Russian speaker.

The **Signs of history** section offers the analysis of problematical aspects of world history through its crucial events and central figures. An original dialogue opens in the materials dedicated to World War II and its historical heritage – the alterations in the image of the Great Victory in Russian historical thought (*Dr. Vitaly Maslov*), the cultural and economic consequences of the reunification of Germany after the fall of the Berlin wall (*Dr. Alexander Zolov*) and the reflection of the Ossi-Wessi opposition in modern German literature (*Dr. Marina Potyomina*). *Marina Yakovleva* analyses Russian history in the light of the destiny of the famous aristocratic family of the Princesses Yusupov. The **Documents of time** section becomes a rhyme for the topic of history offering photographs from private archives, silent witnesses of their age.

The **Literature** section presents recent research on the history and poetics of classical Russian literature of Pushkin's times. The attention of authors is focused on the tacit artistic dialogue between V. A. Zhukovsky and A. S. Pushkin (*Dr. Galina Sedova*), the role of the 'hypocrisy' and 'decency' concepts in Pushkin's lyric poetry (*Prof. Sergey Isaev*), the transformation of romantic plot in the works of F. N. Glinka (*Dr. Natalia Zhilina*). The sector closes with a review by *Prof. Natalia Solovyova* dedicated to the translations of A. S. Pushkin's works into English. In the next closely related section — **Icon** — *Dr. Valery Lepakhin* analyses iconographic motifs in the Russian literature of the 19th century.

The historical-philosophical and cultural studies issues are addressed in the **Philosophical pages** and **Russians in Königsberg** sections. The portraits of Russian émigrée thought come to the foreground in the analysis of G. A. Landau's philosophy of culture (*Dr. Vladas Povilaitis*) and the review of the Königsberg period in the life of a Russian philosopher N. A. Arsenyev (*Prof. Anatoly Lyskov*). As *Prof. Irina Kuznetsova* argues, the cultural life of Königsberg, the city, which served as a bridge between Russia and Europe in the 18th-19th centuries, owes much to Russian artists.

Alongside modern research in the fields of literature, culture, philosophy, and history, the journal introduces its readers to the heritage of Russian and international classical literature. In **The beginnings** section, *Prof. Vladimir Greshnykh* offers an original interpretation of the Old Russian "Tale of Peter and Fevronia" in the context of eternal literature plots and topics. The section also includes the text of the tale translated by L. A. Dmitriev. In **The Coast** section, *Dr. Tatyana Tsvigun* reviews a new translation of the poem "The seasons" by the forefather of Lithuanian Literature Kristijonas Donelaitis made by a contemporary Klaipėda poet and translator Clandestinus (*Sergey Isaev*).

The **Persona** section is aimed to introduce interesting people residing both in Russia and abroad and playing a significant role in the development and consolidation of Russian national consciousness. The Persona of the issue is the great-granddaughter of A. Fet *Veronica Shenshin*, who was interviewed by the chief editor of the journal *Prof. Vladimir Greshnykh*. The section features an excerpt from V. Shenshin's book "A. A. Fet-Shenshin" (2003).

The closing **Reviews** section focuses on the modern life of the Russian language in the information space of post-Soviet Lithuania (*Dr. Nina Mackevich*) and in the distant from the western border of Russia China (*Prof. Wang Liye*), the tendencies of recent international research on Pushkin's heritage (*Zoya Kuznetsova*), a new book on the work and life of A. K. Tolstoy (*Dr. Alexei Dmitrovsky*), and the poetics of a little-known to the large audience émigré writer Boris Zherdin (*Prof. Vera Belousova*).

Сведения об авторах

Белоусова Вера — д-р филол. наук, профессор Варминьско-Мазурского университета (Польша, г. Олыштын), slavphil@newmail.ru

Ван Лие — д-р филол. наук, профессор Пекинского университета иностранных языков (Китай, г. Пекин), wangliye2003@list.ru

Гильманов Владимир Хамитович — д-р филол. наук, профессор кафедры зарубежной филологии РГУ им. И. Канта (г. Калининград), gilmanov.wladimir@rambler.ru

Грешных Владимир Иванович — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии РГУ им. И. Канта (г. Калининград), greshnykh@ya.ru

Дмитровский Алексей Захарович — канд. филол. наук, профессор кафедры зарубежной филологии РГУ им. И. Канта (г. Калининград), slavphil@newmail.ru

Золов Александр Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта (г. Калининград), zolov47@rambler.ru

Жилина Наталья Павловна — канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы РГУ им. И. Канта (г. Калининград), nzhilina@rambler.ru

Исаев Сергей Георгиевич, д-р филол. наук, профессор Новгородского университета имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород), isaev_2042@mail.ru

Кочеткова Ольга Леонидовна — канд. филол. наук, доцент кафедры речевой коммуникации и журналистики РГУ им. И. Канта (г. Калининград), slavphil@newmail.ru

Кригер Барбара — заместитель председателя Славянского комитета Польши (Польша, г. Варшава), slavphil@newmail.ru

Кронгауз Максим Анисимович — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, директор Института лингвистики РГГУ (г. Москва), mkronhaus@yandex.ru

Кузнецова Зоя Ивановна — член Совета Общества почитателей А.С. Пушкина (г. Калининград), kuznetsova_zoia@mail.ru

Кузнецова Ирина Сергеевна — д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии РГУ им. И. Канта (г. Калининград), kant@kantiana.ru

Лепяхин Валерий Владимирович — канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии Сегедского университета (Венгрия, г. Сегед), lepahin@mail.ru

Лысков Анатолий Павлович — д-р филос. наук, профессор кафедры философии и культурологии РГУ им. И. Канта (г. Калининград), kant@kantiana.ru

Маслов Виталий Николаевич — канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории Балтийского региона РГУ им. И. Канта (г. Калининград), _maslow@mail.ru

Мацкевич Нина — член РКЦ, член правления Литовско-российского благотворительного фонда сотрудничества им. Ю. Балтрушайтиса (Литовская республика, г. Вильнюс), Nina Mackevich269 <nina@lrt.lt>

Орехов Михаил Евгеньевич — канд. пед. наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации РГУ им. И. Канта (г. Калининград), slavphil@newmail.ru

Повилайтис Владас Ионо — канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии РГУ им. И. Канта (г. Калининград), povilaitis@mail.ru

Потемина Марина Сергеевна — канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка РГУ им. И. Канта (г. Калининград), mpotemina@mail.ru

Русакова Елена Борисовна — канд. филол. наук, доцент кафедры общего и русского языкознания РГУ им. И. Канта (г. Калининград), helenrusakova@gmail.com

Седова Галина Михайловна — канд. ист. наук, заведующая Мемориальным музеем-квартирой А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург), moika12@mail.ru

Соловьева Наталия Александровна — д-р филол. наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва), natsolov@mail.ru

Цвигун Татьяна Валентиновна — канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы РГУ им. И. Канта (г. Калининград), t_cvigun@mail.ru

Шенишина Вероника Александровна — д-р филологии Хельсинского университета (Финляндия, г. Хельсинки), veronica.shenshin@pp.inet.fi

Яковлева Марина Алексеевна — зав. сектором научно-методической работ музея «Юсуповский дворец на Мойке» (г. Санкт-Петербург), marina-yakovleva@mail.ru

About authors

Prof. Vera Belousova, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland, Olsztyn), slavphil@newmail.ru

Prof. Wang Liye, Beijing Foreign Language University, wangliye2003@list.ru

Prof. Vladimir Gilmanov, Department of International Philology, IKSUR (Kaliningrad), gilmanov.wladimir@rambler.ru

Prof. Vladimir Greshnykh, head of the Department of International Philology, IKSUR (Kaliningrad), greshnykh@ya.ru

Dr. Alexei Dmitrovsky, Professor, Department of International Philology, IKSUR (Kaliningrad), slavphil@newmail.ru

Prof. Sergey Isaev, Yaroslav the Wise Novgorod State University (Novgorod), isaev_2042@mail.ru

Dr. Olga Kochetkova, Associate Professor, Department of Speech Communication and Journalism, IKSUR (Kaliningrad), slavphil@newmail.ru

Barbara Krieger, deputy chair of the Slavic Committee of Poland (Poland, Warsaw), slavphil@newmail.ru

Prof. Maxim Kronhaus, head of the Department of the Russian language, director of the Institute of Linguistics at the Russian State University for the Humanities (Moscow), mkronhaus@yandex.ru

Zoya Kuznetsova, member of the Council of the A.S. Pushikin's Admirer Society (Kaliningrad), kuznetsova_zoia@mail.ru

Prof. Irina Kuznetsova, Department of Philosophy, IKSUR (Kaliningrad), kant@kantiana.ru

Dr. Valery Lepakhin, Associate Professor, Department of Russian Philology, University of Szeged (Hungary, Seged), lepahin@mail.ru

Prof. Anatoly Lyskov, Department of Philosophy, IKSUR (Kaliningrad), kant@kantiana.ru

Dr. Vitaly Maslov, Associate Professor, head of the Department of the History of the Baltic Region, IKSUR (Kaliningrad), maslow@mail.ru

Dr. Nina Mackevih, member of Russian Cultural Centre, member of the direction of the Jurgis Baltrušaitis Lithuanian Russian charitable cooperation foundation (Lithuania, Vilnius), nina@lrt.lt

Dr. Mikhail Orekhov, Associate Professor, Department of the Theory of Language and Cross-Cultural Communication, IKSUR (Kaliningrad), slavphil@newmail.ru

Dr. Marina Potyomina, Associate Professor, Department of German Language, IKSUR (Kaliningrad), mpotemina@mail.ru

Dr. Vldas Jono Povilaitis, Associate Professor, Department of Philosophy, IKSUR (Kaliningrad), povilaitis@mail.ru

Dr. Yelena Rusakova, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, IKSUR (Kaliningrad), helenrusakova@gmail.com

Dr. Galina Sedova, manager of the memorial flat of A.S. Pushkin (Saint Petersburg), moika12@mail.ru

Prof. Natalia Solovyova, Lomonosov Moscow State University (Moscow), natsolov@mail.ru

Dr. Tatyana Tsvigun, Associate Professor, Department of the History of Russian Literature, IKSUR (Kaliningrad), t_cvigun@mail.ru

Dr. Veronica Shenshin, University of Helsinki (Finland, Helsinki), veronica.shenshin@pp.inet.fi

Marina Yakovleva, head of the Department of Research and Methodology at the "Yusupov Palace on the Moika River" museum (Saint Petersburg), marina-yakovleva@mail.ru

Dr. Natalia Zhilina, Associate Professor, Department of the History of Russian Literature, IKSUR (Kaliningrad), nzhilina@rambler.ru

Dr. Alexandr Zolov, Associate Professor, the Department of History and International Relations, IKSUR (Kaliningrad), zolov47@rambler.ru

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2010

№ 1 – 2

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 26.05.2010 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура «Book Antiqua». Ризограф. Усл. печ. л. 26,1. Уч.-изд. л. 20,4.
Тираж 1000 экз. Заказ 146

Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14